

Владимир Мединский

О РУССКОМ ВОРОВСТВЕ И МЗДОИМСТВЕ

Мифы о России

Annotation

Что у нас самое главное в русской жизни? Что «воруют-с». Все. воруют-с. Везде воруют-с. Всё воруют-с. Нормальнейшее повседневное явление.

Национальная русская черта с давних пор — даже не со времен Карамзина и его «Воруют-с...», а еще раньше, с эпохи кормлений — это всеобщее воровство и взяточничество. И любой всплеск криминала и коррупции — лишь продолжение нашей старинной национальной традиции.

Вот с этим тезисом об извечном русском воровстве в этой книге мы и будем спорить. Автор будет доказывать, что если так отчасти и есть сейчас, это совсем не значит, что так было всегда и что по-другому быть не может.

Читайте, думайте, спорьте!

- [«ВОРУЮТ-С...» ИЛИ ОН УКРАЛ, ИЛИ У НЕГО УКРАЛИ](#)
- [Глава 1](#)
 - [Диагноз](#)
 - [Корни мифа](#)
 - [Оправдание преступников](#)
- [Глава 2](#)
 - [Торговцы, воины, разбойники](#)
 - [Береговое право](#)
 - [Русским — верить!](#)
 - [Ганза дает русским привилегии](#)
- [Глава 3](#)
 - [О ком писал Генрик Сенкевич?](#)
- [Глава 4](#)
 - [Деловой мир кондовой и дикой Московии](#)
 - [Буржуазный строй на Руси](#)
 - [Правительство помогает торговле](#)
 - [Масштабы русской торговли](#)
 - [Биржа в трактире](#)
 - [Петровский излом](#)
 - [Два экономиста](#)
 - [После Петра](#)
 - [«По закону или по понятиям?» Рябушинский и Шлиман](#)

- [Патологически доверчивые миллионеры](#)
- [Глава 5](#)
 - [Предыстория](#)
 - [Гордая песнь об аристократе де Лессепсе](#)
 - [Американская эпопея](#)
 - [Банкиры, жулики и революции](#)
 - [Как продавали Аляску](#)
 - [В чем разница?.. Да во всем!](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
 - [Эталон дворянской чести](#)
 - [Европейское воровство как придворная светская традиция](#)
 - [Как канцлер Бестужев оказался «продажным»](#)
- [Глава 8](#)
 - [Дантон, Мирабо и Ленин](#)
 - [Почему Деникин умер в бедности?](#)
 - [Патологически честные советские люди](#)
 - [Сравним с «цивилизованным» миром?](#)
 - [Сравним со странами Востока?](#)
- [Глава 9](#)
 - [Репутация чиновников, или Поразительная закономерность](#)
 - [«Птенцы гнезда Петрова», или Доподражались](#)
 - [Вертикаль власти «честного Ника»](#)
 - [Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах](#)
 - [Военные заказы... И не только](#)
- [Выводы](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

«ВОРУЮТ-С...» ИЛИ ОН УКРАЛ, ИЛИ У НЕГО УКРАЛИ

Глава 1

Кто, у кого и что украл?

*Князь Горчаков: И что же происходит в России?
Карамзин: Как обычно... Воруют-с...*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ

Диагноз

Скажу сразу: нет никакой уверенности, что диалог состоялся именно между Горчаковым и Карамзиным. Передают его именно так, со старинным простонародным «с» на конце...^[1]

Только собеседников называют очень разных. То дело происходит в Париже, и действительно давно живущий в этом городе Горчаков спрашивает у только что приехавшего Карамзина о том, что происходит на Родине. То такой же вопрос задает князь Барятинский князю Гагарину, и тоже в Париже. В другой версии этого исторического анекдота разговор происходит в Петербурге, а беседуют то ли граф Орлов с князем Куракиным, то ли князь Гагарин с графом Бобринским.

Короче, Бобчинский с Добчинским. В общем, все точно как с бессмертным афоризмом о «двух бедах России — дорогах и дураках». Фраза есть. Целая идеология, построенная на ней, — есть. Автора — нет.

Неизменно одно — многозначительное «воруют-с». Указание на то, что ничего иного в России происходить и не может. Что у нас самое главное в русской жизни? Что «воруют-с». Все воруют-с. Везде воруют-с. Все воруют-с. Нормальнейшее повседневное явление.

Рассказами о стяжательстве, воровстве, хищениях из казны полным-полна русская классика. Возьмем романы Льва Толстого, написанные никак не о воровстве, герои его вообще довольно далеки от любых материальных дел. В «Войне и мире» рассказы о воровстве интендантов — будничные пассажи. В «Севастопольских рассказах» многие места просто страшно читать. Пока одни россияне героически защищают Севастополь, проливают кровь на бастионах, другие преспокойно крадут то, что казна отпустила для обмундирования, вооружения и пропитания армии. Воруют невероятно, неправдоподобно, феерически.

И Стиву Облонского из «Анны Карениной» устраивают на работу с одним расчетом — лишь бы он не очень воровал. Такого человека и ищут — пусть ни черта не понимает в работе железных дорог, но чтобы без воровских наклонностей.

В «Доходном месте» А. Н. Островского вся интрига заворачивается вокруг того, что главный герой не хочет брать взятки, а окружение считает его дураком. Давят на беднягу, и когда любимая жена грозит уходом, он сдается, идет к тестю просить найти ему «хлебное местечко»^[2].

У Чехова есть забавный рассказ, в котором чиновник перепутал, где

произносит речь: на похоронах или на чествовании юбиляра. Говорит, что, мол, покойный взятку не брал. А юбиляр обижается: как это так, взятку не брал?! Их только дураки не берут. Выходит — публично дураком обозвали...

Сцена из спектакля «Ревизор» Н. В. Гоголя. Малый театр. 1883 г.

«Всем досталось. А более всего мне», — с досадой пробормотал Николай I после премьеры «Ревизора». Однако пьеса запрещена не была и с триумфом шла на сцене многих театров Российской империи. Увы, актуальность тема комедии не утратила и сегодня. С маленьким НО: никто теперь Ревизоров так не боится.

Д. А. Шмаринов «Двор». Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 1935-1936 гг.

ТАКИЕ дворы сейчас в центре Питера все же редкость. Стало ли меньше преступлений?

«Ревизор» Гоголя вызывал самую живую реакцию публики. Император Николай I на премьерном представлении буквально захлебывался от смеха, хлопал себя по коленям... Одно только... верно говорит в конце Городничий, поворачиваясь к залу:

— Чему смеетесь? — Над собой смеетесь!..

Действительно: смеемся над собой. Вроде бы хорошая черта — способность к самоиронии. А с другой стороны, признаем как аксиому:

любой чиновник в России — всегда взяточник по определению. Воруют-с.

Разве не об этом же свидетельствуют нравы чиновников в «Мертвых душах»? Воровство как образ жизни.

У Островского вообще все состояния купцов или получены воровством на подрядах, или другим нечестным способом. Его герои идут на фиктивные банкротства, женятся на богатых невестах, присваивают деньги сирот, требуют от приказчиков обманывать в лавках... Нет у нашего великого драматурга ни одного приличного предпринимателя, который зарабатывал бы деньги хотя бы сравнительно честно. Купец Островского-синоним слова «жулик».

Не буду доказывать очевидного, что в основе всякого созданного с нуля состояния, большого и маленького, лежит в первую очередь труд. Если бы состояния Рябушинского, Морозова, Мамонтова и Третьяковых создавались исключительно путем отвратительных махинаций, не было бы громадного развития всей русской экономики во второй половине XIX века. Да и вели бы себя эти люди совершенно иначе.

Но русская классика как сговорилась: если царедворец-то казнокрад. Если чиновник-то взяточник. Если купец-то жулик и вор.

Если принять эту позицию русской литературы всерьез, то получается: сакраментальное «воруются — и вправду есть самое честное, фотографически точное определение сути русской жизни.

В этом не вина никого лично из великих русских писателей. Литература — зеркало жизни, точнее, зеркало представлений литераторов о жизни. Соответственно, литература лишь отразила некое народное убеждение в том, что Россия — очень вороватая страна. Насколько это убеждение свойственно «широким народным массам» — отдельный разговор, но образованный слой Российской империи, те несколько десятков — ну, сотен тысяч человек, для которых и творили Гоголь, Толстой, Островский, Некрасов, — они явно такое мнение разделяли. «Воруют-с» — мнение не только и не столько о каком-то отдельном слое народа или какой-то группе людей, это выраженное в одном кратком афоризме представление об особой вороватости народа в целом, об «особом» характере русского предпринимательства, воровстве, как неотъемлемой части русского государства и общественных отношений.

Корни мифа

Воровство в старину означало всякое преступное действие: поджог, протоносодержательство, подлог, преступления государственные и проч.

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона, 1892 г.

Возможность украсть создает вора.

Фрэнсис Бэкон, английский мыслитель

Ни один народ никогда, ни в какие времена не мог бы изначально относиться к самому себе как к вороватому и нечестному. Иначе он просто не мог бы совершить решительно ничего не то что великого, а даже самого обыденного повседневно-бытового.

Как практически во всех случаях, генезис и этого мифа восходит к описаниям иностранцев: уже знакомых нам путешественников XVI-XVII веков.

...Они очень склонны ко злу, легко лгут и воруют», — сообщал Барберини^[3].

«Они отличаются лживым характером... Москвичи считаются хитрее и лживее всех остальных русских...», — уверенно пишет Герберштейн^[4], Естественно, нет смысла спрашивать, где именно и у кого «считается», что москвичи хитрее и лживее остальных русских. Так же бессмысленно уточнять, хитрее ли русские, чем немцы, или, скажем, датчане.

Определенность в вопрос вносят Штаден, немец, ставший опричником, и Ульфельд, посланник Датского королевства в Московии (XVI в.).

Штаден полагает, что купцы и деловые люди Московии «все время лгут, и очень легко обманывают», что им нельзя давать в долг — не вернут, а всякие оставшиеся на миг без присмотра ценности непременно будут разворованы.

После этого наш честный и глубоко порядочный Штаден тут же живописует, как он присваивает общее состояние нескольких партнеров по торговле и незаконно скрывается из Московии^[5].

Да и появляется Штаден в Московии, наплетя с три короба

московитским чиновникам о своих великих ратных делах и о своей политической «значимости» при «лучшихевропейских дворах». Московиты, раскрыв рты, верили во все сказанное, вызывая у Штадена отвратительную усмешечку столичного люмпена, потешающегося над доверчивостью провинциальных «лохов».

Ульфельд рассказывает, как его обокрали в Риге — тогда городе, вообще-то, сугубо немецком. В Риге не то что русских в помине не было, даже местных — латышей, точнее латгалов, ливов и пр. «сельское мужичье» просто на порог не пускали. Это не мешает Ульфельду сделать вывод, что «эти русские» (Oh, those Russians! — будут из века в век с тех пор повторять иностранцы) «хитры, лукавы, упрямы, невоздержанны, сопротивляющиеся и гнусны, развращенные, не говоря бесстыдные, ко всякому злу склонные, употребляющие вместо рассуждения насилие...» И невероятные воры, конечно же^[6].

Столь далеко идущие выводы сделаны о стране и народе, которые как будто ничем посланника не обидели. А вот по поводу немцев-рижан и народов Прибалтики такие же выводы почему-то не делаются... Логика железная! В Риге обокрали — но все равно немцы честные. В Москве пальцем не тронули — но я же знаю, что московиты — известные ворюги.

Вспоминаю в этой связи, как в 1999 году повезло побывать в нескольких странах Латинской Америки. Напутствия в турагентстве, а также друзей-дипломатов свелись к одному: как будете в Бразилии, особенно в Рио-де-Жанейро, держите ухо востро, воруют невероятно, оглянуться не успеете, как лишитесь денег, вещей и чемоданов заодно. Истории об изобретательности и наглости бразильских воров рассказывали самые невероятные, особенно что касается воровства на пляжах Копакабаны. Мы и держали. И ничего, ни у кого в нашей большой группе — ни малейшей пропажи за неделю. Зато в тишайшей и добропорядочнейшей Аргентине в эту же поездку у меня стащили часы. Не успел оглянуться, причем что забавно, именно на самом уважаемом пляже.

Еще один иноземный посол, на этот раз из Голландии, Фан-Кленк, рассказывает, как его обманули в Москве — всучили негодную шкурку соболя с вылезшей шерстью. Нехорошо, кто спорит? Но почему уважаемый дипломат распространяет сильные эпитеты на весь народ и считает, что все русские — жулики и воры?^[7]

Скоро мы увидим, что о нравственных качествах русских есть и совершенно другие высказывания иностранцев. Но именно негативные

оценки (по большей части мало доказательные и пристрастные) были любовно собраны, сочтены за истину в последней инстанции и легли в основу мифа о неискоренимой русской вороватости. Почему?

Наверное, механизм тут принципиально такой же, как и механизм создания других черных мифов о России. Есть люди, иногда непонятливые иностранцы, а иногда разобиженные на жизнь соотечественники, которые сказали о нашей стране и нашем народе некие обобщенные гадости. И есть другие люди, которые их с большим мазохистским удовольствием повторяют, постепенно превращая чужую злобную остроту или литературный анекдот в истину в последней инстанции.

Со временем мы даже научились не только жить с таким представлением о самих себе, но даже ловко выворачивать этот миф, превращая русскую склонность к криминалу чуть ли не в достоинство. А если и не в достоинство, то, по крайней мере, в некую вполне приличную, не очень мешающую жить национальную особенность.

Возьмем хотя бы «Алтын-толобас», книгу господина Чхартишвили^[8]. Повествование в романе ведется в двух временных пластах: в XVII веке и в наши дни. В XVII веке в Россию приезжает завербованный иноземец, немец Фон Дорн. Не успел он пересечь границу, как на первом же постоялом дворе его обокрали. Разумеется, за границей с путешественником никак не могло произойти ничего подобного. А у нас это норма, что поделаешь. Фон Дорн находит один выход из положения: принимается продолжительно и пребольно дубасить вероятного преступника. И возвращает украденное! Дальнейшие приключения Дорна в том же духе: он забывает поднести «подарки» чиновникам — ведь за границей, «во всех цивилизованных странах», взяток не берут, все честные. А у нас, понятное дело, национальные традиции такие. И опять обижают Фон Дорна, приходится прибегать к высокопоставленным покровителям.

В XX веке отдаленный потомок Фон Дорна, британский подданный Фандорин опять приезжает в Россию. И с ним происходит то же самое! Не успели колеса поезда застучать по русской территории, как его обокрали. Действия те же: насилие над предполагаемыми ворами, возвращение украденного. И далее — невероятное количество криминальных приключений. Мафия, перестрелки, ночные клубы, заказные СМИ, наемные суперкиллеры, «стрелки», бандитские бани и «терки» в ресторанах, крестные отцы и т. д., и т. п. Все это в Москве, конечно же...

Приключения и предка, и потомка выглядят скорее весело, чем страшно, но образ страны рисуется... понятно какой. Получается, мы и правда отличаемся от Запада невероятной криминогенностью да

многовековыми преступными наклонностями. Нигде нет и никогда не было ничего подобного нашему «беспределу».

Жить здесь нужно не по законам, а только «по понятиям», приспособившись к «вековым» обычаям русских. Тогда и воров не опасны, и даже профессиональный киллер, которому «заказали» Фандорина XX века, оказывается симпатягой. Приятный в целом парень, просто работа такая. И вообще мы славные ребята... Хоть и жулики. Не зря же и Фон Дорн в XVII веке, и его далекий потомок Фандорин в XX навсегда остаются в России.

Здорово придумано! Не отрицая того, что русские — вор на воре, никакого закона в стране не было и нет, автор умудряется все равно создать привлекательный образ России, только как бы «от обратного». Диву даешься;

Здесь мы выходим на еще одну удивительную особенность русской интеллигенции.

Оправдание преступников

— А ты!.. Ты — вор! Джентельмен удачи... Украл, выпил — в тюрьму!
Украл, выпил — в тюрьму! Романтика!

Из фильма «Джентельмены удачи»

Русская интеллигенция исстари, вообще не очень видела разницу между добропорядочным гражданином и жуликом. Для городских интеллигентов вор, крестьянин, рабочий, мещанин, купец как-то не сильно различались. Все они сливались в одну смутную массу «народ», и по одним легко судили о других.

Гиляровский описывает поразительную вещь, как московские «интеллигенты» умилительно просят его съездить с ними на Хитровку, Кулаковку, в притоны Сухаревки, в разного рода подозрительные кабаки и сомнительные кварталы для того, чтобы... пообщаться с отбросами общества: нищими, ворами и бродягами^[9]. Своего рода «хождение в народ», правда весьма комфортное — близко от дома, ночуем «у себя», — дешево и сердито.

Здесь проявляется любопытное отличие российского интеллигента от европейца: никогда бы не пришло в голову британцу искать общения с народом на «Дворе отбросов», а французу — на «Дворе чудес».

Хитров рынок и его обитатели. 1900-е гг. Почтайте Гиляровского «Москва и москвичи» о Хитровке. Потом прогуляйтесь в одиночку в районе Солянки-Маросейки — набережной Яузы теплой летней ночью. Не поверите, но как говорил бессмертный НТВшный Хрюн: «Вставляет»

Напомню, что «Двор отбросов» — район Лондона, в котором, если верить «Принцу и нищему» Марка Твена, жили бродяги и люмпены, а «Двор чудес», по описаниям Виктора Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» (также достаточно подробно и ярко он описан в «Анжелике» А. и С. Голон. — Ред.), был аналогичным местом в Париже. Хотя отметим: со временем нравы меняются. Например, в начале уже нашего XXI века в странах «золотого миллиарда» появилось новое забавное туристическое направление. Пресытившиеся европейские бургеры и американские пенсионеры готовы заплатить немалые деньги, чтобы в сопровождении профессиональных гидов посетить... самые нищие районы мира. Особой популярностью пользуются индийские кварталы бедноты и бразильские

фавеллы. Правда, в последнем случае туристическая группа передвигается в сопровождении усиленного наряда спецназа.

Я как-то сам в составе тургруппы совершил трехчасовую прогулку даже не по трущобам, а по самым обычным «нетуристическим» кварталам индуистского паломнического центра — Варанаси, «города мертвых». Что сказать?.. Ощущения на бумаге передать сложно... Главное желание во время прогулки — ни в коем случае никакой частью тела ни к чему не прикоснуться, поскольку кажется, только дотронься до чего-нибудь — и все, умрешь в страшных мучениях от всех известных и неизвестных медицине заразных болезней одновременно. В общем, впечатления не для слабонервных.

Зато русские современники Гиляровского почему-то искали «настоящий народ» на Хитровом рынке и, видимо, судили о народе в целом также по обитателям этого мрачного места.

Вспомним, как народники конца XIX века считали бродяг и воров самой обычной, «неотъемлемой» частью народа. Соответственно, и народу они легко приписывали такое же отношение к блатному миру... Хотя сам народ, крестьяне, надо думать, были с ними совершенно не согласны.

Можно привести много самых фантастических представлений, которые городские умники приписывали народу. Взять хотя бы отношение к Степану Разину. В русском «трудовом крестьянстве» вообще-то никогда не жаловали уголовников, посему убийца и грабитель Разин никогда не был ни героем, ни образцом для подражания, ни объектом восхищения. Никто и никогда в русской деревне не пел о нем песен, с почетом Разина не вспоминал, и «подвигов» его воспроизводить не собирался. В народном сознании Степан — страшный преступник, поправший все законы божеские и человеческие.

В середине XIX века русские фольклористы собирают сказания народа и обнаруживают: нет на самом деле никаких ни сказок, ни былин, ни историй о «положительном» народном герое Стеньке Разине-казачке. Есть устрашающие рассказы о его жестокости, о кровавых и мрачных деяниях. Народная молва помещала Разина строго в ад, и наказание ему было определено под стать грехам: вечно грызть раскаленные кирпичи.

И что же? Интеллигенция устыдилась и одумалась? Нет. Напротив, она сама создала странный романтический культ разбойника.

История такая. В книге некоего голландца Яна то ли Стрейса, то ли Стрюйса «Три путешествия» описано, как Степан Разин утопил в Волге некую взятую в полон персидскую барышню. Книга была издана еще во времена Алексея Михайловича Романова в Амстердаме, потом

переводилась на многие языки. На русском книга вышла в Москве только в 1935 году^[10]. Этот Стрейс-Стрюйс с 1668 года работал парусным мастером в России и находился в Астрахани во время разинского бунта.

В 1824 году в журнале «Северный Архив» в статье о путешествии Стрейса был воспроизведен фрагмент из его книги: «...Мы видели его [С. Разина] на шлюпке, раскрашенной и отчасти покрытой позолотой, пирующего с некоторыми из своих подчиненных. Подле него была дочь одного персидского хана, которую он с братом похитил из родительского дома во время своих набегов на Кавказ. Распаленный вином, он сел на край шлюпки и, задумчиво поглядев на реку, вдруг вскрикнул: "Волга славная! Ты доставила мне золото, серебро и разные драгоценности, ты меня взлелеяла и вскормила, ты — начало моего счастья и славы, а я, неблагодарный, ничем еще не воздал тебе. Прими же теперь достойную тебе жертву!" С сим словом схватил он несчастную персиянку, которой все преступление состояло в том, что она покорилась буйным желанием разбойника, и бросил ее в волны. Впрочем, Стенька приходил в подобные исступления только после пиров, когда вино затемняло в нем рассудок и воспламеняло страсти. Вообще он соблюдал порядок в своей шайке и строго наказывал прелюбодеяние».^[11]

История, что и говорить, впечатляющая. К этому сюжету обращались не раз, в том числе и А. С. Пушкин.

Б. Кустодиев «Степан Разин». 1918 г.

*...Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, канала,
В волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,*

*Казаков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился*^[12].

Василий Суриков во время работы над картиной «Степан Разин». 1906 г.

Большевистские историки продолжили либеральную традицию интеллигенции XIX в. Сотворили из серийного убийцы Разина икону борца за народное счастье

Но его «Песни о Стеньке Разине» распространения не получили.

«Ту самую», впитанную с молоком матери каждым русским человеком песню о Разине, живописующую убийство ни в чем не повинной девушки, начали петь после того, как Д. Садовников, популярный в те годы фольклорист, этнограф и поэт, создал два цикла стихов о Степане Разине: «Из волжских преданий о Стеньке Разине» и «Песни о Стеньке Разине».

Популярной песня стала уже в конце XIX века. Ее исполняли такие

знаменитости, как

Федор Шаляпин и Надежда Плевицкая. Если задуматься над текстом и смыслом, это очень странная песня^[13].

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет,
Сам веселый и хмельной.
А она, закрывши очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные Атамановы слова.

В описании Стрейса атаман Разин утопил княжну, принося Волге своего рода человеческую жертву, мрачное языческое жертвоприношение. Однако у Садовникова иначе. У него дружина, соратники, усомнились: а может, их вождь уже не с ними? Может, очарованный прелестями заморской дивы, уже стал другим? Не как раньше, не «разделяет их общие интересы»?!

Позади их слышен ропот:
— Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провожжался,
Сам наутро бабой стал.

Чего ради возмущение? По какому поводу? Само по себе столь злобное отношение к женщине не характерно ни для крестьян, ни для казаков, ни тем более для дворян... Ни для кого. Страх, что, влюбившись, вожак «обабится», струсит, потеряет мужские качества, свойственен^[14] только одной категории людей — уголовникам.

Опять же, если верить ставшему в России вдруг безумно популярным «воровскому» фольклору.

Но в песне эта психология не отрицается, не осуждается — она приветствуется. Разин ее разделяет полностью и целиком.

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.
Брови черные сошлись —
Надвигается гроза,
Алой кровью налились
Атамановы глаза.
— Ничего не пожалею,

— Буйну голову отдам, —
Раздается голос властный
По окрестным берегам.
— Волга-Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!
Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!
Мощным взмахом поднимает
Он красавицу-княжну
И за борт ее бросает
В набежавшую волну.
— Что ж вы, братцы, приуныли?
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем песню удалую
На помин ее души!

Явно по мотивам подобных песенок создана и знаменитая картина Сурикова: Разин на ней тоже выведен эдаким народным героем. Сидит в элегическом раздумье, наверное о тяжелой народной доле и как бы ее облегчить. Впрочем, может, просто с похмелья дремлет.

Или вот песня «Утес», творение полузабытого поэта А. А. Навроцкого. Стихи сочинены в 1870 году, позднее сам автор положил их на музыку, и они стали «народной песней, широко распространенной в революционных кругах»^[15].

Есть на Волге утес, диким мохом порос
Он с вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершине его не растет ничего,
Только ветер свободный гуляет,
Да могучий орел там притон свой завел
И на нем свои жертвы терзает.
Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался,
И утес человека того не забыл —
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинаят,
Но приволжский парод о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.
Раз ночью порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.
Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны средь ночной тишины
Он великое дело задумал,
...И поныне стоит тот утес и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один, Кто с корыстью житейской не
знался, Кто неправдой не жил, бедняка не давил, Кто свободу, как мать
дорогую, любил, И во имя ее подвизался.

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет^[16].

Нет и не может быть ничего более нелепого и дикого, чем считать эти
сочиненные интеллигентами песни о Разине «народными». А культ Разина
— проявлением истинно народного духа, мечтой народа о безнаказанном
разбое и грабеже.

Кадр из фильма «Ленин в 1918 году». Режиссер М. И. Ромм. 1939 г.
«Если враг не сдается, его уничтожают», — сказал как-то писатель-гуманист Максим Горький

Это Навроцкий, Суриков и Шаляпин видели Разина героем, которого «с почетом вспоминает» весь народ. Но эти интеллигенты-романтики путали разбойников и народ. Сам народ твердо понимал, кто есть кто, и себя с уголовными не смешивал. Вот у Достоевского в «Записках из мертвого дома» как-то непонятна грань между преступником и случайно попавшим на каторгу человеком. Украл? Дело житейское. Не за то сажают, что воровал, а за то, что попался. В каждом человеке сидит палач. Так уж он устроен, человек. Преступник у Достоевского оказывается даже лучше обывателя, он хоть честно сознается, что он вор.

У Максима Горького «положительный» вор Челкаш однозначно противопоставляется «отрицательному» крестьянскому парню. Вор порядочнее, приличнее. Честен хотя бы по отношению к своим^[17].

Надо сказать, что нашу интеллигенцию ждал неприятный сюрприз: проникнувшись духом солидарности со всеми осужденными «преступным царизмом», большевики объявили уголовников «социально близкими» элементами. Это когда, оказавшись в сталинских лагерях, она попадала в лапы «социально близких» авторитетов, на которых опиралась лагерная

администрация.

Вот тут несчастная обманувшаяся интеллигенция и взвыла! Как будто глаза открылись! Вдруг выяснилось, что нет «на зоне» никакой романтики, никакой классовой близости. Уголовные отбросы общества, они что при царе, что при Советах — отбросы. Первые книги, в которых уголовный мир выведен однозначно отвратительным, богомерзким, двуличным, глубоко бесчестным, лишенным всякого человеческого лица написаны именно в СССР — почитайте А. Солженицына^[18], В. Шаламова^[19], Ю. Германа^[20].

Вывод прост: как и во всех других случаях, миф «благополучно» живет до тех пор, пока выдумщики не сталкиваются с собственной выдумкой. Вольно выдумывать сказки про благородных разбойников и их мир, поглядывая на него из окон квартиры в благополучном районе: в печке «стреляют» дрова, в чистой комнате за кофе с коньяком сидят вежливые образованные люди, под окном прохаживается городской,.. А вот когда эти сказочники оказались в одном бараке с настоящими уголовниками — тут-то миф мгновенно рассеялся...

Особняк Рябушинского в стиле модерн, построенный архитектором Ф. Шехтеля.

Власть обласкала пролетарского писателя, вернувшегося на

эмиграции. Предоставила Горькому, например, неплохую жилплощадь в центре Москвы — бывший особняк миллионщика Рябушинского. Сейчас там музей-квартира писателя

Как это обычно и происходит с мифами при столкновении с действительностью.

А в середине — конце XX века уже совсем другие поколения русских интеллигентов вдруг... начали петь блатные песни. Невероятно проникновение в язык уже самих слов из жаргона уголовников: «блат», «беспредел», «по понятиям».

А сам «бандитский фольклор»... Как невероятно популярен стал он в 1960-80-е годы в среде студентов и интеллигенции самого разного уровня и направления! Из всех русских бардов разве что супруги Никитины да Булат Окуджава подобных песен не сочиняли и не распевали. Долгое время на них строил свои выступления народный кумир Высоцкий, пока не обрел собственный голос. Да и, в общем, почти все барды в этом жанре хоть раз да отметились,

У нас часто объясняли с умным видом, что все дело здесь в особой преступности режима Сталина. Мол, если 10% мужского населения побывало в лагерях, что ж удивляться? Ясное дело, интеллигенция прониклась мировоззрением окружения, в которое попала. Действительно ли это так?

Что же случилось с интеллигенцией?! Какая блатная муха их укусила?!

А никакая. Думаю, как раз все было наоборот. В жизнь пришло поколение, которое не получило «прививки» в виде блатарей, «косящих» под анархистов и получивших мандат на грабежи от имени Совдепии. Или в виде лагерного надзирателя из уголовных. А психология у них принципиально не изменилась: как они считали уголовных частью народа, так и продолжали считать. И как только ГУЛАГ подзабыли — радостно запели блатные песни.

В общем, тут даже не один, а два связанных между собой мифа: *и об особой исконной вороватости русских* (Скифы мы! Азиаты! Ермаки! Казаки — воры — разбойники! Не честные голландские купцы, не английские моряки, не французские мушкетеры — что поделать!), и о том, что «в самом» народе никогда и не проводилась грань между честным тружеником и воругой.

Миф и есть миф! Как и во всех остальных случаях, его можно и должно испытать строгим историческим знанием, требовать не эмоций и не «мнений», а фактов. Действительно... Кто же, что, у кого и когда именно

украл?

Чтобы понять, где истина, а где вранье, ответим на заданные вопросы, конкретные и простые.

Глава 2

Репутация купцов и воинов Древней Руси

В Новгороде, как и везде на Руси, можно оставлять золото или другие ценные вещи на улицах и в кабаках.

*АДАМ
КУПЕЦ*

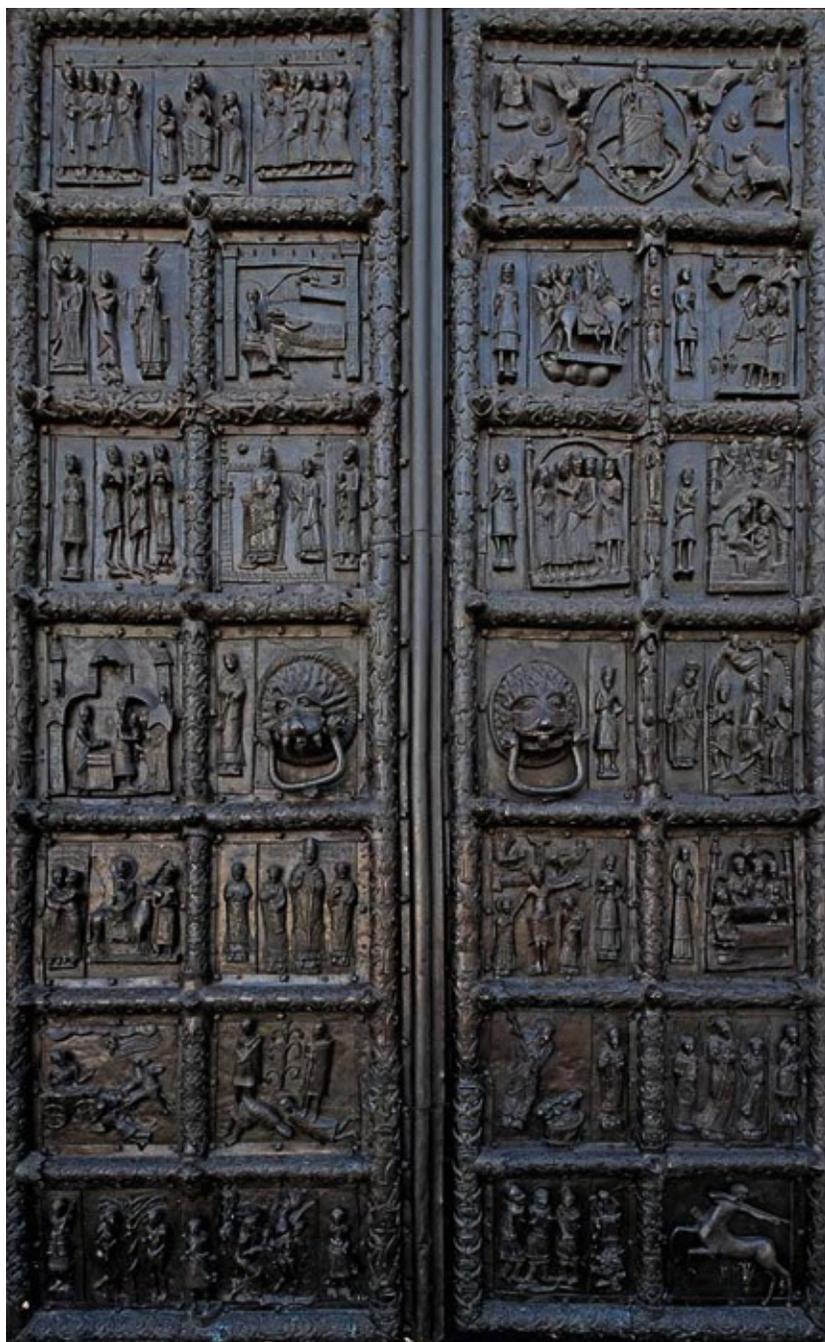
БРЕМЕНСКИЙ, ГЕРМАНСКИЙ

Торговцы, воины, разбойники

Для нас грань, разделяющая разбойника и торговца, очевидна. В древности было не так. Герои Гомера, храбрые греческие мореплаватели, открыватели тогдашнего мира, то торговали, то грабили корабли в открытом море и прибрежные поселения. Так же поступали почти все мореплаватели Средневековья. Купец тогда носил меч не для форса, а чтобы отбиваться от грабителей и диких племен. И он же легко обнажал меч, если представлялась возможность легко поживиться чужим добром.

Насколько морской разбой (и вообще грабеж) был делом обычным, показывает хотя бы история появления в храме Софии Новгородской так называемых Сигтунских ворот. Названы они так в честь города Сигтуна в Швеции. В самой Сигтуне эти ворота появились вследствие грабежа. Их сделали мастера немецкого города Бремена (того самого, откуда «Бременские музыканты»), правильнее ворота было бы называть именно «бременскими». Сигтунцы атаковали город Бремен, сняли ворота с петель, увезли к себе.

Новгородцы напали на Сигтуну, чтобы в свою очередь тоже спереть эти ворота. Но оказалось, их опередили!!! Ворота уже похищены эстами. Новгородцы все-таки сожгли с досады Сигтуну и кинулись вдогонку за эстами, возвращавшимися с воротами домой. Догнали, вступили в морское сражение и ворота-таки отняли. В итоге новгородцы, четвертые (или пятые уже?) владельцы ворот после Бремена, удержали их за собой. Вот почему Сигтунские ворота из немецкого города Бремена до сих пор красуются в храме Софии Новгородской. Историки и искусствоведы радуются, как хорошо они вписываются в архитектурный ансамбль.

Сигтунские, они же Магдебургские ворота. Храм Софии Новгородской

Отметим, что и Бремен, и Сигтуна, и Новгород — отнюдь не какие-то бандитские притоны и морские базы пиратов Карибского моря, а самые что ни на есть добропорядочные купеческие города.

Вопрос: как оценивали иноземцы русских купцов? Как бандитов с большой дороги? Нет. По всем сведениям — очень высоко. Ничего даже отдаленно похожего на поток неприязни и обвинений в вороватости,

завучавший после XVII столетия.

И скандинавы, и мусульмане, бывавшие на Руси, высоко отзывались как раз о тех качествах русских, которых, по их мнению, самим скандинавам порой сильно недостает. Русские выступают людьми честными и надежными, которым можно верить на слово, доверять большие суммы и которые умеют вести дела — с размахом и толково^[21].

Так же отзываються о русских и мусульмане^[22].

Береговое право

На русских сильное впечатление производило так называемое береговое право...

Эта европейская правовая норма официально устанавливала: властитель побережья может присвоить все, что выбросило море после кораблекрушения. Даже спасшиеся люди: пассажиры, матросы, капитан, — теоретически становились собственностью хозяина побережья. Он имел право их убить, обратить в рабство, или (если будет в хорошем настроении) отпустить за выкуп.

В XII веке флот короля Ричарда Львиное Сердце собирался в очередной крестовый поход, однако часть кораблей была отнесена штормом к Кипру. Согласно действовавшему тогда общеевропейскому береговому праву, английский флот, причаливший к берегам Кипра в поисках спасения, был конфискован и реквизирован. Находившихся на борту рыцарей арестовали и попытались получить за них выкуп.

Новгородцы тоже ангелами во плоти не были, по этот «старый добрый» европейский обычай казался им совсем уже перебором.

Однако в глазах жителей Европы грабеж кораблей, разбившихся возле побережья, вообще не являлся преступлением.

Береговое право отменили в Италии только в XII веке, в Англии и во Фландрии — спустя еще 100 лет. И то «выборочно». То есть только по отношению к кораблям богатой и могучей Ганзы. Сделали это, полагаю, из соображений не столько гуманизма, сколько собственной безопасности: ганзейцев, их товары и пассажиров грабить было опасно — а то ведь города Ганзы могут, скинувшись, двинуть немалое войско^[23].

На фоне этой практики совершенно удивительным выглядит договор руссов с Византией в 911 (!) году. Одним из пунктов этого договора был отказ от берегового права!

В те времена купцы плавали целыми караванами — так спокойнее. Уже на порогах Днепра их подстерегали кочевые племена и разбойничьи шайки. О масштабе грабежей говорит хотя бы убийство князя Святослава: если самого «верховного» князя Руси, прославленного воина, пусть и с «малой дружиной», печенеги смогли подстеречь и убить посреди известного торгового пути, что же говорить о мирных купцах?!

Русско-византийский договор 911 года — первый в своем роде. И неплохо бы запомнить, как наши разбойные предки хотели извести

береговое право, а цивилизованная Европа его лелеяла, сохраняя... еще несколько столетий^[24].

Русским — верить!

Все существо его протестовало против этого; красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно.

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

Не только Новгород — многие земли и города Руси вели оживленную торговлю с Европой. Через Богемию-Чехию и Польшу, через Галич и Львов шла торговля с Германией^[25].

Хронист Титмар из Мерзебурга (975-1018) подчеркивал богатство Руси и ее торговые обороты. Он считал русских очень приличными людьми и надежными партнерами.

К. Васильев «Садко и Владыка морской». 1974 г.

Былинный герой Садко — конечно, самый знаменитый новгородский купец. Вот так центральным персонажем народного эпоса стал предприниматель

Каноник Адам из Бремена в книге «Деяния епископов Гамбургской церкви» называл Киев соперником Константинополя и украшением христианского мира. Он описывал Киев как город, где жители ведут себя нравственно и не нарушают десяти заповедей — даже язычники там не воруют и не грабят.

«Анналы» Ламберта Херсфельда написаны около 1077 года. В них содержится много сведений о Руси и отзывы о ней тоже только в самых лучших тонах. Русские считаются людьми глубоко порядочными, их слово надежно. В этом, говорится, отличие русских от скандинавских язычников и жителей Юга^[26].

Германские купцы издавна хорошо знали русских. Еще до монгольского нашествия был подписан торговый договор между Смоленском и немецкими городами Бременом, Дортмундом, Гронингеном, Сестом, Мюнстером, Любеком и Ригой.

Немецкие купцы часто приезжали в Смоленск, некоторые жили в нем постоянно. У них там была даже своя церковь.

Новгородцы не только ждали к себе купцов-гостей, но и сами регулярно плавали по морю в Данию, в Любек и в Шлезвиг, основали свою колонию на острове Готланд.

Итак, воистину удивительное дело! Почему-то немцы очень высоко оценивают русских коллег. Они не только не считают наших предков нечестными и вороватыми, но наоборот, отдают им предпочтение перед «своими».

В 1187 году император Священной Римской империи германской нации Фридрих I даровал равные права на торговлю в Любеке голландцам и русским. Тем самым он предпочел русских корпорациям немецких купцов из других городов, фламандцам и датчанам. Почему? А потому, что «русским можно верить за их отменную честность и справедливость». Видимо, честность и справедливость купцов из Дании и Фландрии император считал не столь отменной. Интересно, а читали ли его указ Герберштейн, Ульфельд и Фан-Кленк? Штаден-то наверняка не читал, увлеченный воровством и грабежами.

Ганза дает русским привилегии

В конце XIV века Ганзейский союз (от средне-немецкого Hanse — союз, товарищество) включал больше сотни городов и контролировал львиную долю торговли в масштабах Европы. Столицей Ганзы был город Любек — тот самый, привилегию на торговлю в котором дал русским сам германский император.

Основой торговли и финансовых операций Ганзы были конторы в Брюгге (Фландрия), Лондоне, Бергене (Норвегия), Венеции, Новгороде. Любек — основной перевалочный пункт на сухопутном и речном пути из бассейна Балтики в Северное море. Новгород лежал в начале торговых путей, связывающих Балтику с Черным и Каспийским морями, Восточную Европу с Западной.

Именно Ганза определяла движение товаров и сырья по всей Европе, посредничая между всеми центрами ремесла и торговли.

Италия поставляла шелк, ткани, Фландрия, Англия и Северная Германия — сукна, Южная Германия, Англия и Скандинавия — металлы, Северная Германия и запад Франции — соль, Швеция — медь, Норвегия — рыбу. Из стран Восточной Европы везли в основном воск, мед и пушнину.

Центральное место в Ганзе занимали немецкие города, а главными были немецкие купцы — посредники.

Наивно считать средневековых купцов чем-то вроде современных предпринимателей. Торговать «с заграницей» мог не всякий желающий, а только получивший особое разрешение, привилегию города или корпорации.

Политика Ганзы во всех странах была проста: монополия немцев, система разрешений и сдержек. Ганза жестко давила английских, фламандских и голландских купцов. Страх перед конкурентами? Не только... В Ганзе почему-то считалось, что англичане и голландцы не умеют учитывать интересов партнеров, не «живут вместе с другими», а всегда держатся сами по себе.

Ганза монополизировала торговлю с Новгородом. Только члены Ганзы имели право учить русский язык, торговать с русскими, а самое главное — давать русским ссуды деньгами или товаром. Почему?! Оказывается, русские — очень надежные партнеры, они всегда отдают долги и со всеми процентами. Ссудить русскому купцу денег считалось выгодным делом.

Русские предлагают свой товар. Резная панель. Ок. 1400 г.

Этот сюжет украшал скамью общины немецких купцов, торговавших в Новгороде Великом

В Ганзе действовал закон, согласно которому проторговавшийся русский купец не мог быть арестован ни в этом, ни в любом другом городе Ганзейского союза. Это может показаться странным. Действительно, почему? Средние века — время очень жестокое. Если суд устанавливал, что купец не может отдать долги, его могли приговорить даже к смертной казни, к пыткам раскаленным железом или отсечению рук и ног. Долговая тюрьма — каменный застенок или земляная яма, где «дебитор» был обречен сгнить заживо, — это еще далеко не самый страшный результат работы средневековых судебных исполнителей по взысканию просроченных задолженностей^[27].

Только вот финансово несостоятельного русского купца почему-то не казнили и не истязали. Его отправляли домой, в Новгород, чтобы он мог опять начать бизнес и со временем отдать долги.

Таких правил в Ганзе не было по отношению ни к кому — ни немецким, ни английским, ни шведским, ни голландским, ни фламандским коллегам. Привилегия русским, однако.

И еще одна деталь... Думаю, достаточно важная. Конторы Ганзы располагались в разных городах, в том числе в норвежском Бергене и в Новгороде. Старшие купцы в конторах бдительно наблюдали за нравственностью своих приказчиков. Считалось важным, чтобы взрослые парни ни в коем случае не крутили романы с местными уроженками. Почему — для нас сегодня непостижимо. Но следили за этим строго.

Так вот... В городе Бергене, втором по величине городе Норвегии после Осло, есть знаменитая ганзейская набережная. Она внесена в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. На набережной сохранился дом, в котором находилась контора Ганзы, и комната, в которой должны были спать немецкие приказчики. Кровати у приказчиков были очень своеобразные... Эдакие то ли корытца, то ли гробики... специально так сделанные, чтобы в эту постель при самом сильном желании нельзя было положить еще одного человека.

И только в одном городе — члене Ганзы кровати для приказчиков устраивались иначе, точнее, по-обычному: в Новгороде.

Поскольку считалось, что новгородских барышень без женитьбы затащить в постель все равно невозможно.

Глава 3

Репутация русской шляхты в Речи Посполитой

...Родился в бедной, но честной семье.

*НАЧАЛО БИОГРАФИЙ МНОГИХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАПАДА*

О ком писал Генрик Сенкевич?

Генрик Сенкевич воспевал Речь Посполиту, противопоставляя ее враждебной, грубой Московии. Его трилогия — величавая песня о гордой державе, ее взлете в начале XVII века и о том, как этой славной стране сломили хребет навалившиеся на нее бедствия.

Первая часть трилогии, «Огнем и мечом», — о войне польской короны с Богданом Хмельницким и помогавшей ему Московией.

Вторая, «Потоп», — название, принятое в Польше для обозначения периода войны со Швецией.

Третья, менее у нас известная, «Пан Володыёвский», — о войне с татарами и турками, завершившейся тем, что новый король Речи Посполитой Ян Собеский наголову разбил турок под Веной в 1683 году.

Увы, именно с того времени Польша начала стремительно отставать, слабеть. Одна из причин — страна и народ истощились в бесчисленных войнах. Три поколения шляхты не жили, а воевали. Военное сословие оказалось выбитым на 80%, заменить его было нечем, а ведь именно шляхта была сословием государственных людей, железным обручем которых была скована Речь Посполита.

Генрик Сенкевич

Вторая причина — невероятные, сказочные привилегии той же шляхты. Таких привилегий не было у дворянства ни одной другой страны мира. Шляхта выбирала королей, выбирала вполне демократически. Всякое важное решение принималось на сеймах и сеймиках, то есть на съездах и съездиках шляхты. Каждый шляхтич, самый что ни на есть ничтожный, обладал «золотым правом» veto — запрета на любое решение правительства или решения целого съезда шляхтичей. Король издал указ, который лично мне не нравится? И я кричу «veto!» Запрещаю! И не пройдет решение, если его не одобрит вся поголовно шляхта, до последнего, самого нищего шляхтича.

Таким образом, положение об «общем согласии», «либерум вето» означало, что любой закон мог быть принят, только если *все* дворянство Польши не возражает.

Шляхтич имел право на конфедерацию — то есть право на создание коалиций, направленных против (!) короля.

Шляхтич имел право на рокош — то есть на официальное восстание против короля.

Если казалось, что король, его чиновники или правительство нарушают золотые шляхетские вольности, «Рокош!» — кричал шляхтич, поднимаясь против короля. Собрались трое таких повстанцев — они уже имеют право создать какое-то подобие государства, Конфедерацию.

Подобный избыток свободы, «шляхетские вольности» сделали Польшу не сильнее, а слабее соседей и привели к ее расчленению, разделам.

Книги Генрика Сенкевича — страстный рассказ о том, какой прекрасной страной была Польша ДО трех разделов XVIII века. Неудивительно, что книги Сенкевича в XIX веке стали знаменем польских патриотов, их зачитывали до дыр, власти — пытались запрещать. В Пруссии дело доходило до изъятия уже выпущенных тиражей, более того — до арестов тех, кто эти книги читал... Вот только возникает вопрос: о ком писал Генрик Сенкевич? О поляках? И где именно происходит действие его романов?

Ответим. В основном — на Украине.

«Сечь, занимающая незначительное пространство, не могла прокормить всех своих людей, походы случались не всегда, а степи не давали хлеба казакам — поэтому масса низовцев в мирное время рассыпалась по окрестным селениям. Вся Украина была полна ими, и даже вся Русь! ...Почти в каждой деревне стояла в стороне от других хата, в которой жил запорожец»^[28].

Дворовые девки главной героини, Оленьки — Александры, легко отличимы от панночек «по языку» — они не умеют говорить по-польски, а только по-русски.

Анджей Кmiteц, главный положительный герой романа — «хорунжий оршанский» — из Орши, что в современной Белоруссии. Этот «оршанский боярин» столь горячий патриот своей малой родины, что, не думая, зарубил на поединке поляка из Короны, который лишь ехидно поинтересовался, ходят ли оршанцы уже на двух ногах, или еще на четырех?

И дружина Анджея Кmiteца — вся из Оршанской и Смоленской земель^[29].

Януш Радзивилл, воевода Биленский, называется в романе еще и как «воевода русский»^[30].

В общем, получается, что польский националист Генрик Сенкевич описывает подвиги не предков современных поляков, а русских людей, подданных короля Речи Посполитой, которые своей отвагой и мужеством не раз спасали судьбу этого государства.

Более того... у Сенкевича нечаянно получается, что именно коренная

польская шляхта все время трусит. Ударили казаки? И самыми сильными противниками казаков оказывается кто? — прибалтийские немцы-наемники и русское дворянство из Великого княжества Литовского и Русского.

Шведы наводят пушки, атака шляхетской конницы захлебывается, как в детском стишке:

...лошадь захромала — командир убит,
Конница разбита — армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя...

Все, конец... Польская шляхта уже готова пойти под руку шведского короля... Но не русская! Русские не предают. С невероятными тяготами они останавливают шведский «потоп», затопивший Речь Посполитую.

Генрик Сенкевич на банкноте в 500 000 польских злотых (1990 г.).

Сенкевич был в Польше «нашим всё» даже во времена социалистической дружбы народов

Скажете, это тоже миф, ненароком созданный талантливым пером польского писателя? Нет смысла даже разбираться. Важно — КАКОЙ миф! Какой полезный миф для нашего народа, если только его перевернуть с головы на ноги и правильно прокомментировать!

Впрочем, как отмечают профессиональные исследователи того периода, исторические основания для этого мифа есть. Русская шляхта в Речи Посполитой была меньше развращена фантастическими привилегиями, чем польская, не была потому столь чванлива и

высокомерна, была дисциплинированнее и отважнее.

И что сейчас важнее всего — была честнее.

Русские князья — Чарторыйские, Вишневецкие, Потоцкие, Сапеги — владели собственными частными армиями, в которых служили и коренные польские шляхтичи. Они были верной опорой для трона и считались людьми большой порядочности и честности. Избираемые польские короли, своего рода пожизненные президенты, не раз отмечали высокие достоинства русских — и боевые, и гражданские.

В современной Польше об этом помнить не хотят. Зачем? Намного удобнее представить войны XVII века как войны передовой «польской» Польши с отсталой и дикой «русской» Московией.

Напомню: Речь Посполита не была национальным государством поляков. Возникшая в 1569 г., она состояла из 2 частей, каждая со своей столицей. Корона — королевство Польское со столицей Краковом, и Княжество — Великое княжество Литовское и Русское со столицей в Вильно (Вильнюсе). Варшава изначально создавалась как общая столица всего государства.

В современной Польше всех положительных героев Сенкевича считают именно что поляками. Но что можно поделать, если ВСЕ эти герои происходят с территории современных Украины и Белоруссии, и сами о себе ясно заявляют — они русины. То есть русские.

Глава 4

Репутация московских деловых людей и купцов Российской империи

Не дал слова — крепись, а дал слово — держись!

РУССКАЯ ПОГОВОРКА

Деловой мир кондовой и дикой Московии

У нас в истории России до XIX века как-то всегда получается, что россиянин прошлого — это или крестьянин-солдат, или дворянин-офицер, он же чиновник — дьяк в московском приказе, либо сановник в Петербурге. Словом, или податное сословие, или государев человек.

Ну, поднатужившись, вспомним еще «представителей духовенства»: попов, дьяков... как их там еще, почешем в затылке? А... вот еще — подьячих да монахов. О том, что дьяк и диакон — это не одно и то же, а подьячий — не есть помощник священника в церкви, вообще вспомнят единицы. Только особо интересующиеся вопросами церкви, либо любители исторической литературы.

Что же касается старорусских дельцов и предпринимателей, почему-то мы их не замечаем. Хотя было их немало, и роль их в жизни страны и народа огромна.

В XVII веке правительство старалось помогать купцам. На взаимной, так сказать, основе. В случае государственной нужды купцы могли ссудить государству совершенно фантастические по тем временам суммы — тысячи и десятки тысяч рублей. Дойная корова тогда стоила рубль, изба — два или три рубля, так что эти тысячи рублей — деньги неправдоподобные, громадные. Настоящие состояния.

Для удобства взимания налогов и организации самих купцов их объединяли в «сотни», закрепляли за сотнями права торговать определенным товаром, внимательно следили за соблюдением этих прав. Весь XVII век отличается огромным вниманием к торговле, к предпринимательству.

Взять хотя бы Новоторговый устав 1667 года, созданный приближенным царя Алексея Михайловича Афанасием Ордин-Нащокиным. Согласно этому уставу, иностранцы платили сравнительно небольшие пошлины, но только если торговали оптом и в приграничных волостях. По мере продвижения в глубь страны и при переходе к розничной торговле пошлины вырастали и становились совершенно непосильными. Волей-неволей иностранцы продавали свои товары, не углубляясь в страну.

Почему это важно? А потому, что еще Михаилу Федоровичу, отцу Алексея Михайловича, на Азовском соборе 1642 года посадские люди подали такую челобитную:

«...А торжишка, государь, стали у нас гораздо худы, потому что наши

торжишка на Москве и во всех городех отняли многие иноземцы, немцы и кизилбашцы, которые приезжают к Москве и в иные города со своими великими торгами и торгуют всякими товарами, а в городех всякие люди онищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод... и мы, холопы твои и сироты, милости у тебя государя царя просим, чтобы тебе, государю... в нашу бедность воззреть».

Новоторговый устав помогал русским людям. Правительство Руси-Московии в середине XVII века ввело систему, которая во всем мире называется протекционистской. Слово восходит к латинскому слову *protectio* — защита, покровительство.

Политику протекционизма, направленную на поддержку национального производства и торговли, проводило великое множество различных правительств в разное время, защищаясь от более сильных соседей.

Только не надо говорить, что протекционистская политика была вызвана слабостью Московии. Дело совершенно не в том, что производства московитских предпринимателей были так уж слабы, и не могли противостоять иноземным.

Афанасий Ордин-Нащокин.
Неизвестный русский художник. Конец XVII в.

Занимался протекционизмом по-русски. Его Новоторговый устав обгонял экономическую мысль своего времени

Франция, по всеобщему мнению, страна самая что ни на есть «передовая» и «цивилизованная». В этой передовой стране выдающийся экономист Кольбер в своих таможенных тарифах (вторая половина XVII в.) проводил политику жесткого протекционизма, защиты французского производства и торговли от конкуренции бойких иностранцев.

Вариантов два: или Ордин-Нащокин и Кольбер случайно ввели протекционистскую политику одновременно. Так бывает часто: как вы знаете, «хорошие идеи витают в воздухе». Но тогда как же быть с тезисом

об отсталости России?!

Или Ордин-Нащокин, размышляя, как помочь отечественному товаропроизводителю, «подсмотрел», как это делается во Франции. Узнал о таможенных тарифах **Кольбера 1664** года, понравилось... И ввел Новоторговый устав почти сразу же вслед за новым таможенным тарифом Кольбера!

Но как же быть в этом случае с закрытостью, замкнутостью, «кондовостью» допетровской Руси?! Чтобы узнать, что делается во Франции, надо и языки знать, и понимать происходящие, как говорят сейчас «тенденции в мировой экономике». А чтобы законопроект стал законом, его должна была поддержать Боярская дума... Несколько десятков людей должны были понимать, что вводится новый закон и для чего...

В общем, дикие россияне или нет, цивилизованные или нецивилизованные, но вот факты: «кондовая» допетровская Русь ведет одинаковую экономическую политику, причем одновременно с передовой европейской державой — Францией.

Поддержанные своим правительством, русские купцы оптом перекупали товары иностранцев в приграничных волостях и потом в розницу или мелким оптом перепродавали в глубине страны.

Эта система поддерживала русские промыслы и производства, ограждая их от конкуренции. А были промыслы эти громадны, и организованы исключительно по буржуазному принципу.

Для современного москвича понятия Хамовники и Кадашевская слобода ассоциируются скорее с одним: центр, метро Фрунзенская и Третьяковская, «Золотой остров», элитная недвижимость за сумасшедшие деньги. Однако несколько веков назад это были обычные «рабочие», вернее «мастеровые» районы, где жили и работали ткачи-«хамовники», где создавались первые ткацкие мануфактуры.

Тогда же появился даже термин «кадашевское полотно», и считалось это полотно ничем не хуже, нежели голландское. Между прочим, так считали не только москвиты, но и сами голландцы.

За 76 лет «допетровского» романовского правления, между 1613 и 1689 годами, возникло до 60 дворцовых мануфактур, таких полукommerческих ГУПов.

А кроме того, появились и купеческие мануфактуры — уже совершенно такие же, как в Европе. Так сказать, мануфактуры самые что ни на есть доподлинные, частно-рыночные.

Таковыми мануфактурами в первую голову стали традиционные промыслы Руси: рыбные и соляные.

В одной Соли Камской работало одновременно 200 соляных варниц, добывавших до 7 миллионов пудов (более 110 тыс. т) соли в год.

Из Астрахани каждый год вывозилось до 300 тысяч пудов соленой рыбы, красной и черной икры.

Канатные дворы в Вологде и в Холмогорах возникли еще в XVI веке, а при Михаиле Федоровиче, в Архангельске возник совершенно новый Канатный двор, которого там раньше не было. О масштабе этих предприятий говорит хотя бы число работающих на Вологодском канатном дворе — более 400 человек. Это и в наше время не мало. А Холмогорский двор давал канаты для оснастки четвертой части кораблей английского флота — второго по размерам в мире после голландского. Как — английского?! А вот так. Канаты из России вывозились в Англию. Без канатов с Канатного двора Архангельска каждый четвертый корабль Британии не вышел бы в море^[31].

Буржуазный строй на Руси

Корыстолюбие делает из человека такие же чудеса, как и любовь.

Д. И. Фонвизин Комедия «БРИГАДИР»

Это все — примеры производств, организованных совершенно «по-буржуазному».

Для канатных производств скупка сырья велась специальными приказчиками, которые «рядились» (т. е. торговались) с крестьянами, порой давали им ссуды под урожай и под будущие поставки — совершенно так же, как это делалось в европейских государствах.

На соляные и особенно рыбные производства каждый год в летнее время сходилось несколько десятков тысяч временных рабочих. В наймиты шли посадские люди, черносошные крестьяне, частновладельческие крестьяне, холопы, в том числе и беглые, и конечно же «вольница».

Крестьяне обычно работали часть года, только чтобы поддержать отхожим промыслом свои хозяйства. Постоянные работники промыслов — это организаторы производства: приказчики хозяина, его доверенные лица.

Это разного рода специалисты, своего рода инженеры и мастера XVII столетия — мастера, умеющие произвести засол разных сортов икры и красной рыбы, знающие инструменты, которыми плетут канаты, или умеющие точно рассчитать количество воды, необходимой для растворения проходящего под землей соляного пласта.

Историки дружно отмечают для всего XVII века возрастание роли вольнонаемного труда на купеческих мануфактурах. Это означает отрыв производств от крестьянского отходничества, от мелкой крестьянской промышленности, то есть от положения чего-то второстепенного по сравнению с «основным» — земледелием.

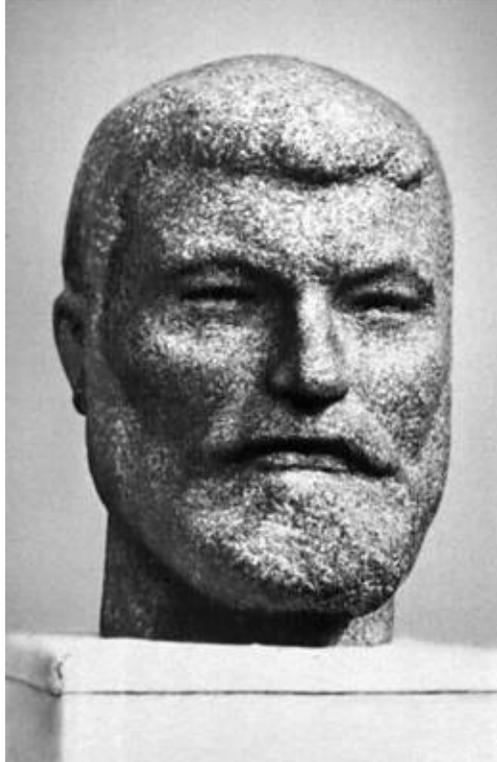
Как оценить все эти явления? А очень просто: как естественное развитие русского капитализма. Как развитие капитализма, протекающее совершенно автономно от европейского и пока что не испытывающего даже отдаленного воздействия своего европейского собрата.

Правительство помогает торговле

«Как известно», «допетровская Русь» была страной дикой, отсталой и позарез нуждалась в реформах Петра, а главное — в просвещении ее Европой. Что бы мы все без нее, без матушки-Европы, делали?! Страшно подумать.

Но считая Русь отсталой и дикой, вредно изучать исторические документы. А то мало Новоторгового устава 1667 года... Так и прежний Торговый устав 1653 года может идейного «западника» буквально ввергнуть в шок.

Судите сами: Торговый устав 1653 года предусматривал полное (!) уничтожение внутренних пошлин. Полное и бесповоротное. С 1653 года купец, подданный правительства Московии, мог свободно и беспошлинно везти товар из любого конца в любой другой конец нашей громадной страны — от берега Охотского моря до Украины и Прибалтики. Устав уничтожал все внутренние границы, любые границы между бывшими княжествами или боярскими вотчинами. Купец пересекал их, и никто не имел права взимать никаких пошлин с его товара. Платилась одна-единственная, универсальная торговая пошлина — 10 денег с рубля; при том, что в рубле считали 200 денег, пошлина составляла всего 5% с покупной цены товара^[32].

Л. Ф. Ланкинен «Помор», гранит, 1966.

Вот оно, лицо русского промышленника. Поморов кормил промысел и зачастую в поисках своей выгоды они делали крупные географические открытия

Естественно, русский купец, татарский или буддистский платили одну и ту же пошлину, — отметим это, потому что в «цивилизованной» Европе было не так.

Скажем, в «передовой» Франции того же времени торговлю внутренние пошлины тормозили невероятно! Королевское правительство сохраняло их вполне сознательно, помогая тем самым не купцам, а «главному сословию», дворянам. Благодаря внутренним пошлинам дворянство, особенно крупные феодалы, владельцы поместий, ставили внутренние таможи на дорогах, у бродов и на мостах. Едешь, везешь товар — плати! Никакого Кольбера не хватило на эту жадную свору, жиревшую на пережитках Средних веков.

Внутренние пошлины составляли до 30% цены любого товара, независимо от того, был ли он произведен в самой Франции или ввозился из-за рубежа. Вплоть до самой Французской революции 1789 года дворяне кормились за счет презренного «третьего сословия», жалких купчишек. Это в нашей дичайшей России правительство почему-то поддерживало купцов!

В Британии, чтобы уничтожить пережитки Средневековья, в 1649 году народ поднял восстание, партии беспощадно воевали до «славной революции» 1688 года. Погибло около 100 тысяч человек, государство пережило период невероятнейшей Смуты, пришла в хаос общественная и семейная жизнь, и даже после революции «пришлось» высылать из страны религиозных «диссидентов» — протестантов, которые не хотели считать английского короля главой церкви. В Америке основали 13 колоний, по числу конфессий «диссидентов», и первоначально «штаты Америки» так и населялись: у каждой веры — свой штат^[33].

В другом таком же светоче цивилизации, в «прекрасной Франции», чтобы уничтожить внутренние пошлости и прочие пережитки Средневековья, потребовалось казнить короля, свергнуть страну в хаос и пучину террора. Погибло уже не 100 тысяч человек, как в холодной малонаселенной Британии, в ласковой и теплой Франции за считанные годы было уничтожено до миллиона человек!

Само существование ее как суверенного государства оказалось под сомнением, пока страну не спас от распада злой гений Наполеона Бонапарта.

...А в Московии тот же самый переворот — уничтожение внутренних пошлин и введение национального рынка — произошел совершенно бескровно, введением Таможенного устава, который «царь говорил, а бояре приговорили».

Правительство допетровской Руси придавало большое значение торговле, производствам и промыслам. Оно живо интересовалось всем этим, и готово было поддерживать «своих» торговых и промышленных людей. Новоторговый устав Ордин-Нащокина доказывает, что далеко не все челобитные посадских и торговых людей, как убеждали нас большевистские учебники истории, царское правительство пропускало мимо ушей да откладывало в долгий ящик. Оно готово было вполне серьезно относиться к их требованиям и помогать им. То есть правительство, конечно же, постоянно решало свои проблемы с помощью предпринимателей — и их денег, и их трудов. Но и оно готово было бросить силы государства в поддержку бизнеса, как бы сейчас сказали, и здесь тоже мы ясно видим общую работу общества и государства, а не их противостояние.

Просто какая-то «ответственная» власть получалась. Эх, дикари...

Масштабы русской торговли

Легко европейцам! Даже большим европейским странам: Франции и Германии далеко до размеров и разнообразия колоссальной России. Конечно, издалека, из заморских стран плыли в Амстердам и Лондон корабли, везли колониальные товары. Но плыли они в 2-3-4 порта, а дальше — связать саму Францию и тем более Англию внутренними торговыми путями не так трудно. Не трудно довести колониальные товары из Лондона и Амстердама до самых отдаленных уголков Англии или Голландии.

В России везти товар приходится на сотни, порой и на тысячи верст. Сохраняйся внутренние пошлины, не будь поддержки у купцов и со стороны государства, и со стороны остального общества, никакой торговли в стране вообще не наладить. А торговля была, и какая!

До начала XIX века славилась Макарьевская ярмарка — в 88 верстах ниже Нижнего Новгорода, у Макарьевского монастыря. Ярмарка началась еще при Иване IV, и даже в Смуту каждый июль на нее собирались купцы.

С 1620-х годов, со времени правления Михаила Федоровича, Макарьевская ярмарка становится явлением общероссийского масштаба. Очень ухе она удобно располагалась: на перекрестке сухопутных дорог из разных частей страны и важнейшего для Московии водного пути по Волге в Каспий.

Словно ручейки, товары и деньги текли из разных концов страны, перекрещиваясь близ Макарьевского монастыря. Из Поволжья везли рыбу, выделанные кожи и соль, из Поморья — соль и деревянные изделия, из Сибири — пушнину и металл, из срединных областей Московии, где урожай удался, — зерно, из Новгорода и Пскова — полотна, из центров народного творчества — те самые Гжель и Хохлому, из Серпуховского уезда и Устюга — изделия из железа.

В 1816 году пожар уничтожил большую часть ярмарки, и торг перенесли в Нижний Новгород. Сто лет, до 1917 года, и во времена нэпа, в 1921—29 годах, собиралась Нижегородская ярмарка.

На Урале с 1643 года собиралась ярмарка в слободе Ирбит, которая вплоть до построения Сибирской железной дороги, то есть до конца XIX столетия, была второй по объему после Макарьевской, потом Нижегородской. Она также работала даже в годы нэпа и позже — в 1922-29 годах, пока не наступило время, когда в СССР «изменились структура и методы торговли».

В общем, уже в XVII веке масштабы внутренней торговли были громадны. К чему, спросит читатель, весь этот обширный торгово-исторический пассаж? Да к тому, что история развития русского торгового дела как-то... ставит под сомнение идеи «изначальной генетической» нечестности и порочности русских купцов. Потому что без доверия друг к Другу, без совместной дружной работы такого масштаба торговли в нашей необъятной стране наладить было никак невозможно.

Биржа в трактире

Есть такой финский кинорежиссер — Аки Каурисмяки. Фильмы у него трагичные и страшные. Смысл их в том, что человек в этом мире никому не нужен, и жить ему решительно незачем. Фильм «Огни городских окраин» (в английском прокате — «Lights in the Dusk») — о честном охраннике в ювелирном магазине и его тяжелой судьбе. Социальная драма о падении нравов.

Только вот вопрос: почему фильм начинается с того, что трое русских пьяниц спорят о Пушкине, Чехове и Горьком? Почему некоторые фразы в фильме произносятся на русском языке, без перевода?

Не сомневаюсь, что Аки Каурисмяки — не сознательный враг России, не агент ЦРУ и не пытался нанести России вреда. Но у него самого, видимо, Россия ассоциируется в первую очередь с люмпенизированным элементом. С такими интеллигентными пропойцами, которые под парами портвейна выясняют смысл поэтики Пушкина и Чехова.

Жаль, что и у этого финского режиссера, и у других инженеров человеческих душ на Западе типичные русские — это «интеллигентные» пропойцы. По его мнению, они своего рода «лицо страны». И ведь не придет в голову никому вывести в фильме людей, которые доверяют друг другу на слово крупные суммы, — как типичных россиян. А они ведь и правда типичные! Бродяги и пьяницы у нас есть — как же без них? Есть во всех странах, их у нас не больше, чем в любом другом царстве— государстве. И нет в их испитых рожах никакой национальной российской специфики.

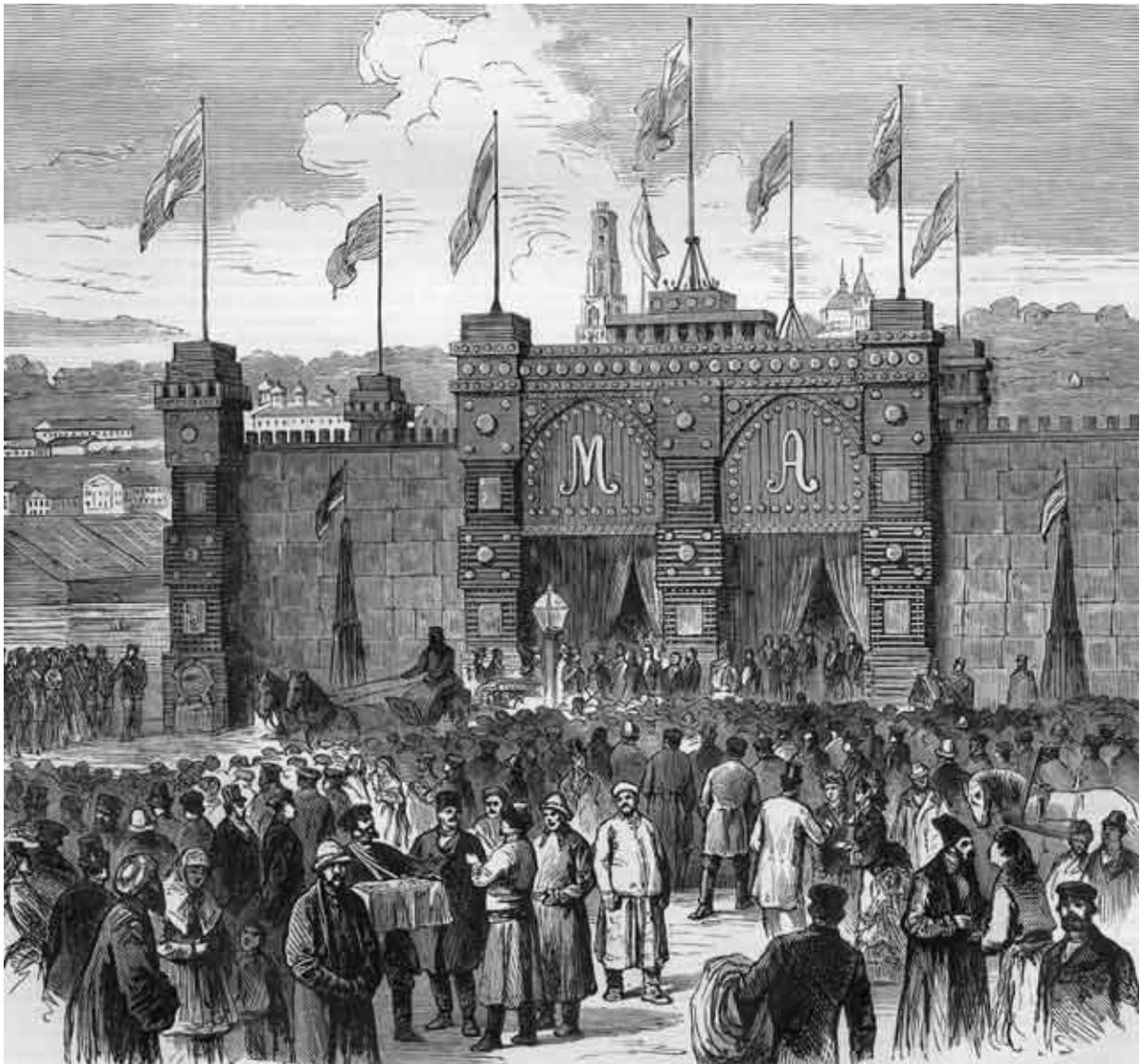
Если искать «типичных русских», выразителей духа страны, то это как раз те, кто заключает устные сделки без векселей и договоров на крупные суммы. Хотите «типичных русских» и желаете «русской специфики»? Тогда покажите не алкаша, цитирующего Пушкина (и что? — мне один бродяга в Вашингтоне Шекспира цитировал), а дельца, заключающего сделку через рукобитые.

Не обращали внимания? Задумайтесь! У нас и до сих пор многие сделки никак официально не оформляются.

Б. В. Иогансон «На старом уральском заводе» («Урал демидовский»), 1937 г.

И сейчас олигархи изредка спускаются в забои — это обязательные PR-акции. Корпоративный дух, социальный мир и все такое. А Демидовы на своих заводах просто жили

Нижний Новгород. Ярмарка. Гравюра Э. Даммюллера по рисунку К. Броже. 1-я половина 1870-х гг. О временах торговой славы в настоящем Нижнем напоминает лишь современный комплекс зданий «Ярмарки» — что-то вроде Экспоцентра в Москве. Там сейчас проходят выставки, конференции...

Попросит у вас лично друг крупную сумму в долг.. Крупную не «вообще», а крупную именно для вас. Не важно, сколько это — 10 тысяч рублей или евро, главное, чтобы сумма была для вас значительная. Такая, которую потерять будет жалко. Вы станете заключать на эту сумму кредитный договор? Нет, у нас обычно вообще дадут без расписок, тем более не оформив сделку у нотариуса.

Многие, наверно, прочитают это место в книге и пожмут плечами:

подумаешь... Все так делают! В том-то и дело, дорогой читатель, что не все. На юридически грамотном Западе как раз не принято давать деньги «на доверии» и без нотариата. Не кажутся нормальному европейцу эти формальности лишними, мелочными и ненужными.

Б. Кустодиев «Купец». 1918 г.

Кустодиева прославили мясистые купчихи его кисти, часто ню. Мужской половиной купецкого рода-племени живописец заинтересовался уже после революции — с обличительными целями

Так вот, имейте в виду: это и правда очень типичная вековая национальная черта русского народа — вести дела на основании устных договоренностей. Свидетельствует ли она об «изначальной» вороватости и нечестности? Судите сами.

90 процентов — если не больше — квартир в Москве сдается без договора. Почему? Жалко расстаться с подоходным налогом? Так он у нас и так самый низкий в Европе — 13%. Да нет, дело не в этом. Так просто принято издавна: все доверяют всем, и в скреплении честного слова подписью на бумаге смысла не видят.

Лучше бы, конечно, налог платили. Но сама эта система говорит об изначальном отсутствии желания кого-либо обмануть. И уверенности, что тебя самого не обманут.

Да что там сдача квартиры в наем! Тут участники рискуют мало.

А когда многомиллионные сделки в теневом секторе российской экономики заключаются на честном слове?

Я не говорю, что это хорошо. Это плохо. Но факт остается фактом: процентов 40 нашей экономики держится именно на нем — на честном слове. Почти что честном купеческом.

Приведу два примера. Что такое (объясняю в сильно упрощенном виде) «обналичка» ?

Та, с которой столь решительно и пока безуспешно борются наши налоговые и еще более решительно и столь же безуспешно — правоохранительные органы? Это значит, что некий предприниматель под липовый контракт, т. е. под пустую бумажку, по которой ничего и никогда нельзя отсудить, отправляет «в черную дыру» свои кровные деньги. Отправляет до наступления того момента, когда они подлежат налогообложению, т. е. закладывая псевдозатраты на себестоимость бизнеса.

Далее, из той же «черной дыры» (ибо в действительности нет ни фирмы, куда они платились, это просто виртуальный счет с печатью, ни персонала этой фирмы: директор, он же главбух, давно умер, или гражданин Израиля, или просто фирма оформлена на краденый паспорт, вариантов множество), — так вот из этого «ниоткуда» у предпринимателя вновь «изрисовываются» деньги. Но уже в наличной «неучтенной» форме. Естественно, за вычетом КОМИССИЙ;

Вот так. Поговорили, пообещали, договорились — и действительно, через неделю передаются зеленые чемоданчики, набитые валютой, или кладутся деньги на оффшорный счет где-нибудь в Люксембурге.

Абсолютно то же самое - с так называемой «серой растаможкой».

Вы платите за партию товара, поскольку это, как правило, крупный импорт, то обычно речь идет о больших или очень больших деньгах, и дальше — передаете все дела так называемому «серому брокеру». Он реально «ведет» логистику вашего товара, выплачивает за него все дополнительные платежи (а иногда — даже выступает агентом по основной сумме сделки), и вот спустя месяц вы забираете свой доставленный товар уже «очищенным» и растаможенным, с российского склада. От имени совершенно неизвестного поставщика — «пустышки».

Поймите, я ни в коем случае не оправдываю систему уклонения от налогов, но давайте задумаемся вот над чем: все участники этой схемы знают, что они НИКАК вообще юридически не защищены. Все действуют ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО на доверии.

Да, нехорошо. Да, нечестно. Но что-то в этом есть патриархальное. Ничего не напоминает?

Устное договорное право...

Честное слово купеческое... Что-то характерно-национальное, говорящее о русском предпринимателе, да и о нашем народе...

На Руси с XVII века промыслы организовывали купцы, прекрасно умевшие объединять свои капиталы, создавать «общества» на паях. Эти «общества», где учитывался вклад каждого и каждый получал доход по вкладу» только одним отличались от акционерных обществ Европы: менее жесткой формализацией.

На Западе предприниматели регистрировали новую компанию как юридическое лицо, вели протоколы заседаний, выпускали акции. Они нанимали адвокатские конторы для ведения и хранения своих документов, а Биржа аккуратно следила, как поднимается или опускается курс акций компании, как «идет» тот или иной товар.

В общем-то, с сегодняшней точки зрения это нам кажется более современным и «методологичным», но давайте подумаем: все ли «правильное» с точки зрения бизнеса является столь же правильным с точки зрения человеческих отношений?

И то, как детально обставляли европейские предприниматели свои отношения, говорит, возможно, только об одном: может, это была всего лишь дополнительная защита от возможного обмана?

Ведь признаемся, положи руку на сердце: а для чего в действительности в наш современный век **ВООБЩЕ** нужны все эти «юридические формальности»? Для чего требуется бесчисленная армия нотариусов и юристов, к чему все эти тонны бумажных договоров, подписи

И печати?

Ну, конечно, с одной стороны, чтобы не забыть, о чем договорились. Чтобы взаимные обязательства были четко зафиксированы. Но это не главное. Если бы речь шла только о свойстве человеческой памяти «забывать», 99% договоров не заключались бы вовсе или делались «в простой электронной форме».

И тогда бы миллионы юристов во всем мире остались без масла на своем куске хлеба.

А дело вот в чем.

Это нужно лишь для одного: чтобы ВСЁ, О ЧЕМ И ТАК ЧЕТКО И ОДНОЗНАЧНО ДОГОВОРИЛИСЬ. Еще раз четко записать, зафиксировать, юристам — завизировать, нотариусу — заверить, потом расписаться кровью, скрепить печатями — и запереть в сейфе. А лучше в арендованной банковской ячейке. Вскрыть которую можно только двумя ключами одновременно в присутствии банковского служащего.

Знакомая картинка?

Читатель еще в наивности своей не понял, для чего все эти ухищрения? Элементарно! Чтобы не было легкого соблазна для договаривающихся сторон друг друга ОБМАНУТЬ!

Увы, все равно обманывают, «кидают», выставляют в дураках... Никакие юридические ухищрения в наш век не помогают против мошенников.

Зато наши предки-купцы редко утруждали себя ведением протокола и прочими сложностями юридического оформления сделок. Они не имели никакого представления о процедуре выпуска акций или о работе Биржи. И знаете, у них получалось! Устного слова доверявших друг другу купцов оказывалось вполне достаточно для того, чтобы создать «общество» и вполне благополучно им руководить.

Один из героев Ивана Бунина, живущий в русской глубинке, описывает нравы купецкие с подкупающей простотой:

«Что нам векселя! Не русское это дело. Вот в старину их и в помине не было, записывал торговый человек, кто сколько ему должен, вот вроде этого, простым мелом на притолке. Пропустил должник срок в первый раз, торговый человек вежливо напоминал ему о том. Пропустил другой — остерегал: ой, мол, смотри, не забудь и в третий раз, а то возьму да и сотру свою пометку. Тебе, мол, тогда дюже стыдно будет!».^[34]

Собирались купцы обычно не в домах друг друга. То есть ходили и в дома, вели степенные разговоры и порой даже дружили семьями. Но дела вели и сделки заключали... в трактирах.

Только не надо начинать песни об «извечном русском пьянстве», мол, без стакана купцы договориться не могли. Эту басню мы уже подробно разбирали в предыдущей книге. В трактире, к слову сказать, вообще по большей части нашей истории спиртным не торговали. Наливали в другом заведении, кое называлось — кабаком.

Трактир же — место для еды и неспешного ЧАЕпития^[35].

Да и чем, собственно, плохое место для бизнес-переговоров?

Международная система страхования, кстати, ведет свое начало со сделок, заключавшихся в лондонском кафе Ллойда. Основные сделки американских воротил начала XIX века тоже заключались в кафе и ресторанах на: Уолл-стрит, в голландской, а затем английской колонии Нью-Йорк — Новый Йорк. И лишь позднее вместо «бизнес-кафешек» на Уолл-стрит выросли гигантские бизнес-центры, банки и биржи.

В 1626 г. голландская Вест-Индская компания основала колонию Новый Амстердам на месте будущего Нью-Йорка. Через 40 лет англичане захватили эту колонию и переименовали ее в Нью-Йорк. А признали этот захват голландцы только после англо-голландской войны 1672-74 гг. Кстати, формально они обменяли Нью-Йорк на Суринам (интересно, вспомнит ли читатель с лёту где это? Ладно, пошла подсказка: это была небольшая колония в Южной Америке, которая тогда называлась Нидерландской Гвианой). И не надо считать голландцев круглыми идиотами. Обмен казался взаимовыгодным: в то время Суринам приносил баснословные прибыли — там были крупнейшие плантации сахарного тростника. А что Нью-Йорк? Бухта, конечно, удобная, но в целом — деревня-деревней. В этом «чейндже» проявилась суть различия в британском и голландском менталитетах. Еврейско-фламандские олигархи действовали тактически грамотно, как бизнесмены-практики, и получили источник быстрых и легких денег. Англо-саксы же мыслили стратегически — и бухта Гудзона стала в их руках ключом ко всей Северной Америке. Так Британия сделала очередной шаг к созданию величайшей Империи.

Так что манера договариваться за чашкой чая у русских и западных предпринимателей как раз была одна. Разница в другом — в уровне взаимного доверия. Вот европейцы как-то друг другу верят мало...

Им нужен нотариат, письменное подтверждение сделки. Нужна бумага, подтверждающая владение своим паем в общем владении, — акция. Нужен нотариус, чтобы фиксировать сделки, и адвокат, чтобы вел дела в суде, не позволяя обмануть.

А русским купцам все это сомнительное счастье казалось не обязательным: они доверяли друг другу, проклятые дикари.

В XVII веке на акционированном капитале соляных и рыбных производств были сколочены колоссальные состояния Г. А. Никитникова, Я. С. Патокина, Д. Г. Панкратьева, Н. А. Светешникова, В. Г. Шорина, О. И. Филатьева и множества рангом пониже.

В XVII веке в купцы мог пойти любой Лично свободный человек, а их было больше половины населения. Черносошные крестьяне в XVII веке «совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части»^[36].

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый владел своей долей и мог распоряжаться ею, как хотел — продавать, сдавать в аренду, подкупать доли других совладельцев, а мог и требовать выделения своей доли из общего владения.

Право же, тут только акционерного общества и биржи не хватает! Или просто они не были нужны?

Петровский излом

Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем.

В. И. Ленин «задачи союзов молодежи», 1920 год

Эти отношения предпринимателя и государства сломали реформы Петра I. После него дворяне и чиновники последовательно считали себя то ли особым сословием, то ли даже «отдельным» народом... Ровней «черному люду» они себя не числили, помогать купцам и вообще вникать в их презренные делишки решительно не хотели.

Характерна судьба Ивана Тихоновича Посошкова. Происходил он из оброчных крестьян села Покровское, близ Москвы, которые работали в мастерских Оружейной палаты государева двора. Иван был грамотен, владел многими навыками, благодаря чему «никогда не празден был и дней своих не терял даром».

Родился он в 1652 году, а в 1692-м переехал в Москву. К концу жизни владел двором в Петербурге, двумя дворами в Новгороде, двумя небольшими имениями со своими крепостными в Тверской и Новгородской губерниях. Он изготавливал денежные станки для монетного двора и как лучший механик был представлен царю, открывал нефтяные месторождения, устанавливал фонтаны, изобретал разные воинские орудия, занимался винокурением и торговлей. Незадолго до смерти пытался получить разрешение построить полотняную фабрику.

Посошков подготовил ряд экономических проектов: «О денежном деле», «О новоначинающихся деньгах», он автор нескольких сочинений.

За несколько месяцев до кончины Петра I Посошков адресует ему рукопись своей книги «О скудости и богатстве»^[37].

В ней Посошков предлагает реформы, которые, по его замыслу, обогатят и все сословия, и само государство. Увы, он не знаком с сочинениями западных экономистов, а посему создает русскую экономическую науку фактически с чистого листа. Он все придумывает сам. Что характерно: для Посошкова экономика — лишь часть общественной жизни, а не самое главное в ней. Не жизнь зависит от экономики, а экономика создается для обеспечения всей общественной жизни^[38].

Его экономическая книга начинается с раздела... «О духовности».

Православной духовности.

Если общество беднее, то от «неправды». «Российская земля во многих местах запустела, и все от неправды и от нездорового и неправого рассуждения. И какие гибели начнутся и все от неправды!», — с горечью восклицает он.

Сегодня многие убеждены, что бизнес и мораль — явления совершенно несовместимые. Точнее, они как бы «из разных измерений». «Бизнес вне морали» — вот основной девиз всех российских «прихвизаторов» да, увы, и большинства политиков.

Важное замечание. Разговоры о том, что политика — такая архисложная штука, требующая особых знаний, особых умений, что она совершенно не подвластна уму простого смертного, — все это фантазии. Ложь и выдумка тех, кто пытается за этим словоблудием скрыть собственную двойную игру. Собственные неблагоприятные поступки. Свою попытку манипулировать сознанием простого избирателя.

Ордин-Нащокин, царь Алексей Михайлович, Петр I. Горельеф памятника «Тысячелетие России» в Новгороде.

Что знает сегодня российская молодежь о нашей истории? Кто такой Петр I, знают все. Без деталей, конечно. Алексей Михайлович Романов в

лучшем случае студенты-отличники гуманитарных вузов. Ордин-Нащокин? Пожалуй, никто

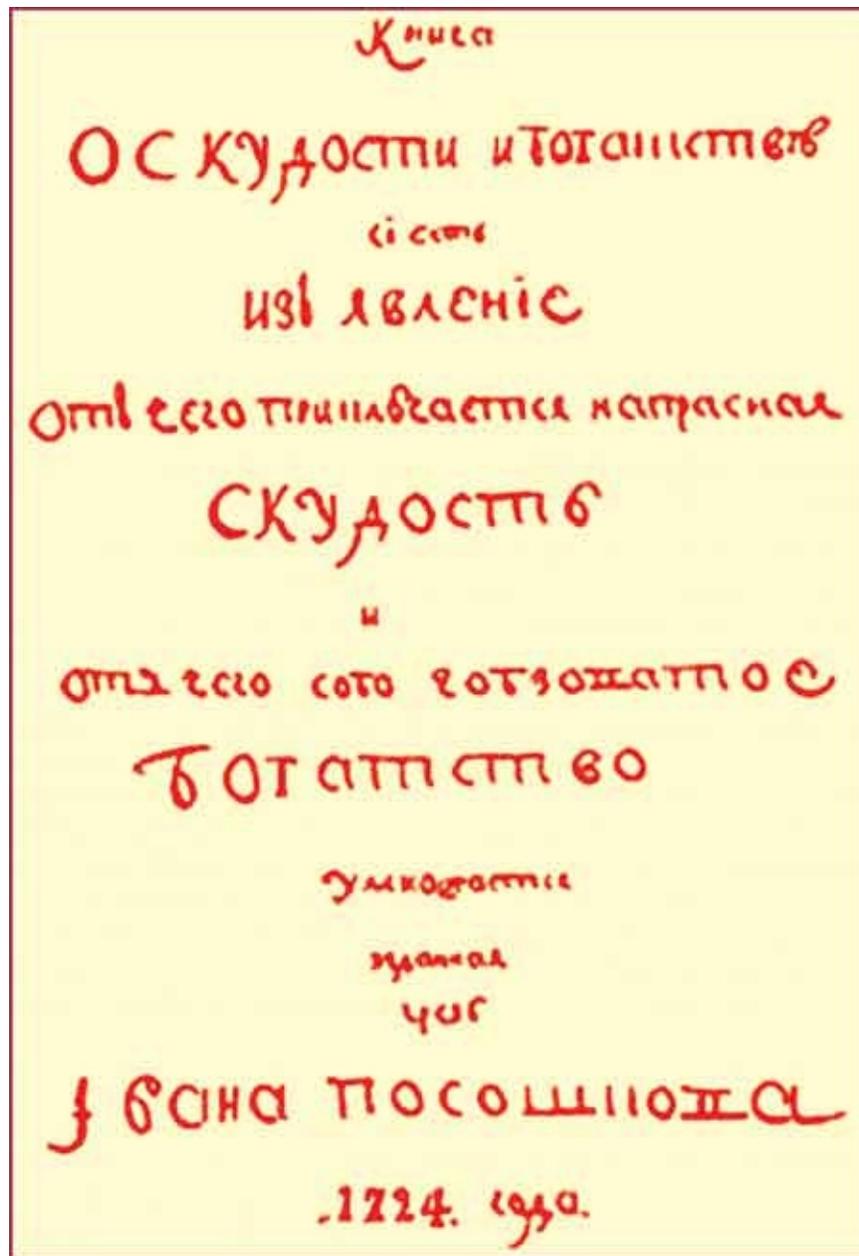
Политика, говаривал Наполеон Бонапарт, есть просто здравый смысл, приложенный к большим делам. Это абсолютно точное определение. Самый простой человек, вооруженный здравым смыслом и жизненным опытом, а также умеющий отличать черное от белого, добро от зла, — способен принимать политические решения. Просто масштабы другие, а принципы принятия решения — абсолютно те же. Простой здравый смысл — лучший путеводитель по парламентским дебрям и правительственным закоулкам.

Вывод из всего этого следующий: если поступки политика кажутся вам странными, непонятными, необъяснимыми, то в 99,9% случаев за этим нет никакого особого сокровенного знания.

От вас просто скрывают истинные цели этого действия либо бездействия.

Для Посошков а бизнес основывается на нравственности. Сам бизнес, считает Посошков, есть явление нравственное и нужен для того, чтобы в обществе становилось больше «правды».

Посошков был сторонником народного просвещения, распространения грамотности, ослабления тягот крепостного права, радикальной судебной реформы. Облагать налогами надо всех, в том числе и дворян, описав все их земли. «*Дабы на земле Его Императорского Величества никто даром не жил*», а все были бы «платежниками» согласно размерам своих земельных владений.

И. Посошков «О скудости и богатстве». Рукопись.

Для Посошкова бизнес основывается на нравственности. А не на «понятиях»

Купцы и ремесленники да будут соединены в единую корпорацию, которую организует государство. Торговлю надо регулировать, ограничивая ввоз иностранных товаров. Зачем ввозить то, что можно производить в России? Производство надо поддерживать, особенно сложные, наукоемкие производства. Он советовал Петру, как развивать отечественную крупную промышленность: сначала строить казенные заводы по переработке

отечественного сырья, а затем передавать их в частные руки с взысканием за них оброка. *«Дабы люди богателись, а царская казна множилась»*.

Что-то вроде приватизации с последующими компенсационными выплатами. Приватизацию мы в 90-е провели, казенные советские заводы в частные руки лихо передали. А вот что касается второй части экономической доктрины бывшего оброчного крестьянина Посошкова, — к этому наши великие государевы мужи все как-то не подступятся.

Россия должна торговать готовыми изделиями, а не сырьем, считал Посошков^[39]. *«Чем им лён да пенку продавать, лутче нам продавать им готовые полотна парусные и канаты, и камордки, и рубки...»* Не надо везти с Запада каждую мелочь, надо делать самим. Тогда и иностранцы сами к нам изменятся, станут «ласковее, прежнюю свою гордость всю отложат и за нами станут гоняться».

Все эти преобразования, по убеждению Посошкова, надо основывать на принципах православной нравственности и церковной традиции. В них и проявляется духовность.

Сам Посошков просил Петра держать свое авторство в тайне. Всерьез опасался, что если прознают о его «мизерности», то есть о его «низком» происхождении, то *«не допустят... на свете ни мало времени жити, но прекратят живот мой»*.

Но, судя по всему, книга до Петра не дошла. В 1725 году Посошкова вдруг за что-то ни с того ни с сего арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Умер Петр, взошла на престол Екатерина I. Уже в годы ее правления, 1 февраля 1726 года, Иван Тихонович скончался. Труд его скрывали в Тайной канцелярии, потом он попал в архивы. Весь XVIII век книга распространялась в рукописном виде — «самиздате» той эпохи.

Ломоносов для Академии наук поручил снять копию с оригинала рукописи «Книга о скудости и богатстве», которая и сохранилась до сих пор.

В 1840 году труд Посошкова обнаружил в архивах и опубликовал историк М. П. Погодин. Погодин поражался смелости обращения простого человека напрямую к императору, тому, как резко он осуждал тяжелое положение крепостных крестьян, которых помещики «стригли яко овцу догола».

Судьба Посошкова — прекрасная иллюстрация того, как менялась жизнь при Петре и после Петра. Порождение русского XVII века, Посошков мог стать и стал успешным предпринимателем, состоятельным человеком, видным членом своего общества. Но быстро погиб в новых

общественных условиях, при всевластии дворянства и бюрократии.

Два экономиста

*Бранил Гомера, Феокрита; Зато читал Адама
Смита
И был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том, Чем государство
богатеет
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.*

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Основу современной западной политэкономии заложил шотландец Адам Смит.

Адам Смит родился в 1723 году в небольшом шотландском городке в семье чиновника. Ему было три года, когда Посошков сгинул в Петропавловке.

Мальчик прекрасно учился и много читал. В 14 лет он поступил в университет города Глазго, в 28 лет сам стал профессором. Главная книга его жизни оказала колоссальное воздействие на умы общества^[40]. По всеобщему мнению, Адам Смит сумел первым популярно объяснить, что же такое экономика.

Адам Смит. Гравюра.

Смит был воспитателем отпрыска одного французского герцога, за что до конца жизни получал очень неплохой пансион. Так что у него было время заниматься не нудной практикой экономики, а политэконом и ческой теорией в чистом виде

Многие его афоризмы повторяют до сих пор. Например, «невидимая рука рынка». В России он тоже непрекаемый авторитет.

Свое учение Адам Смит назвал политической экономией; ее и преподают в наше время, в России в том числе.

По мнению Адама Смита, рынок должен быть свободен от эмоций и ограничений, от пут нравственности, религии, предрассудков и государственного вмешательства. Главный двигатель рынка — эгоизм людей, которые хотят обогатиться.

«Не от расположения к нам мясника, пивовара или булочника ожидаем мы нашего обеда, а от пристрастий их к собственным выгодам. Мы обращаемся не к гуманным их чувствам, а к эгоистическим. Мы говорим не о наших чувствах, а об их выгоде». Логику человеческих поступков по отношению к другим людям, по его мнению, можно объяснить формулой: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что нужно тебе».

Человек, природный эгоист, стремится как можно лучше обеспечить себя материальными благами. Адам Смит подробно изучает, откуда берутся и какими бывают эти блага, категории частнособственнической хозяйственной деятельности: прибыль, рента, капитал, рынок труда и другие. Его интересует природа роста капитала в частных руках, а тем самым в руках общества и государства.

В экономическом учении Смита закон спроса и предложения есть основа человеческих взаимоотношений. Если каждый станет преследовать свой эгоистический интерес, то «невидимая рука» рынка в конце концов сделает богатым и все общество в целом.

А личность человека? Его духовный мир, а ценности, которые не купишь? Всё не экономическое, объясняет Адам Смит, — это частное дело индивида. В экономике нет никакой целостной личности, да там она и не нужна.

«Хомо экономике», средоточие утробных эгоистических интересов, не ждет добрых поступков от своих близких и не оказывает их другим. Он разумно преследует свою выгоду и твердо знает, что ничего не получит даром, но и сам ничего не делает просто так.

Политическая экономия Смита сделала его знаменитым. Его буквально носили на руках. Наверное, он действительно сказал что-то очень важное людям того общества, в котором жил. Видимо, правильно определил его основные закономерности, характер взаимоотношений в нем людей.

Беда в том, что даже в западном обществе политическая экономия Смита в чистом виде «работает» не всегда. Реформы начала 1990-х годов показали, что в России не удалось эффективно и четко запустить механизм, который Адам Смит наблюдал в Шотландии конца XVIII века.

Интересно, что сам Адам Смит большую часть жизни оставался чистым теоретиком, никак не применяя свою теорию для личного обогащения. Он полностью посвятил себя уважаемой, но не особенно доходной научной и преподавательской работе. Только в конце жизни, после издания своей знаменитой книги, благодаря хлопотам влиятельных знакомых и почитателей, он (в 1778 г.) получил прибыльную должность главы таможенного управления Эдинбурга. На этой должности он и умер в 1790 году.

Егор Гайдар.

Гайдар. Как много в этом слоне для сердца русского слилось!

Увы, все в его жизни сложилось не по его собственной теории... Обеспеченным человеком Адам Смит сделался как госчиновник, а не как свободный от государства предприниматель.

Явлинский и Гайдар, естественно, объясняли нам, что все дело в нашей собственной отсталости. Вот догоним передовой Запад, и все сразу станет в порядке.

Но в том ли дело? Может быть, нашу экономику описывает какая-нибудь другая теория?

Может, такую теорию мы найдем у Ивана Посошкова?

А разница между теоретическими воззрениями профессора Смита и крестьянина-мастерового-купца Посошкова была значительна.

Во-первых, повторюсь, Посошков считал, что деньги, материальное богатство, экономика — вовсе не главное в жизни общества.

Больше стяжания вещественного богатства мы должны «заботиться о невещественном богатстве, то есть истинной правде». Только при общем согласии и христианской любви друг к другу «все обоготятся», а царские сокровища «соизлишества наполнятся, потому, что правда никого не может обидеть», «правде— отец Бог и правда вельми богатства и славу умножает...»

Адам Смит, как человек практичный, никогда не забивал себе голову подобной православной «ерундой».

Во-вторых, Посошков не считал предпринимателей главными людьми в обществе и государстве. Есть люди, которые должны заниматься бизнесом, а другие — может, вовсе и не должны.

В-третьих, Посошков был большим сторонником сильного государства.

Центральную роль в обществе, по его мнению, должно было играть монархическое государство и сам монарх, располагающий всеми возможностями для достижения «общего блага» всех сословий. Он наивно полагал, что государство даже может произвольно определять стоимость золота, серебра да и вообще всего на свете. Мечтал о том, что государство в состоянии установить «естественную, справедливую цену». Причем предлагал решить вопрос очень просто: *«Буде кто взял цену... излишнюю, взять штрафу да высечь батогами или плетьюми, чтобы впредь так не делал»*^[41] Какая уж тут «невидимая рука» рынка. Имеет смысл сравнить взгляды Адама Смита и Ивана Посошкова в виде таблицы (стр. 87).

Что тут сказать? Взгляды Посошкова современному человеку могут казаться идеалистическими и даже детскими, в то время как Адам Смит выглядит практичным и очень убедительным. Все это так. Но не будем отрицать, нравится это кому-то или нет, что тысячелетие православия все же сформировало определенный тип поведения людей. И без учета народной психологии ни экономические, ни какие-то иные реформы не могут достичь в России полного успеха.

Поэтому нам и кажется чужим, чуждым этот выкованный из серебряных «rounds of sterlings» «экономический человек» Адама Смита. Бизнесмен-протестант, лишенный чувства сострадания. И любви к ближнему. Для которого всякое вмешательство в экономику — посягательство на «естественную свободу» человека.

Проблемы	Посошков	Адам Смит
Место экономики в жизни общества	Экономика подчиняется законам нравственности и интересам людей	Экономика определяет все стороны жизни общества
Роль государства	Государство определяет параметры экономики	Государство должно максимально устраниваться от экономической жизни
Отношения участников экономической жизни	Это отношения партнеров и жителей общего дома	Чисто эгоистические
Цель экономической жизни	Удовлетворение потребностей людей и государства	Личное обогащение
Смысл обогащения	Служить Вере и Правде, общему благу избранничества	Показать свое личное избранничество
Источник богатства	Совместный труд	Личный труд и труд наемных работников
Причина бедности	Нарушение нравственных законов	Леность и глупость
Долг богатых	Служить обществу	Отсутствует
Обращение с бедными	Научить их зарабатывать	Изгнать из общества, или сам рынок их все равно изгонит

Нам (подчеркну, что говорю не о себе лично, а о том социальном

настроении, которое сегодня явно превалирует в обществе) ближе образ государства как единого Дома, в котором пусть живут разные сословия, разные люди и идеи. Но в котором экономика — не цель, а средство.

Печально, что сочинения Ивана Посошкова стали известны слишком поздно. Зато Адама Смита в России ожидал шумный успех. В 1802-04 годах в переводе русского посла в Лондоне С. Воронцова сочинения Смита издали в России аж в четырех томах.

С тех пор развитие России и русской экономической мысли во многом определялось теориями Адама Смита и его последователей.

После Петра

Национальные традиции вести дела на основе устного договора не умерли и после Петра.

Русской политэкономии, увы, не возникло. Но многие купцы и деловые люди жили по-прежнему, по старинке. Невзирая ни на какого Адама Смита. Читаешь Мамина-Сибиряка и Мельникова-Печерского — и словно переносишься в русский XVII век. Герой книги Мельникова-Печерского «В лесах», мастерской Алексей, выходец из заволжских лесов, впервые оказывается в Нижнем Новгороде, заходит со своим пожилым и более опытным земляком, дядей Елистратом, в нижегородский трактир.

Там «...сидят все люди почтенные, ведут речи степенные, гнилого слова не сходит с их языка: о торговых делах говорят, о ценах на перевозку кладей, о волжских мелях и перекитах. Неподалеку двое, сидя за селянкой, ладят дело о поставке *пшена из Сызрани до Рыбной*; один собеседник богатый судохозяин, другой кладчик *десятков тысяч четвертей зернового хлеба...*»^[42] Такие же диковинные современному «новому русскому предпринимателю» нравы предстают и в среде, которую описывает Иван Шмелев. Здесь речь идет о других купцах, московских, но колорит тот же.

Хотя бы взять эпизод, когда купец страшно удивляется, почему билетов на аттракционы продано мало, а денег приказчик сдал ему намного больше чем полагается по билетам? А потому, объясняет приказчик, что слишком много людей хотело кататься на санках и каруселях. Деньги он брал, а билеты отрывать не успевал. Потому и денег больше, чем можно ожидать, считая проданные билеты...^[43]

Некрасов. Современники знали его как прекрасного поэта, азартного карточного игрока, любителя юных девушек и удачливого издателя. Предприниматель Некрасов стоял у истоков массового коммерческого книгоиздания в России. А в стихах поэта Некрасова появился положительный «буржуй» Гирин

Впрочем, не одни купцы жили и вели дела на Руси. Герой Н. А. Некрасова — то ли крестьянин, то ли мелкий чиновник, не поймешь. Да и

так ли уж это важно? Интереснее, что в поэме «Кому на Руси жить хорошо» Ермил Гирин противостоит как раз отрицательному персонажу — совершенно «ненародному» купцу...

...сиротскую

Держал Ермило мельницу

На Унже. По суду

Продать решили мельницу:

Пришел Ермило с прочими

В палату на торги.

Пустые покупатели

Скоренько отвалилися.

Один купец Алтынников

С Ермилом в бой вступил...

Пошло у них сражение:

Купец его копейкою,

А тот его рублем!

На этом «беззалоговом аукционе» Ермил все-таки победил, но денег при нем не оказалось.

Повеселел Алтынников: «Моя, выходит, мельница!»

«Нет! — говорит Ермил,

Подходит к председателю. -

Нельзя ли вашей милости

Помешкать полчаса? »...

На площадь на торговую

Пришел Ермило (в городе

Тот день базарным был),

Стал на воз, видим: крестится,

На все четыре стороны

Поклон, — и громким голосом

Кричит: «Эй, люди добрые!

Притихните, послушайте,

Я слово вам скажу!»

Притихла площадь людная,

И тут Ермил про мельницу

Народу рассказал...

А рассказав эту историю, крикнул Ермил Гирин на всю площадь:

«Коли Ермила знаете,

Коли Ермилу верите,

Так выручайте, что ль!..»
И чудо сотворилось:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошело,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ефмило брал — не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подъячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..

А деньги народу — после этого своего рода «народного IPO» Ермил, конечно вернул:

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу.
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.

Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний — чей бог ведает!
— Остался у него.
Весь день с мощной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...^[44]

Вот и разберись с этой Россией... То — «воруют-с...», а то — Ермил
Гири...

То — глумливое хихиканье интеллигенции, а то вдруг — купцы,
рукобитием решающие сделки на перевозку «десятков тысяч четвертей
зернового хлеба». Чему верить?!

«По закону или по понятиям?» Рябушинский и Шлиман

*Простой и добрый семьянин, чиновник
непродажный,
Он нажил только дом один — Но дом
пятиэтажный.*

Н. Л. Некрасов «Прекрасная партия»

Как мы видим, и биржа в трактире, и устные сделки продолжают существовать весь XIX век. Более того, русским купцам решительно не нравился нотариат. Многим из них казалась обидной необходимость «излишне» фиксировать на бумаге то, о чем уже договорились, Тем более заверять написанное. А то как получается?! Мало того, что я и так дал слово. Еще и бумагу подписал — уже великая крайность. А тут договор еще заверяют, ставят печати, и выходит — окружающие сомневаются в моем слове?! Кому-то надо доказывать, что я намерен исполнить сказанное?! А кто-то еще будет перепроверять меня, сверяя сделанное по написанной бумаге?! Обидно-с...

Мне не удалось установить, какая часть сделок еще в начале XX века проходила без юридического оформления, но было их очень, очень много. Рассказывая о вороватой по своей природе России, теоретики нашего воровства в упор не видят разбросанных по всей нашей классике упоминаний колоссального веса «честного купецкого слова».

Герой Шишкова Прохор Громов — убийца, преступник, полуделец-полубандит. Но и он, внук грабителя на больших дорогах, дает — и сдерживает! — честное купецкое слово. Наверное, никак нельзя иначе^[45].

Другой регион, другой климат, другие люди. Не Сибирь, а Волга. Но и в «Бесприданнице» Островского звучит «честное купеческое слово». Герои могли бы давать его по более приличному поводу.

Речь, собственно, шла о том, кому и на каких условиях достанется обещанная очаровательным негодяем — героем Никиты Михалкова «девица-бесприданница». Купцы рассуждали о несчастной женщине как о предмете чисто торговых операций, в правовых понятиях — как о переуступке (продаже) права пользования собственностью.

Но это уже второй вопрос. Дал купец такое слово — и держит. И

никому не приходит в голову, что он может вести себя иначе^[46].

Так же ведут себя московские купцы у Ивана Шмелева^[47].

Проходной герой Куприна, молодой неопытный помещик, заключил невыгодный договор, сильно переплатил за погрузку арбузов на баржу. Хотел бы он расторгнуть договор, отказаться, нарушить уже данное слово, «кинуть», современным языком, схитрившего подрядчика...

— Бросьте, убьют, — сказали ему.

Вот так. За нарушенное слово можно заплатить и собственной жизнью^[48].

Неужто купцы не совершали нечестных поступков, не ввали и не присваивали чужих денег?! Наверняка бывало и это. И бывало на каждом шагу. В семейной хронике Гарин-Михайловский прекрасно описывает сложные чувства молодых инженеров, которые должны принимать выполненные подряды при строительстве железной дороги. И очень хочется быть мелочно-честными, и — подведешь хороших людей. После того как вешается разоренный ими мелкий подрядчик, парни начинают и приписывать, и раздувать объемы сделанного... Жульничество, конечно^[49].

Но здесь принципиальный вопрос: а что более характерно? И что важнее? Мелкие приписки или мужественный, тяжелый труд по строительству полотна железной дороги? А ведь без этого колоссального труда железных дорог в России не было бы.

Это, конечно, непростой вопрос... Воровать-то, конечно, воровали... Но тем не менее за считанные годы Россия стала могучей железнодорожной державой!

Колоссальный Транссиб от Урала до Тихого океана построили за рекордно короткий срок.

При строительстве БАМа не было частных подрядов, хапуг-поставщиков и хитроумных — строителей... Не было. А строили БАМ в десятки раз медленнее Транссиба, при том, что техника в 1960-70-е была совсем не та, что в начале XX века.

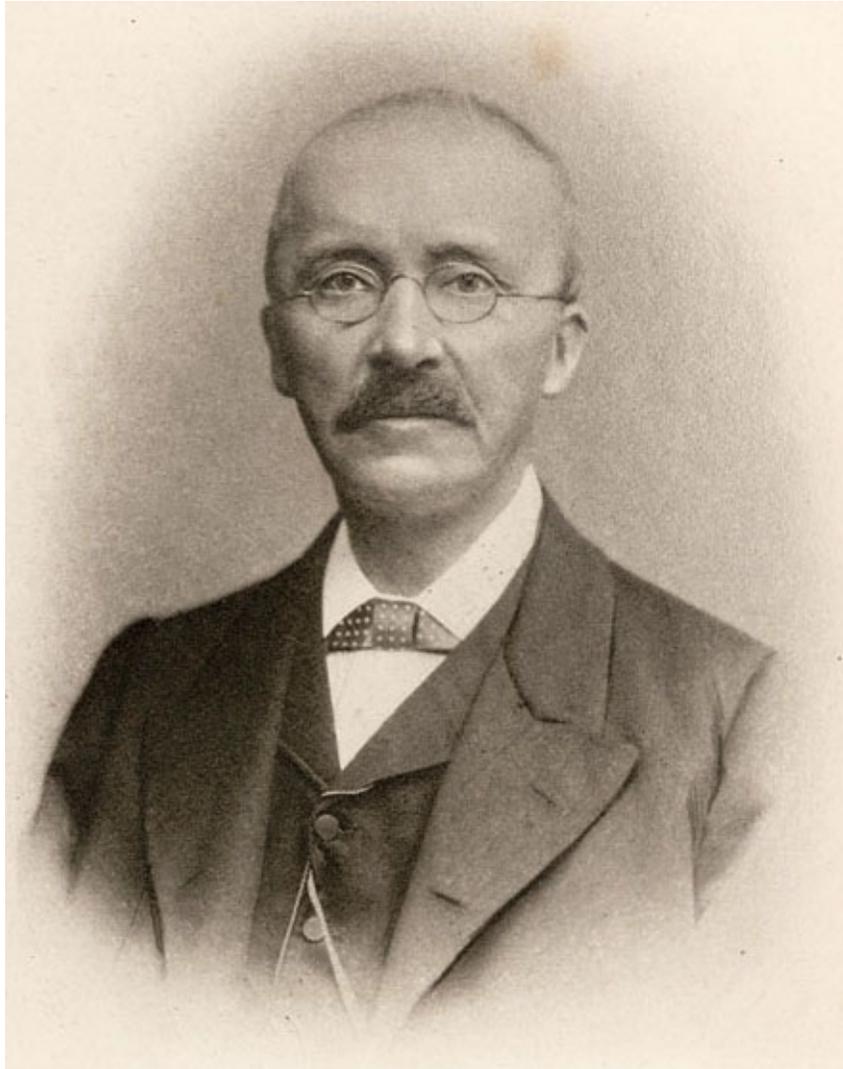
Набирали энтузиастов, выдавали комсомольские путевки, на самые тяжелые участки бросали вовсе бесплатную рабсилу — армию и эков. Только вот строительство почему-то еле двигалось.

Но и советские темпы — не худшие...

В наше время... Страшно сказать... Мы вообще за 20 лет с начала реформ 1985 года что построили? Кроме узкоколейки из Челси в Ноттинг-Хилл для более удобного общения наших лондонских переселенцев, вообще способны мы хоть на что-то?!

Что же до купцов — лидеров воровства... Действительно, золотым дном были подрядные работы. Но только почему-то больше всех воровали... Ах, как это неприлично... Как это политически некорректно... Но воровали чаще всего — не русские. Точнее выразимся: не православные. Вот ведь как...

Чуть ли не величайшего подрядчика-вора за всю историю Российской империи звали Генрих Шлиман. Имя, хоть убейте, не нашенское.

Генрих Шлиман

Его судьба — пример верности избранной в юности мечте. И нечистоплотных методов в ее достижении

Генрих Шлиман, сын бедного священника из немецкого городка

Нойбуков (Neubukow) (род. 1822 г.), с детства истово мечтал о двух вещах: о богатстве и о том, чтобы найти Троию. Да, ту самую Троию в Древней Греции, о которой писал слепой Гомер. Троию, которую осаждали ахейцы 10 лет, пока не захватили ее с по мощью небезызвестного деревянного коня. Стихи Гомера он слышал в лавке, где работал еще мальчиком. В лавку заходил вечно нетрезвый клиент, бывший учитель греческого и латыни. Маленький Генрих подливал ему винца, и пьяница читал наизусть «Илиаду». Красота стихов покорила Шлимана, заставила его навсегда увлечься Гомером, Древней Грецией и Троей.

Чтобы искать Троию, нужны деньги. Юноша работает в торговой конторе в Амстердаме и истово учит иностранные языки. Учит изнурительным, варварским способом, заучивая наизусть непонятные для него тексты. За два с половиной года с таким ноу-хау, от которого бы рыдали все профессора МГИМО, но — все же, что значит немецкое упорство — осваивает русский, английский, французский, голландский, испанский, португальский и итальянский!!! В 1846 году Генрих Шлиман отправляется в качестве агента крупной торговой фирмы в Петербург, где, спустя год, открывает свое собственное дело.

Двадцать лет потребовалось Шлиману для того, чтобы добиться осуществления своей первой мечты: сколотить состояние. За эти годы он выучил еще польский, шведский, новогреческий, арабский и латынь. В 1863 году купец I гильдии Генрих, или Андрей Аристович, Шлиман отходит от дел.

Довольно! Пора осуществлять вторую великую мечту!

В 1868 году Генрих Шлиман едет в Малую Азию и начинает искать Троию.

Для него Гомер — высший авторитет, он ищет Троию, понимая буквально его описания местности. Холм Гиссарлык идеально соответствует описаниям...^[50] В апреле 1870 года Шлиман начинает раскопки^[51] и обнаруживает останки городов, расположенные один над другим.

15 июня 1873 года, в последний день раскопок Трои, Генрих Шлиман обнаружил клад с множеством золотых изделий. Эту находку он назвал «Кладом Приама»^[52].

Даже погребен Шлиман как истинный грекофил и илиадоман, естественно, в Греции, в Афинах.

Все эти факты повторяются во множестве биографических книг^[53].

Кадр из фильма «Оборона Севастополя».

Режиссеры В. М. Гончаров и А. А. Ханжонков. 1911 (!) г. При Ющенко Украина, говорят, хотела снять свое кино об обороне Севастополя. Что ж, боюсь, из него мы узнали бы новую версию этой истории. О том, как героические украинские моряки, такие, как гарный хлопец матрос Кошка, насмерть бились с врагами за ридный украинский Севастополь под неумелым командованием царско-москальских сатрапов Корнилова и Нахимова

Шлиман — пример целеустремленности и мужества, верности раз выбранной цели и энергии и последовательности, мужских качеств и природных способностей. Совершеннейший человек! Образчик всех добродетелей. Нравственный и умственный гигант. О «подвиге Шлимана» частенько рассказывают немецким школьникам, явно имея в виду назидательное: будешь себя вести правильно, станешь как Шлиман. Вот только об одном не написал ни один из официальных биографов «Андрея Аристовича». О том, откуда именно взял он свой стартовый капитал.

А мы расскажем. Дело в том, что заработал он его ну совершенно не романтическим способом: на поставках в русскую армию во время Крымской войны. Сапоги оказывались с картонными подметками, шинели разлезались в руках, крупу можно было сразу выбрасывать. Но зато хорошо хрустело в карманах у самого Шлимана и у тех военных чиновников,

которые принимали его поставки. Шлиман был не жадный, делился охотно, и это сделало его аферы долговечными: слишком много людей были в них прямо заинтересованы.

Транссиб. Первый поезд пришел в Иркутск.

На строительстве железных дорог обогащались безумно, но и Россия с невероятной скоростью покрывалась сетью стальных магистралей

Такая вот история, тоже в своем роде назидательная. И вот что интересно: при всем феерическом воровстве поставщиков времен Крымской войны история не сохранила памяти о каком-нибудь поставщике Иванове или ворюге Петрове.

Вопрос, как принято говорить, философский: а сохранилась бы память о ворюге-поставщике Шлимане, если бы он впоследствии не «нашел» Трюю? Которая, как выясняется, тоже не совсем Троя.

Можно ли простить энергичному исследователю его «первородный грех»? Нравственно ли развивать науку на деньги, заработанные на лжи, обмане, в конечном счете крови наших солдат?

У вас, читатель, есть ответы на эти вопросы?

Патологически доверчивые миллионеры

Везде и во все времена дельцы, бизнесмены — не самые доверчивые люди. Обмануть их можно. Но трудно. Владелец любого капитала или быстро научится распознавать нечестного человека, или этого капитала лишится. Третьего не дано.

Но вот в России бывало и такое... «Купил » один купец колокольню в Москве. Как? А очень просто. Прибыл он то ли из Самары, то ли из Астрахани...

Неважно откуда. Походил по Москве. И приглянунулась ему колокольня. Ходит купец, прикидывает — как бы ему колокольню эту купить. А к нему подходит человек: что, купец, понравилась тебе башня? Слово за слово и говорит новый знакомый: башня это моя, но мне она вроде и не очень нужна, могу продать.

В ближайшем же трактире сговорились о цене, и стал купец «счастливым обладателем» колокольни Ивана Великого в Кремле. Напомню: вести дела в трактирах, заключать устные сделки на крупные суммы было самой обычной деловой практикой. Вместо нотариата служило использование гербовой бумаги. Самая дорогая стоила 10 рублей за лист. Красивая была бумага, с яркими водяными знаками, снежно-белая, с червонно-багровыми государственными гербами, с золотым обрезом по краю.

На этой бумаге принято было заключать сделки на любые суммы — все они признавались законными. Печати, естественно, не ставились. Зачем? Бумага-то не простая, гербовая. Выпили по случаю заключения сделки. Как же по такому случаю не выпить и не поесть?! В общем и целом — идиллия.

Это на другой день, когда счастливый «владелец» колокольни пришел вступать во владение, было много веселого шума и крика. Самому же купчине было, конечно, не до смеха. Имя купца называют то Акинфиев, то Ануфриев. Как и город, из которого он прибыл в Москву. И сумму, в которую обошлась колокольня: то 5 тысяч рублей, то 10, а то даже 20 тысяч.

Самое же невероятное в этой истории, что все в ней — чистая правда.

Вездесущие газетчики много писали былей и небылиц об аналогичных историях, похожих махинациях с «элитной недвижимостью» в русских столицах.

«Продавали» и Марсово поле в Петербурге... И дом генерал-губернатора (нынешнее место работы мэра Москвы — Тверская, 13) в Москве... Странно, что ни разу не продали Зимнего дворца и Московского Кремля, Это единственная «недоработка» «черных риэлтеров».

Колокольню Ивана Великого покупал Ануфриев из Самары. Марсово поле — Акинфиев из Арзамаса. Особняк генерал-губернатора — некий Фролов из Екатеринбурга. Купец II гильдии, между прочим! Предприниматель с многотысячными оборотами.

Ф. Алексеев «Колокольня Ивана Великого».

Начало XIX в. Трудно проверить, но были времена, когда строить выше этой колокольни в Москве было запрещено. Кто сомневается в мудрости наших предков, советую проехать, например, в Москве на Воробьевы горы, точнее, па улицу Мосфильмовская осмотреть последние высотные шедевры столичного зодчества

Что удивительно, все покупатели и помыслить не могли, что их новый знакомый — просто жулик. Называет себя человек купцом? Значит, купец. Говорит, что владеет этим зданием? На кресте поклялся? Значит, владеет.

Оказавшись обманутыми, бедолаги искренне не понимали: как же так?! Им казалось невероятным, что взрослый приличного вида мужчина, православный, да еще столичный, мог вот так нагло врать среди белого дня.

Вывод может быть только один: эти люди и сами не обманывали, и их никогда не подставляли таким наглым образом. Они были решительно не готовы к подобному «лохотрону», потому и попадались на совершенно анекдотические уловки.

Что немаловажно: никогда за всю историю Европы никто не ухитрился всучить приехавшему из глуши графства Норфолк коммерсанту ни Вестминстерского аббатства, ни Лондонского моста, ни крепости-тюрьмы Тауэр.

И во Франции не замечено, чтобы провинциальный купец из Бретани прикупил по дешевке сады Тюильри или Малый Трианон в Версале.

Был, правда, один международный аферист, который после Первой мировой войны от имени французского правительства продал «обветшавшую» Эйфелеву башню на металлолом. Но там были и фальшивые документы, и «закрытый тендер», все атрибуты строгой юридической сделки, никакого доверия — и вообще это была классическая «Афера» в стиле знаменитого одноименного голливудского фильма. Правда, в главной роли был не Пол Ньюмен и не Роберт Редфорд, а некто Виктор Люстиг.

И в США не было случая, чтобы продали лопуху из Орегона или Кентукки Капитолийский холм с постройками или левое крыло Белого дома.

С чего бы это?

Глава 5

Панама

Фишеры опять атаковали Конгресс и обчистили его на круглую сумму.

Марк Твен

Предыстория

Сейчас слово «панама» забыто. Сейчас про панаму знают только, что это такая летняя шапочка. И еще маленькая далекая страна. Но еще в начале XX века «панама» была синонимом жульничества в особо крупных масштабах. Связано оно и правда с маленькой латиноамериканской страной, лежащей на Панамском перешейке. В этом месте Атлантический океан ближе всего к Тихому — между ними всего 65 километров суши.

Идея прокопать в этом месте канал возникла чуть ли не сразу после Колумба — что и не удивительно: плавание вокруг южной оконечности Америки, мыса Горн, было делом не только долгим, но и опасным. Одно дело — гонять парусники и пароходы вокруг всего материка, тратить впустую несколько недель, а то и месяцев. Совсем другое — не покидая ласковых тропиков, проплыть рукотворным каналом из Атлантики в Тихий океан или обратно. Выгодность мероприятия очевидна.

Панамский канал. Вид из космоса.

В этот перешеек закопали свои золотые многие тысячи богатеньких Буратино

Сложность в том, что принадлежал Панамский перешеек Колумбии. Эта латиноамериканская республика возникла еще в начале XIX века, и колумбийское правительство категорически не хотело пускать в свою страну американцев и европейцев.

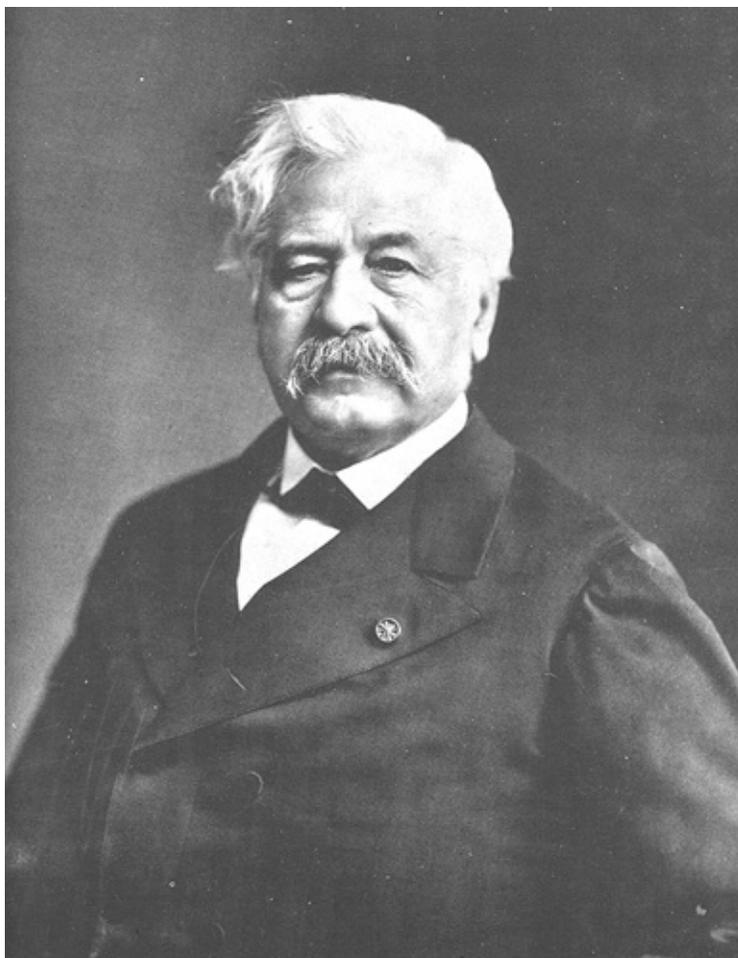
Множество агентов европейских держав шныряли вокруг присутственных мест Колумбии... Но безнадежно: колумбийское правительство бдительно приглядывало, чтобы никому ничего не досталось.

Трудно сказать, почему колумбийцы так не хотели давать никаких концессий «проклятым гринго», допускать их в свою страну на любых, даже самых, казалось, выгодных условиях. Наверное, сильно подозревали, что им самим от этого ничего хорошего не перепадет.

Гордая песнь об аристократе де Лессепсе

Пробить брешь в этой колумбийской стене смог человек по заслугам известный и в высшей степени достойный — французский аристократ Фердинанд де Лессепс. Де Лессепсы служили королям несколько столетий, дав миру несколько действительно выдающихся военачальников и дипломатов. Семья эта известна так же, как в России — Голицыны или Долгорукие^[54].

Фердинанд Лессепс уже прославился ранее таким грандиозным проектом, как сооружение Суэцкого канала. В 1854 году паша Египта подарил Фердинанду де Лессепсу концессию на прорытие канала между Красным и Средиземным морями. Дело громадной, поистине мировой важности! Не плавать вокруг Африки, как плыли из Санкт-Петербурга, например, на Аляску корабли кругосветной экспедиции Резанова-Крузнерштерна-Лазарева в начале XIX века, а из Европы — через Средиземное море, через канал в Красное море и далее прямо в Индийский океан!

Фердинанд де Лессепс.

Только истинный аристократ мог с таким блеском и так долго водить за нос всю Европу

Лессепса активно поддерживал Император Франции Наполеон III, в общем деньги на строительство канала собрали легко. Расчеты оказались верными — и инженерные, и коммерческие. Строительство шло быстро. С 1870 года канал запустили в эксплуатацию. Всего через 4 года эксплуатации ровного как стрела 161-километрового канала затраты на строительство полностью окупились, и проект начал давать чистую прибыль.

Это было невероятно выгодным делом, и к тому же — частью преобразования мира, прогресса, торжеством европейской науки и техники, власти человека над природой, передовой Европы над сонным Востоком.

Слава Лессепса гремела больше, чем в наше время — Билла Гейтса.

...А вскоре Лессепс загорелся новой идеей: идеей Панамского канала! Отказать ТАКОМУ человеку Колумбийский конгресс не смог. В 1878 году

Лессепс созвал в Париже Международный географический конгресс, на котором обсуждались разные проекты создания канала.

Задача была не так проста, как кажется: Суэцкий-то канал рыли на плоской, как стол, местности. А Панамский перешеек — это джунгли, пересеченная местность, болота, скалистые холмы.

Одни ученые стояли за прокладку подземного туннеля. Другие считали, что надо построить железную дорогу и перевозить корабли посуху из океана в океан. Самый реалистичный проект был — строить канал как бы на разных уровнях, без искусственного выравнивания плато, с несколькими шлюзами.

Но сам Лессепс возразил ученым: надо строить канал без шлюзов, ровный, прямой, на уровне моря! Такой же, как Суэцкий! У этой идеи не было ни одного сторонника ни в среде географов, ни в среде инженеров, ни среди финансистов. Но авторитет Лессепса победил. «Везунчик» он или не «везунчик»?!

Итак, решили копать канал на уровне моря, прогрызаясь сквозь горы и осушая болота. Печать всего мира освещала рекламную поездку Лессепса по зоне строительства будущего канала. Лессепс заявил, что строительство продолжится 12 лет и потребует 600 миллионов золотых франков. Дальше — пустыки. Осталось основать «Международную компанию по строительству межконтинентального Панамского канала» и продать 600 тысяч акций — каждую по тысяче золотых франков.

Быстро выяснилось, что джунгли Центральной Америки мало похожи на идиллические пустыни Ближнего Востока. Малярия и желтая лихорадка косили рабочих, реки разливались, снося постройки и механизмы, во влажном климате машины выходили из строя, в горном массиве приходилось пробивать глубокие траншеи.

Но силы природы меркли в сравнении с главным: с фантастическим, невероятным воровством людей, стоявших у финансовых рычагов этой эпопеи.

Одного из них звали Корнелиус Герц. Начинал он скромно, как медицинский жулик... Именно что медицинский! В английском языке есть специальное слово quack — «квэк» — медицинский шарлатан. Удивительное дело! Русский язык в таких тонкостях «почему-то» совершенно не нуждается. Отсталые мы,,.

Все болезни К. Герц лечил исключительно электрическим током. Последствия, думаю, предсказать нетрудно, даже не зная подробностей. Вскоре Корнелиус Герц бежал в Европу, потому что в США его объявили Wanted — то есть человеком, которого разыскивает полиция. Кстати, и

такого слова в русском языке нет... С чего бы это?!

Впрочем, увезти с собой Герц успел немало. Обосновавшись в Париже, он стал спонсировать добрую половину депутатов парламента, включая будущего премьер-министра Франции Жоржа Клемансо.

Вместе с обер-жуликом Герцем работали другие такие же. Они организовали просто феерическое воровство на строительстве Панамского канала. Если верить документам, по затратам прорыли по крайней мере три канала!

При этом денег катастрофически не хватало.

Последовали новые займы в 1881... 1883... 1884 годах.

Гром грянул в 1886-м: стало известно, что за все время работы прорыто меньше одной шестой всей протяженности канала. Акции «Международной компании по строительству межконтинентального Панамского канала» рухнули с треском.

Вскоре всем стало очевидно, что продолжать рыть канал на уровне моря бессмысленно. Лессепс обратился к инженеру Александру Гюставу Эйфелю... Тому самому! Эйфель как раз заканчивал строительство своей знаменитой башни. Может, он поможет?

Лессепс просил Эйфеля подготовить проект канала со шлюзами... Точно такой, от которого он отказывался.

Эйфель проект подготовил.

Но — не успели... 4 февраля 1889 года Парижский трибунал вынес постановление о закрытии «Международной компании по строительству межконтинентального Панамского канала».

Скандал разразился грандиозный: и финансовый, и политический.

Против 510 депутатов выдвинули обвинения в коррупции. Правительство ушло в отставку. Политическая карьера Клемансо оказалась навсегда запятнанной. Кто-то покончил с собой, другие бежали в традиционно гостеприимную Британию.

Трибунал признал виновными не только явных жуликов, но и самого Фердинанда де Лессепса, его сына Шарля и даже инженера Эйфеля. Он ведь тоже вводил людей в заблуждение. Впрочем, «сидеть» им не пришлось: грянула амнистия, и национальный герой инженер Эйфель был помилован.

А наказать Фердинанда де Лессепса оказалось совершенно невозможно: он впал в полный маразм, и заслуженного старика отпустили тихо умирать.

И тут за первой «Панамой» разом грянула вторая...

Американская эпопея

Французам не удалось прокопать канал? Тогда его прокопают американцы! Тут кем-то выясняется: канал выгоднее копать не в Панаме, а в Никарагуа: выйдет длиннее, но по равнине. И получится вроде дешевле. В 1902 году Конгресс США проголосовал за выделение государственных денег на строительство канала в Никарагуа: 309 голосов «за» при 2 «против».

Но тут загвоздка — никто ведь не прекращал работу компании по строительству Панамского канала, а если начать копать еще и в Никарагуа, то ведь тогда резко обесценятся ее акции!!! Чтобы не произошло таких ужасов, конгресс быстро и эффективно «подмазывают»... чтобы переголосовали «правильно». И в том же году Конгресс США принимает прямо противоположное решение — голосует уже за то, чтобы копать все-таки через Панамский перешеек.

Банкиры, жулики и революции

Нищета ведет к революции, революция — к нищете.

Виктор Гюго, французский писатель

Проблема оставалась одна — Колумбия. Она не любила американцев, и отдавать им эксклюзивные права на прорытие канала не собиралась. Что ж, рассудили США, есть страна — есть проблема. Нет страны — нет проблемы. Пришлось организовать революцию.

В этой истории много неясного, странного. Началось с того, что некие частные лица на «тайной» встрече сообщили президенту США удивительную новость: в Панаме готовится революция! Теодор Рузвельт задумался.

И тут на свет Божий выходит некий Амадор Герреро — служащий Панамской железной дороги. Этому Амадору тоже устроили тайное свидание с Рузвельтом. О чем беседовали президент США и будущий президент Панамы, история умалчивает. Известно только, что в Панаму Амадор Герреро вернулся с мешком, в котором лежал национальный флаг, только что написанная

Декларация панамской независимости и большая сумма наличности.

Герреро собрал приятелей... семерых. Все — служащие железной дороги, старые знакомые. Семеро привели своих приятелей... итого числом аж 50 человек.

Герреро отчаянно трусил. На боевой лад будущего президента и национального героя настроила жена: «Дурень! Если ты провалишь порученное мероприятие, американцы тебя уволят с железной дороги! Что же мы тогда будем кушать?!»

А через несколько дней в Панаме разыгрались интересные события.

Герреро явился к американскому консулу и сообщил, что с минуты на минуту в Панаме начнется революция. «Удачи», — сказал консул. Что значит: «Удачи?» — возмутился вождь пока еще не восставших панамцев. А обещанное прикрытие? Короче, он попросил, нет потребовал, чтобы непосредственно во время «восстания поработанных панамцев» против Колумбии консул Соединенных Штатов Америки... шел рядом с ним, с Герреро, и нес в руках американский флаг. А если консул откажется, то

тогда «революции» не будет.

В общем, свергать колумбийских захватчиков и оккупантов двинулись около сорока патриотов Панама. Во главе колонны бодро шагали Герреро и американский консул — каждый со своим флагом в руках.

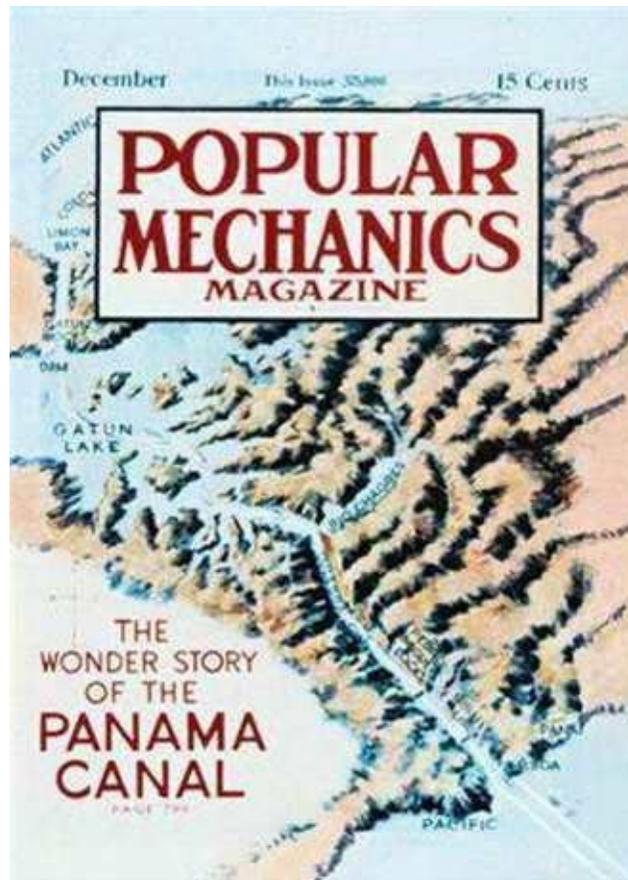
Злых оккупантов представлял командир гарнизона в чине генерала, а под ружьем у него — больше тысячи солдат. Генерал, собственно, накануне уже получил свои 15 тысяч долларов и сразу заявил: он вынужден капитулировать, будучи не в силах вступить в бой со столь превосходящими силами противника. Такого содержания телеграмму он послал в столицу — Боготу, а сам сдался в плен.

После чего тут же был произведен в главнокомандующие вооруженными силами новой республики Панама.

В порту тем временем стояли колумбийское военное судно «Богота» и «чисто случайно» — американский крейсер. Сначала наивный капитан «Боготы» велел открыть огонь по «повстанцам», Злые языки потом рассказывали, что жертвами первого залпа стали двое: рабочий местной прачечной, китаец, и осел, на котором этот китаец возил постиранное белье. Однако второго, более прицельного залпа не последовало, поскольку американский крейсер развернул орудия в сторону «Боготы» и просигналил флажками: «Закрой пасть, или мы тебя выдурим из воды!»

Поняв, что к чему, капитан надел парадный мундир и торжественно передал свой корабль лидеру Панама Герреро. И тут же был произведен в Адмиралы военно-морского флота Независимой Республики Панама.

Консул США радостно протелеграфировал в Вашингтон о рождении еще одной демократии на Земле. Ответ пришел через 10 минут: «Срочно сделайте официальное заявление о признании нового правительства».

Панамский канал. Обложка журнала «Popular Mechanics» за декабрь 1913 г.

Истинные гении современной геополитики — американцы канал прорыли и создали для его обслуживания специальную страну

Вскоре новая суверенная демократия — Панама подписала с США Договор о том, что она передает в вечное пользование (!) Соединенным Штатам территорию, находящуюся в 10 милях севернее и в 10 милях южнее Панамского канала. Итого 1432 квадратных километра земли с населением в 52 тысячи человек. Договор стремительно ратифицировали конгрессы и Панамы, и США. США выделили Панаме 10 миллионов долларов гуманитарной помощи, из которых 3 миллиона тут же поделили между собой те самые 40 «борцов за свободу». Читатель может не трудиться считать, сколько именно пришлось на каждого: делили не поровну, а по своеобразному коэффициенту трудового участия: согласно заслугам перед родиной и революцией^[55].

Американцы быстро справились с эпидемия среди строителей попросту выгнав со стройки всех больных помирать куда подальше в джунгли, завезли технику и оборудование. Сразу стало очевидно, что

французы не достроили канал из-за разгильдяйства и чудовищного воровства.

15 августа 1914 года наконец состоялось открытие судоходства по каналу.

Событие прошло незаметно, потому что в Европе уже разворачивалась Первая мировая война. Не до канала. Весь XX век канал принадлежал США. Его передали Панаме только 31 декабря 1999 года.

Как продавали Аляску

Встречал ли кто-нибудь честного человека, у которого голубые глаза?

Иван IV Грозный, письмо к князю Курбскому

Вот еще один миф — о том, что Аляску якобы никто не продавал, а ее отдали в аренду США. Отдали на 99 лет, и теперь пусть американцы ее возвращают. Как в лихой песенке Николая Расторгуева:

Не валяй дурака, Америка,
Не обидим, кому говорят.
Отдавай-ка землю Алясочку,
Отдавай-ка родимую взад!

Увы, это — не более чем повод для патриотической попсы и политических демаршей в стиле Жириновского. В документах, подписанных 30 марта 1867 года, ни слова об аренде нет. В этот день российский дипломат барон Эдуард Стебль, посланник в Соединенных Штатах Америки, и Государственный секретарь США Уильям Сьюард подписали договор о покупке Соединенными Штатами у Российско-американской компании полуострова Аляска за 7 миллионов 200 тысяч долларов (по 2 цента за акр, т. е. примерно гектар земли).

Многое в этом событии типично для обеих сторон. Для России — уверенность, что продали и хорошо сделали. Слава богу. Подписано — и с плеч долой. Все равно ведь никогда бы у нас руки до Аляски не дошли, так бы она вечно и лежала неосвоенной... Что чуть позже «руки дошли» до всего Дальнего Востока и до Севера — это уже так, скучные мелочи. Мифы с такой ерундой, как факты, не считаются.

Зато до сих пор ходит студенческий анекдот: распределяют студента отличника в Москву...

— Спасибо Юрию Долгорукому, что Москву основал!

Распределяют другого чудо-студента, отпетого бездельника, на Камчатку...

— Спасибо царю-батюшке Александру II, что Аляску продал!

В уголовной среде тоже по-своему благодарны Александру: ведь имей Сталин такую возможность, он-то уж точно понастроил бы лагерей по всей Аляске!

В те же давние времена продать Аляску очень хотел родной брат императора, великий князь

Константин Николаевич. Именно он нашептывал царю, что если мы не продадим Аляску США, то янки скоро все равно присоединят эту территорию к США... Бесплатно!

В качестве положительного примера великий князь приводил Францию. В 1803 году Наполеон продал Французскую Луизиану Соединенным Штатам за 15 миллионов долларов.

Почему же тогда мы отдали так «задешево»? Не за 15 миллионов даже, а всего за 7 миллионов 200 тысяч?!

К тому же спустя 64 года как-никак — инфляция, и доллар после Гражданской войны в США — никак по своему весу не доллар 1803 года.

Откуда такая цена?

Если серьезно, то цифра имела некий обоснованный «научный расчет».

В ходе Крымской войны 1853-56 годов англичане угрожали захватить Аляску, и Российско— американская компания застраховала свою собственность на Аляске именно на эту сумму. Прошло, правда, 10 лет, но цифра осталась прежней. Отсюда и цена — 7 200 000 долларов США. Сегодня это дом на Рублевке с участком соток 25, да и то не самый роскошный. Кстати, и тогда это были «не деньги». Это было всего 2,5% годового бюджета Российской империи. В общем, гроши за такую громадную территорию.

Редкая бесхозяйственность, и не последнюю роль в этом играет неверие в свои силы и возможности.

Президент Северо-Американских Соединенных Штатов Теодор Рузвельт.

На рубеже XIX-XX вв. Штаты, ко сути, «лежали» под гигантскими монополиями. Рузвельт — бывший военный, полковник-кавалерист, почти случайно оказался на Олимпе власти. Жестко проводил антитрестовское законодательство, вследствие чего был весьма популярен среди простых американцев, но нелюбим олигархами

Для американцев эта сделка тоже очень типична. В столице русской Америки, Новоархангельске, американцы в 1866-м, за год до сделки, проводили телеграф. Вбивая столбы, они нашли в глубоких ямах где крупицы, а где и самородки золота. Российские власти они, естественно, об этом открытии не оповестили. Уже к 1913 году американцы одного золота

вывезли с Аляски на 200 миллионов долларов, других полезных ископаемых — на 100 миллионов, рыбы и пушнины — на 80 миллионов. На грош пятаков. Выгоднейшее дельце оказалось.

Впрочем, далеко не все в США поначалу понимали, насколько выгодно купить Аляску. В прессе ее называли и «морозильником», и «моржеруссией», и прочими обидными словами. Конгресс Америки пришлось активно уговаривать купить Аляску, а то господа законодатели очень этого первоначально не хотели. Пришлось их убеждать...

О методах убеждения много писала пресса. Создали даже специальную Комиссию — для расследования фактов коррупции членов этого уважаемого собрания. Комиссия постепенно приостановила свою деятельность, никто ничего не доказал. И только в 1912 году американские историки нашли преинтереснейшие документы — в том числе конфиденциальную записку госсекретаря президенту США, где были прописаны все имена конгрессменов — «русских лоббистов» и даже некоторые суммы. Оказалось, «лоббирование» идеи продажи Аляски в Конгрессе обошлось России в 165 000 долларов. Сегодня это называется «откат».

Российская империя продала богатейшие земли, стоимость которых просто невозможно оценить, и получила за это 7,2 миллиона долларов, отдав в виде «отката» 165 тысяч. Итого в остатке — 7 миллионов 35 тысяч долларов.

Еще один миф — что Россия и этих денег не получила. Якобы деньги в Россию везли на английском барке «Оркни», а он взял и утонул в Балтийском море.

Это не так: деньги представители России свободно получили в одном из британских банков.

Более того, ведущий российский эксперт по истории «русской Америки» профессор А. Петров рассказывал мне, что ему удалось отследить по документам, на что были эти 7 млн долларов потрачены. Не были они ни затоплены, ни разворованы. Оказывается, вложили их в строительство железной дороги на отрезке Москва-Рязань. Так что если вы собрались по есенинским местам в Константиново и из оригинальничания решили прокатиться туда на электричке, знайте: вы едете по самому дорогому железнодорожному полотну в мире. 200 км железнодорожного полотна (как там в детской считалочке? рельсы-рельсы-шпалы-шпалы?) — это эквивалент почти 7600 кв. км золото— и нефтеносящей аляскинской земли...

Но хватит о грустном.

Зато хотя бы не отмечено ни одного случая, чтобы государственный совет Российской империи получил «откат», присоединяя территорию к Империи. Есть в этом некая специфика неподкупного «светоча демократии» — самих, страшно произнести, не перекрестившись — СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

В чем разница?.. Да во всем!

Судить нас в чем бы то ни было должны только равные.

Оноре де Бальзак, французский писатель

В царской России никогда не было аферы, составляющей хотя бы малую долю от масштабов «Панамы».

Здесь маленькое отступление. Слава богу, что мы пишем сугубо историческую книгу. В противном случае пришлось бы признать неприятное. Ибо на фоне наших современных скандалов в экономике все эти Панамы кажутся младшей группой детского садика. Назовем для начала «дело ваучеров» имени Чубайса и К°.

Ха-ха! Засуньте свои ваучеры!.. Основатели-хозяева ваучерных фондов — и с капиталами, и с недвижимостью» А миллионы тех, кто наивно верил, будто именно он «по стране проходит как хозяин», — с дерьмовой бумажкой, истинная цена которой и тогда была — 20 долларов США в переходе московского метро.

Продолжим. Сперва финансовые пирамиды — МММ, Русский Дом Селенга, Хопер Инвест, ОЛБИ, Властелина и пр., и пр. Потом рухнувшие в одночасье банки: от подзабытых СБС — «Столичного» и Тверьуниверсала до Инкомбанка и Менатеп.

Тогда появилась замечательная острота: «Чем отличается российский банк от иностранного?» — «Надежностью. В иностранный вы кладете свои деньги лишь на время. В российский — навсегда».

Но это далеко не самое худшее. Наша действительность после перестройки дает и более чудовищные примеры всенародного надувательства, причем особо циничных, с прямым участием государства. Для тех, кто молод или кто не столь злопамятен, как автор, еще несколько штрихов.

Итак. Ранние 1990-е. Тотальное обесценивание (=хищение) рублевых средств граждан в Сбербанке СССР — России и валютных — во Внешэкономбанке СССР.

Середина 1990-х. «Залоговые аукционы» и приватизация крупных предприятий. По сути — бесплатная раздача самых жирных кусков общенародной собственности кучке приближенных к власти друзей-

коммерсантов.

Конец 1990-х. ГКО (равно МММ в исполнении Правительства России), афера с Государственным акционерным обществом ВСМ (Высокоскоростные магистрали — это когда собирали частные деньги на строительство новой скоростной железной дороги Москва-Петербург. Деньги собрали. Не малые. Сходите теперь, поищите хотя бы пару рельсов нового пути).

Или еще один, более «свежий» эпизод: прошедшее в 2007 году помпезное IPO 100% государственного банка ВТБ (бывший Внешторгбанк России).

Итак, напомним суть. ВТБ, то есть, перевозку на русский, само государство, объявляет о намерении продать «народу» 23,5% акций банка. Цифра выбрана не случайно. Это меньше 25%, поэтому даже если теоретически предположить, что ВСЕ частные акционеры соберутся вместе и захотят единогласно что-то решить, то по закону их голое ничего не стоит. Масштабная PR кампания «народного IPO» сводится к тому, что «ВТБ — это государство», «Российская экономика на Подъеме». Эксперты говорят: «Банк динамичный, в отличие от Сбербанка; успешно прошедшего свое IPO накануне, не связан никакими социальными обязательствами, не вынужден содержать по всей стране сотни убыточных сберкасс-отделений, поэтому его рост будет ЕЩЕ ВЫШЕ, чем у Сбербанка». В общем, дорогие акционеры, ждите прироста не менее 30% за год! Министр финансов Кудрин (ой же, момент, — Председатель (!) наблюдательного совета ВТБ) радостно рапортует Президенту: размещение акций прошло как никогда успешно: 150 000 (!) мелких акционеров вложили в ВТБ около 8 000 000 000 долларов, мы, государство, будем тщательно следить за качеством менеджмента госбанка, дабы не допустить падения котировок акций. Занавес. Аплодисменты.

Итак, каковы же результаты по состоянию на май-июнь 2008 года, спустя год после столь лучезарного старта очередного шоу из серии «Народный капитализм. Русская модель»? Подчеркну — это абсолютный пик экономики, индекс РТС перевалил за 2500 пунктов. Нет даже намеков на приближение кризиса.

Зато акции банка ВТБ... рухнули на 45%!

Правда, банк пообещал выплатить по ним дивиденды. Внимание (не падайте со стула): несложный математический подсчет показывает, что их размер составил для акционеров менее 1% (!) годовых на деньги, вложенные в приобретение акций банка!

И что же? Вы полагаете, после такого фиаско все наемное руководство

банка было главным акционером — правительством России с позором уволено с занимаемых должностей? Внесено в знаменитый «черный список» Центробанка, где указаны бывшие банковские служащие, которым запрещено заниматься профессиональной деятельностью? Может, они сами хором подали в отставку? Выступили с покаянием перед 150 000 граждан, поверивших российской власти и вложивших свои кровные в ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК? Совершили ритуальное сэппуку, ибо лицо сих банковских самураев утеряно навсегда?

Да ничего подобного;

Они — внимание! — повысили себе зарплат?!.

Они... выплатили себе дополнительные (!) премиальные за успешную работу (уточняю; по ловкому безвозмездному изъятию денег из карманов граждан и перекладыванию их... вот здесь вопрос Генпрокурору: а куда именно?).

Они продолжают разъезжать на купленных за счет банка (т. е. нас с вами, граждан РФ) бронированных БМВ и летать на персональных спецсамолетах. Это, кстати, разумно, а то вдруг ненароком столкнешься на борту, даже в бизнес-классе, с одним из 150 000, а тот пристанет с неприятными вопросами. Так ведь можно и без стеклышек остаться. Так что всякими Аэрофлотами пусть люмпен летает, а мы на своем, на частеньком, т. е. на банковском, конечно.

И главное, они теперь убежденно рассказывают всей стране, что это САМИ ВКЛАДЧИКИ ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ. Дурачье мы необразованное, не знаем, что акции могут не только расти, но и падать. Мало ли что нам втирали при размещении. Письменно ведь 30% не обещали? Не обещали. Другие банки тоже падают. Вот в Америке, например. Или на Сейшельских островах. Даже Сбербанк упал. Правда, только на 13% (при этом насчет всей «социальной нагрузки» Сбербанка уже как-то не вспоминают. Невыгодно).

Вот такие пироги. Такой нынче в РФ «народный капитализм».

Остается надеяться на одно: что когда-нибудь, желательно в скором времени, мозги у руководства ВТБ прочистятся, совесть проснется, и они сделают хоть что-то для решения проблем своих «обманутых дольщиков». Тогда, торжественно обещаю: в переиздании этой книги я непременно напишу об этом, причем в самых лестных и высокопарных выражениях.

Ждем-с...с...с...

Этот пассаж про ВТБ писался для первого издания книги летом 2008 года, еще до кризиса. Теперь много чего изменилось, акции банка еще рухнули раз в ...цать, но уже вместе со всем рынком. Однако я решил не

убирать эту историю в переиздании «Мифов», поскольку жульническая история с «народным ИРО» ВТБ случилась ДО кризиса, и ничто руководство банка и Минфина в этой истории не извиняет. Так что ждем-с роста... Или извинений. Не торопимся, обещанного по русской пословице 3 года ждут.

Мы сильно отвлеклись от более приятной, исторической темы, поэтому вернемся в конец XIX века и сравним нравы отсталой царской России и просвещенных передовых Европы и США.

Тогда Панам в нашей стране почему-то действительно не было.

По крайней мере в России никогда не могло быть ничего похожего на тайное ночное свидание Императора в Зимнем дворце с одним аферистом по просьбе другого афериста. Это Рузвельт принимал в Белом доме будущего «президента Панамы».

В России ни Семенов-Тянь-Шанский, ни Миклухо-Маклай, ни Пржевальский не могли бы оказаться в положении Фердинанда Лессепса.

В России жуликов тоже было полно, но больше на уровне Чичикова, — и таких личностей в приличное общество стремились не пускать.

Во Франции и в США это очень почтенные люди, ведь за ними стоит Капитал.

Гиляровский в деталях живописал в своих московских очерках, как дельцы XIX века, занимавшиеся содержанием дешевых доходных домов и кабаков на Хитровке и Сухаревке (т. е. в современных понятиях, равно как и в понятиях американских того времени: «крупные владельцы коммерческой недвижимости, отельеры и рестораторы»), всеми силами пытаются попасть в «высшее московское общество». Как делают они громадные благотворительные взносы, расстилаются на паркете в приемной московского генерал-губернатора, лишь бы их заметили, лишь бы поручался кто-нибудь из окружения князя Долгорукого, столичного градоначальника, а уж если сам приметит!.. Да, эти миллиончики могли быть богаты, очень богаты. В финансовом отношении зачастую они чувствовали себя гораздо увереннее, чем $\frac{3}{4}$ обнищавших дворян, коих в глубине души и жалели, и презирали, но при том — коим еще глубже, на самом дне, на самых глубинах своего «новорусского» сознания все же завидовали.

Далеко ходить не надо: вспомните чеховский «Вишневый сад» и весьма дельного и симпатичного Ермолая Лопухина. Это, кстати, один из немногих по сути положительных: героев из «бизнес-класса». Правда, курс литературы в средней советской школе и его умудрился представить каким-

то бездушным монстром. Но будем откровенны сами с собой: будь Лопахиных в России поболее, а абстрагированных от действительности Раневских и Гаевых помене, может и обошлось бы в 1917 г. без осенних экспериментов на Дворцовой площади.

Ибо понимали миллиончики, особенно те, чей капитал был скороспел и сомнителен по происхождению: не ровня они «приличному обществу». И каждый жандармский капитан из тех самых дворянчиков отхлещет хозяина Хитровки — миллионщика Кулакова по рыхлым щекам, сплюнет и перчатку выбросит. И будет прав. И будет поддержан общественным мнением.

Добавлю: в России невозможно было себе и представить поголовный подкуп членов Государственного совета или Государственной Думы.

Во Франции и США это была реальность.

В этом, как говорят в Одессе, есть две большие разницы.

Глава 6

Немного о замках и ключах

Не запирайте вашу дверь, Пусть будет дверь открыта.

Булат Окуджава

Давайте спустимся с разреженных высот государственной и международной политики. Отойдем на время от образа жизни и образа мысли царей, могущественных сановников и прочих великих и не очень людей.

Корни психологических стереотипов, подходов, доверия и недоверия к людям лежат в самой толще повседневной жизни народа, его исторически сложившегося быта. До самого последнего времени 80-90%, а в древности и все 99% нашего народа составляли крестьяне. Крестьяне много и тяжело работали, а лютому к собственности своей относились трепетно. Порой бывали и скуповаты: все от той же бедности и от того, что любая вещь доставалась им ценой очень нелегкого труда.

Но мы не будем рассуждать здесь о природной скупости и прижимистости или, наоборот, радушии русских крестьян, равно как о том, насколько они свою собственность берегли. Боялись ли воров испокон веку, трепетали ли над своим добром и готовы ли были, как тот американский колонист, с винчестером в руках и ежеминутным риском для жизни защищать свой дом и свое имущество.

Эти разговоры бессмысленны. Во-первых, все люди были и есть разные. И крестьяне были разные, и, думаю, колонисты-первопроходцы. Разные были у них условия жизни, другие времена, иные нравы.

Во-вторых, эти рассуждения неизбежно приведут нас к политическим и даже философским обобщениям, потянутся исторические аналогии, начнутся сравнения: здесь, мол, община — «всему кончина», а там — священное право частной собственности. У нас патриархальность, «самодержавие, православие, народность», а у них — «вторая поправка к Конституции США».

Забавная и почему-то малоизвестная у нас деталь. Все знают, что американская Конституция, написанная отцами-основателями

Соединенных Штатов более 200 лет назад, ни разу не менялась. Лишь несколько раз в нее вносились важные поправки, среди которых — всем известная «первая поправка», гарантирующая свободу слова. Но почему-то никто у нас не акцентирует внимание на том, что «вторая поправка» к Конституции США и по очередности принятия, и, видимо, по важности — о праве граждан носить оружие.

Во всем мире так — не успела появиться частная собственность, как появляются ключи и замки. Считается, что самый древний ключ археологи обнаружили в гробнице фараона Рамсеса II (XIII в, до н. э.). Был он деревянный и очень простой: с зубцами, от штифтового замка.

Средневековый «пояс верности». Италия.

Присущая европейцам страсть к запираению всего и вся на ключ

коснулась и человеческой плоти

Фараон, конечно, монарх, и ему, как всякому самодержцу, очень даже было что запереть. Но точно такие же ключи и замки находят в слоях множества городов и самых малых поселений, которым по 2-3 тысячи лет. От желтых прибрежных вод Китая до Атлантики. Защищая свою собственность, люди изготавливали запорные устройства самых разных конструкций, делали их из камыша, волокна, дерева, металла. Замки и ключи упоминаются даже в мифах Вавилона и Египта, в Ветхом Завете и книгах пророков.

На Древнем Востоке замки были весьма примитивные, а в Европе их быстро усовершенствовали.

Например, в Древнем Риме уже использовали близкие нам навесные замки с пружинным механизмом, которые защелкивались и открывались поворотом ключа. Более того, римляне усовершенствовали сам механизм замка: они стали делать внутри неподвижные выступы, чтобы даже похожий чужой ключ не мог в нем повернуться.

Первые полностью металлические замки создали английские ремесленники где-то во времена нашего Рюрика (нельзя не отметить: в части данного вида прикладной механики британцы решительно обходили славян).

Позже европейские ремесленники разработали замки для ворот, дверей, сундуков и шкафов. Классический образ хозяйки дома — со связкой ключей в руках. Именно он встает со старинных картин голландских мастеров — пройдите по Эрмитажу.

Мы, особенно жители крупных российских мегаполисов» последние лет 20 тоже точно помешались на замках и дверях. Бизнес по установке железных, обитых деревом (кому подороже) или дерматином с поролоном (кому попроще) дверей процветает во всех крупных городах России. Но отметим: появился, он только с началом перестройки и взрывом бесконтрольной преступности, особенно квартирных краж. До того как-то никто особо не озадачивался ни прочностью входной двери, ни навороченностью дверного замка.

Но это — о входной двери. А есть еще в каждом доме и внутренние.

Россиянина даже в наше время несколько удивляет эта часть западной культуры: европеец вечно; все запирает. В доме заперты комоды и шкапы, внутренние комнаты и буфетные дверцы. Ключи, признаемся, простенькие и порой лежат на видном месте, никто не прячет содержимое от домочадцев и гостей. Но выходит, как-то уже столетиями укоренилось в

голове — надо все запереть.

А уж замки от входных дверей! Это же произведения искусства! Они не только красивые, с орнаментом и резьбой, они еще и очень надежные. Представьте, уже в XVII веке в Европе появляются замки с цифровым кодом. Современные кодовые замки на банковских сейфах — их прямые потомки.

А если разобраться — зачем вообще нужны замок и ключ? Для защиты своего имущества, понятное дело... Каждую секунду нужно быть наготове: другие люди могут совершить действие, предусмотренное всеми Уголовными кодексами мира.

Замок совершенно не нужен только в одном случае — когда нет воровства. Замок и ключ — это еще и некий психологический фетиш, проявление недоверия к другим людям. Причем если замок на воротах или входной двери — признак недоверия к чужим, то замок на внутренней двери, шкапулке или шкапчике — признак недоверия к собственным домочадцам.

...Так вот, на Руси такого разнообразия замков *никогда не было*. Возьмите глубокую древность. Про древних славян арабские путешественники писали: «*В их домах нет замков и запоров*»^[56]

Здесь примечательно не только отсутствие запоров в домах славян, но и «естественное» удивление восточных людей. Видимо, для арабов двери с замками были привычны, потому и отсутствие запоров у славян удивляло;

Славянские замки и ключи, найденные при раскопках древнерусских городов, очень просты, даже примитивны^[57].

Да и найдены они не везде. Их много в Пскове и в Новгороде, но, как говорят ученые: «Новгород — самый европейский из русских городов, а Псков — самый русский город Европы»^[58].

А в более восточных и южных городах Руси, менее европейских, что-то совсем бедно по части замков и ключей. Даже в XVI-XVII веках (напомню, именно тогда в Европе изобретают современный кодовый замок) в Московии замки и ключи от дверей и ворот по-прежнему какие-то совсем условные. Академик Рыбаков говорит, что эти простенькие ключи больше «похожи на ключи от шкапулок или ларцов, чем на ключи висячих замков». Кстати, ремесленной специализации замочника на Руси не было вовсе^[59].

Как же предки обходились без запоров?! А так... Старый обычай: уходишь, подопрь дверь батошкой. Любой, кто зайдет во двор, увидит подпертую дверь и сразу поймет — хозяин вышел. Если в обществе не особо распространено это самое «противоправное безвозмездное изъятие...

чужого имущества»... то почему бы и не подпирать дверь батожком?

Вот русский народ и подпирал. Еще в начале XX века большинство русских людей в деревнях и малых городах домов НЕ ЗАПИРАЛИ. Вообще^[60].

В городах народ замками еще пользовался, правда больше похожими на замочки от шкатулок. Но вот дверь заперли... И ключ положили под коврик или бросили в почтовый ящик. После войны жизнь начала быстро меняться, и в части общественной безопасности совсем не в лучшую сторону (почему — тема для отдельного разговора, но любопытно, что именно тогда же вышла на первый план проблема массового пьянства), И правоохранительные органы стали писать слезные призывы к расслабленному «по старинке» населению: не надо создавать милиции лишней работы, не кладите ключи на видное место. Чтобы люди послушались, потребовались немалые усилия — и воров, и милиции.

Небольшая личная история. Моя бабушка Валентина Михайловна Смородская (ей, кстати, в том числе посвящена серия «Мифов о России») была по советским меркам человеком зажиточным. Много лет работала директором школы и даже какое-то время — секретарем райкома партии по социалке. Район, правда, не московский — городок Смела Черкасской области УССР, но и не бедный. Села богатые, район развитый, ухоженный, 60 000 жителей. Жила в хорошей по советским меркам двухкомнатной квартире в самом центре города. Все свое детство каждое лето я проводил у бабушки 1-2 месяца, и вкус украинской клубники со сметаной, шелковицы с дерева прямо под окнами городской пятиэтажки и абрикосов, которые мы просто собирали на тротуарах, потому что все улицы городка были засажены абрикосовыми деревьями, — эти вкусовые ощущения, наверное, останутся со мной на всю жизнь... Но речь пойдет о другом. Квартира у бабушки, естественно, запиралась. Дверь была почти картонная, пустотелая, но зато с замком, правда только одним. И был ключ от замка, от квартиры, где, как известно, «деньги лежат». Ключ тоже был один. На бабушку, на меня, на младшую сестру, на родителей, когда они приезжали. Обычай был простой: выходя, захлопни дверь — и ключ под коврик. Всё. Система домашней безопасности этим исчерпывалась. Замок был на автоматической защелке — без ключа не открыть, и на тот случай, если ключ все же забыли дома, что происходило с завидной регулярностью, бабушка всегда оставляла открытой дверь на балконе. Поскольку квартира находилась на втором этаже, балкон — прямо рядом с козырьком подъезда. Забыв ключ, мы просили кого-то из старших мальчишек залезть на козырек — далее на балкон — и открыть дверь изнутри. Что мальчишки и делали —

в секунду и с большим удовольствием. Это были 70-80-е годы, совсем, казалось, недавно... Ту «двушку» после бабушкиной смерти сразу забрало государство, и мы еще складывали ее вещи и книги, как на пороге появились «с ордером на вселение» какие-то новые беспардонные жильцы. Сейчас на всех окнах и балконе той квартирке — толстые железные решетки. Непокойные нынче времена...

А взгляните на блошином рынке на старые советские или того смешнее — дореволюционные замки! На фоне произведений итальянских или английских мастеров они могут вызвать разве что улыбку.

Вспомните эпизод из «Двенадцати стульев», когда Остап Бендер ногтем открывает захлопнувшуюся дверь и впускает в собственную квартиру инженера Щукина. Простите, что же это за замок, если его можно открыть ногтем?! Этот юмористический эпизод Ильфа—Петрова совершенно непонятен людям ни на Востоке, ни на Западе: у них просто нет и не было в те времена таких замков.

Да даже сегодня зайдите в небольшой магазин, на рынок подальше от столичных городов и присмотритесь. 90% продаваемых замков — это совершенно прозрачные изделия. Этакие условные замки, которые открываются если и не ногтем, то уж точно, — отверткой.

А зачем принимать более серьезные меры безопасности? Одни расходы да хлопоты. Потому что до сих пор, даже в порядке подзабывшей свою исконную «житейскую честность» провинциальной России, в той самой, с 1985 года многократно обворованной, обобранной до нитки несправедливыми и бесчестными властями провинции, по-прежнему не так много в домах воруют.

Не так много, как кажется тем, кто судит о жизни по криминальным хроникам центрального телевидения.

Вот бомжи в холодное время забираются на летние дачи. Вроде ну что взять с этого опустившегося бродяги, «бывшего интеллигентного человека», с бича? О какой совести его можно говорить? Но и бичи, пересидев зиму в относительном тепле, попользовавшись имуществом, часто уходят, так ничего с собой и не прихватив. Такие вот нецивилизованные люди.

Цивилизованные живут иначе, это факт. Будете за границей, посмотрите, какие внушительные и надежные «замочные изделия» продаются там. Вот это — настоящие замки! Сразу видно, что их создали люди, вкладывающие душу в свою работу, а приобретают те, кто очень озабочен сохранностью своего имущества. Кто окружающим — не доверяет.

Прошу понять меня правильно: я совершенно не хочу идеализировать довольно грустное настоящее и отрицать проблему бытового воровства в нашей стране. Она есть, воруют в метро из сумочек, режут подкладки, вынимают портмоне, бьют стекла в машинах или, просто отвлекая водителей, вытаскивают портфели из салонов хороших авто. Например, только из моих личных знакомых в Москве не менее десятка (!) человек лишились таким образом за рулем ценных вещей и документов. Все это так. Особенно в европеизированных российских мегаполисах.

Но, во-первых, как говорят режиссеры, не надо драматизировать. Во-вторых, давайте посмотрим на нашу историю непредвзято, посмотрим на уклад жизни наших предков и мы убедимся, что в части бытовой, «народной» честности нам уж точно совершенно нечего стыдиться. Более того, есть чему поучиться у наших дедов и прадедов. Если и говорил аристократ Карамзин о России одним словом — «воруют-с...» (а мы уже убедились — никогда не говорил и в мыслях не имел), то уж точно он не мог подразумевать при этом простой русский народ.

И в заключение три небольших эпизода-штриха к этому эссе о «бытовом воровстве», о замках и запорах.

Первый рассказ — можно сказать исторический, из жизни старой Москвы конца XIX века. Недавно перечитал замечательную книгу Гиляровского «Москва и москвичи». Автор много и сочно пишет о самом сердце московского преступного мира — знаменитой Хитровке, территории, где не было никакого права, ни частного, ни гражданского, ни уголовного, где вообще не существовало никаких понятий о «бурясуазной морали» и Своде законов Российской империи. Это было самое дно общества, выпаренный концентрат дореволюционного преступного мира. Советская власть смогла уничтожить Хитровку практически за сутки, но для этого требовалась недюжинная политическая воля большевиков, коей не хватало романовской администрации и коей в помине нет в деле борьбы с оргпреступностью в РФ и сегодня.

Но здесь интересна вот такая история. Гиляровский, пишет, как однажды он пошел со своим приятелем погулять днем по Хитровке. Этаким экстремальный «туризм по трущобам» был популярен среди друзей Гиляровского, и они нередко просили его провести экскурсии по самым значным местам. И вот приятель забыл дома папиросы. Дядя Гиляй кликнул какого-то случайного беспризорного мальчишку, одного из сотен снующих по рынку голодранцев, и, сунув ему рублевку (в современном эквиваленте — купюру в 1000 руб.), попросил сгонять за папиросами в лавку. Его спутник стал хохотать: ну все, прощай денежки, тоже, нашел

дипкурьера для ответственных поручений. Каков же был его шок, когда минут через пять чумазый босяк вынырнул из толпы с сигаретами и полной пригоршней сдачи.

«Ты вернулся... Не украл?..» — бормотал шокированный интеллигентный приятель Гиляровского. «Что значит не украл? — искренне возмутился пацан. — Да как же можно, если поверили-то...»

Вторая история короче и свежее. Август 2008 года. Мне довелось побывать в Голландии, пожалуй самой интернациональной стране в мире. Весь Амстердам ездит на велосипедах: быстро, удобно, полезно, везде отдельные дорожки для велосипедистов. Еще и экологично, кстати. Один минус — страшное Воровство. «Похитители велосипедов» в Голландии — это суровая криминальная драма.

Первое, что сразу, как только вы выйдете из здания центрального вокзала, вам предложит некий сомнительного вида негро-суринамо-индонезийский субъект — ворованный велосипед за 10 евро. Вскоре вам покажется, что вообще все жители столицы Нидерландов ездят исключительно на ворованных и многократно перепроданных велосипедах. Наверно, именно поэтому внешний вид этих средств передвижения в Амстердаме просто чудовищен. Скажу честно: не то что тетя Клава из самого нищего совхоза никогда не заставит себя оседлать «типичный амстердамский велик», да просто ни один бомж в нашей не избалованной роскошью стране, в самый голодный день на него не позарится. Понять голландцев можно: зачем париться, все равно твой велосипед сегодня-завтра украдут, и за 10 евро ты купишь на углу такой же «новый». Тем не менее даже такие велосипеды-уродцы в Голландии все и всегда аккуратно пристегивают На цепочки с хитрыми замочками, то есть борются с потенциальными ворами как могут.

Вот что прочитал я в фельетоне одной местной газеты.

Вопрос: Как иностранцу определить, в какой части Голландии он находится?

Ответ: Посмотрите на «пристегнутые» поблизости велосипеды. Если висит один замок, вы в тихой голландской деревушке. Если два — вы заехали в город. А если три — поздравляем! Вы в столице — Амстердаме.

И последняя небольшая история, тоже из личной практики. Как уже говорилось, старые добрые времена незапиравшихся дверей, увы, канули в Лету, нынче в Москве мода на двери прочные, в идеале — железные.

Недавно и я сам заказывал себе в квартиру такую металлическую дверь. Немолодой, но не по годам навязчивый менеджер фирмы-производителя с пеной у рта «разводил» меня на покупку двери не с

обычным российским замком (который тоже, кстати, не был отечественной разработкой, а был «сделан по немецкой лицензии»), а с НАСТОЯЩИМ-ИМПОРТНЫМ-ИТАЛЬЯНСКИМ. Знаете, какой был у него главный аргумент? Не поверите, но почти дословно это звучало так: «Какие, мил человек, еще русские замки? Да никогда (!) у нас их делать? не умели! Все наши замки — лишь для Виду, чтоб сквозняк дверь не открыл. А в Италии — ТРАДИЦИЯ! На этой фабрике замки уже 500 лет делают! Милльон комбинаций! Вся Европа на них держится! Наше Ворье — слабаки, привыкли, медвежатники доморощенные, отверткой ковыряться да ломом, а в Европе по замкам есть ба-а-альшие мастера, но эту фирму никто открыт» не может. Гарантия!»

Вот так, ни дать ни взять. Больше и лучше «об исконном русском воровстве» и не скажешь ☺.

Глава 7

Репутация дворян и разночинцев

Береги платье снову, а честь — смолоду.

Русская поговорка

Красть книги, собак и казну у них никогда не считалось преступлением.

А. И. Герцен

Эталон дворянской чести

Меня обворовывают точно так же, как и других, но это хороший знак и показывает, что есть что воровать.

Екатерина II, частное письмо, 1775 г.

Дворяне считали самих себя лучшими людьми государства. Были у них такие основания или нет, другой вопрос. А. С. Пушкин полагал, что смысл дворянства именно в этом: быть самыми совершенными, самыми образованными и самыми приличными людьми в России^[61].

Для того им и дают привилегии, отделяющие от простолюдинов, имения, дающие им возможность жить, не беспокоясь о куске хлеба.

При этом подчеркну — хотя в России после «освобождения дворян» Петром III, большинство их могло вести праздную жизнь рантье, на самом деле практически НИКТО так не поступал. Просто было не принято. Ну и что, что ты можешь себе позволить не работать. Да будь ты хоть трижды миллионер и олигарх, как князь Андрей Болконский или граф Лев Толстой. Все равно ты ОБЯЗАН служить. Это твой долг перед страной, перед Государем. Так заведено.

Очень показательный в этом отношении диалог записал в своих путевых заметках о России британский офицер Джеймс Александер.

«У русских нет представления о том, что такое джентльмен. (Что он имеет в виду? А вот что... — В. М.), они с подозрением смотрят на человека, который не называет свой чин или профессию. Однажды я слышал, как моего товарища допрашивали в таможне (русской. — В. М.), пытаюсь выяснить, кто он такой.

— Я английский джентльмен, — отвечал тот.

— А в каком вы чине? — спрашивал полицейский офицер.

— У меня нет никакого чина.

— у вас профессия?

— Никакой.

— Как так?

— Я частное лицо.

— Но у вас ведь должен быть какой-то чин и какое-то занятие!»

Кавалергард русской армии времен Петра.

Эталон дворянской чести. Мы же помним, увы, только то, что «кавалергарда век недолог, и потому так ля-ля-ля... ля-ля, откинув полог, и вселя-ля-ля-ли...»

(Искренне недоумевает русский офицер. Понятно, что дворянин, и

деньги есть, но служить или заниматься чем-то полезным вы должны ведь!
— В. М.)

Ответ англичанина: «Я живу на свой личный доход». «Но это не ответ, сэр. Ради бога, чем же вы занимаетесь?» «Ну, хорошо, — вздохнул англичанин, — я член магистрата графства и помощник лорда-лейтенанта». (Это он назвал свои общественные занятия — типа член ТСЖ. — В. М.).

«Вот это другое дело, почему же вы сразу этого не сказали?»

Вот так, русские дворяне не понимали, по крайней мере на том этапе, когда человек просто жил на собственные деньги и нигде не служил и не работал.

При этом в интересных и метких наблюдениях Александера о русском дворянстве порой проскакивает полная ахиня. «Русская знать весьма привычна к расточительству — покупает роскошные экипажи, устраивает дорогие увеселения. Дворяне считают ниже своего достоинства иметь выезд меньше четверки лошадей». Дальше идет описание кучеров в роскошных кафтанах и дорогих экипажах. Пока все предсказуемо и понятно. Но дальше... Его потрясает, сколько русские тратят на еду. «Званный обед в России не обходится без стерляди (это для английского дворянина, конечно, очень дорого), каждая, стоит от пятисот до тысячи рублей. (Тут явно сильное преувеличение — может, пятьсот стерлядей за тысячу рублей. Или тысяча, за пятьсот? Трудности перевода... — В. М.). В рыбный суп, который варят на шампанском или другом дорогом вине, вообще не добавляют воды, и он стоит 3000 рублей (честно говоря, какая-то несусветна)! ценовая чушь)». Мне кажется, это тот самый случай, когда сводили иностранца в элитный дорогуший клуб — один на столицу, с таким фантастическим меню, которое никто не использует. И он, придя в ужас, растиражировал в книге. Да-да, точно как иностранец, который остановится на постой в гостинице «Хайят» в Москве, а потом с ужасом рассказывает всем, что в России позавтракать стоит не ниже двухсот евро и десять евро — чашка кофе. Это не везде в России, это только в гостинице «Хайят», господа. Вот у Александера то же самое. (*Александр Дж. Россия глазами иностранца. М., 2008*).

Разумеется, выдающиеся личности редко рождались и среди дворян, большая часть этих людей были самыми обычными мужчинами и женщинами, не совершившими ничего исключительного.

Но вот кодекс чести... Он действовал. Дворянин не мог сделать много такого, что прощалось простолюдину, но не прощалось ему. Потому что дворянин. Потому что на то и даны чины, имения и привилегии.

В наше «демократическое» время полагается по советской инерции

считать, что дворяне «на самом деле» были не лучшими людьми России и что их привилегии и богатства даны совершенно напрасно, ни за что. Классовый, понимаете, принцип! На это я могу посоветовать только одно...

Очень образно об этом как-то написал Андрей Буровский. Эх, говорит он, прежде чем рассуждать, легко ли в царской России быть дворянином, поезжайте вы, ребята, в город Азов. Там отлично сохранились стены турецкой крепости высотой метров так 25-30. Стоят там бомбарды., диаметром до 80 сантиметров.

Дальше — понятно. Берем лестницу длиной 30 метров она будет весить кило 150... Вот такую и берем вдвоем-втроем. Шпагу в зубы и — вперед. На стены! Оттуда падают бомбы, льют смолу и кипятки, стреляют, лестницы специальными рогатинами отталкивают — и вбок, и твой походный товарищ уже корчится внизу с переломанным позвоночником. А ты лезь! И не просто лезь — пистолеты на поясе. Шпага в зубах! Лезь, подбадривая солдат-мужиков, организуя подчиненных, вытаскивая по ходу раненых. Долез? Пистолеты выхватил, дым, гарь, кровяца, свинец — в упор, шпагу наголо — вперед! Турок еще полно на стенах, и сдаваться они не собираются. Пенициллин и обезболивающее, кстати, еще не изобрели, поэтому каждая вторая рана — это гангрена и ампутация, а каждая третья, даже по современным меркам небольшая, — смерть в диких мучениях, как у князя, олигарха и дворянина в ...цатом колене Андрея Болконского. Страшно? Не хочется? Нечего ерепениться. Сдюжили? Поздравляю, вы дворяне ☺. Здорово написано, не правда ли?..

Но мы отвлеклись. Вернемся к той самой дворянской чести, кою смолodu беречь должно. Кодекс чести, среди всего прочего, исключал любой бесчестный способ обогащения. Дворянин строил свой «карьер»^[62] так, чтобы не только его самого, но и его предков и его потомков нельзя было ни в чем упрекнуть. Предков — что произвели на свет скверного отпрыска. Потомков — что происходят от негодяя.

Этот очень строгий, очень жесткий кодекс чести мог в ряде случаев прямо требовать предпочесть гибель продолжению жизни. Честь важнее физического существования^[63].

О том, как жестко действовал кодекс чести, читателю должно быть известно: это предельно исторично описано в «Капитанской дочке» Пушкина. Александр Сергеевич опирался на факты: за время пугачевщины больше 300 дворян обоого пола были повешены за то, что отказались присягать Пугачеву — «чудесно спасшемся Петру III».

В точности так, как капитан и капитанша (!) Мироновы. Пугачевцы

выстраивали дворянские семьи под виселицей, сначала вешали мужей на глазах жен и детей. Потом матерей на глазах детей. Иногда начинали с детей — может, это на родителей произведет впечатление? Так вот: не сохранилось в истории НИ ОДНОГО описанного случая, чтобы папы и мамы (мамы тоже, подчеркну это) спасали ребенка ценой ложной присяги.

При этом рядовые солдаты, вчерашние мужики, конечно, обычно предавали, «признавая» в Пугачеве «истинного царя». Но что удивительно, они потом, после подавления бунта, столь же обычно... возвращались обратно «на государеву службу», и их брали! Ну что же, что Дали слабину, изменили присяге? Мужичье. Что с них взять. Нет в них настоящей чести, что поделаешь.

А из коренного дворянства только 1 (один) человек струсил под виселицей и пошел служить Пугачеву. После поражения самозванца кинулся спасаться: он ведь не был идейным врагом Екатерины. Ну, поначалу струсил, предал, а потом уже выхода не было. Фамилия этого исторического персонажа — Шванвич. У Пушкина он Швабрин, и все современники сразу узнавали, о ком речь. Кстати, в «Капитанской дочке» Пушкин и историю дуэли Швабрина не придумал: в действительности был такой же случай нарушения правил дуэли, только не самим Шванвичем, а его отцом. Случай был по тем временам нашумевший. Отец Шванвича разрубил на, сабельной дуэли лицо Алексею Орлову, тому самому фавориту Екатерины Великой, когда тот оглянулся на вскрик.

До конца дней лицо Алексея Орлова «украшал» страшный шрам от уха до угла рта. На непривычных людей его улыбка действовала жутко. Шванвича-старшего простили: он сумел убедить общество, что воспользовался оплошкой противника случайно, рубанул одновременно со вскриком.

Вот так невольно и возникает подозрение: а может, все же подлость — качество наследственное? Может, и правы были наши предки, когда судили о человеке не только по его собственным качествам, но и по образу жизни его родителей и пра-родителей? Передаются же многие качества даже чисто генетически, а уж тем более — путем воспитания?

Во всяком случае, когда судили Шванвича-младшего, ему припомнили и подлость, совершенную его отцом. И уже не простили. То, что прощалося простолюдину, которого зачастую даже не наказывали, а просто ставили обратно в строй, никак нельзя было простить дворянину. Ни при каких обстоятельствах.

Трудно описать полную меру презрения к Шванвичу дворянского общества. Шванвич политически умер. Когда его вели в кандалах на суд,

женщины старались не коснуться его даже краешком платья. Никто к нему не обращался и не отвечал на его слова, кроме членов суда.

По приговору его не казнили, все же дворянин, а сослали в Туруханский край навечно. Умерла Екатерина, процарствовал Павел, взошел на трон Александр, отгремела война с Наполеоном... Шванвич все еще был жив. Никто из государей, несмотря на вековую традицию, по восшествии на престол его не помиловал. Живой покойник догнивал на берегу Енисея, в лесотундре, добрые сорок лет.

Русские дворяне, в том числе и самые высокопоставленные, не могли быть «исконно» вороваты хотя бы потому, что берегли фамильную честь. Да, они не были бескорыстны, они работали на результат» в том числе на получение чинов, имений, пожалований, наград. Им хотелось «сделать карьер», и, конечно, далеко не все они пользовались для этого исключительно благородными способами.

Они услуживали старшим по чину, прогибались перед начальниками, женились на богатеньких невестах и прибегали к разного рода мелкому жульничеству, чтобы набить себе цену. Но вот воровать... Присваивать напрямую чужие, тем паче казенные деньги...

С точки зрения знаменитого французского дипломата Талейрана русские придворные были «странными». В том числе и потому, что «не брали». Такие же «странности» наблюдал за русскими и прусский король Фридрих Великий, и посланник Лесток, сыгравший немалую роль в заговоре, приведшем на трон Елизавету^[64].

Впрочем, у нас и цари тоже странные. Скажем, доходы государственного бюджета Франции в начале XVIII века составляли 145 миллионов ливров^[65].

Состояние же родственника короля, герцога Орлеанского, оценивалось в 114 миллионов ливров, а его долги — в 74 миллиона ливров. Легендарные алмазные подвески, подаренные королем супруге, стоили порядка 800 тысяч ливров.

Здесь что интересно: высшее французское дворянство вело себя в точности как в России — временщики. Классический отечественный пример вора у трона — конечно, Алексашка Меншиков. 14 миллионов насчитывало его состояние на момент «конфискации» в 1727 году. И нет никакой уверенности, что все полностью нашли.

Но кто есть Меншиков — «полудержавный властелин»? Пирожник? Сын то ли конюха, то ли солдата? Типичный для нашей истории временщик, вознесшийся самым буквальным образом «из грязи в князи».

Увы, на наше многострадальное государство сваливались порой всякие Меншиковы, Шафировы^[66], Ходорковские, Березовские, Гусинские... Цена этим личностям понятна: фарца без роду и племени, мгновенно взлетевшая из «младших научных» и пирожников в «полудержавные властелины». Грабь награбленное. В любой момент низвергнут, посадят, сошлют.

Но есть же разница между временщиком и «имеющим все права» потомственным аристократом. Поэтому сравнивать Меншикова с французскими принцами крови как-то некорректно. То, что «простительно» временщику-хапуге, как-то дико смотрится у тех, Кто поколениями стоит у трона, у самих наследственных владык Королевства Французского. Аристократии, предки которой еще в Крестовых походах участвовали.

В общем, так или иначе сами короли и их родственники во Франции всегда были значительно богаче возглавляемого ими государства.

Бюджет Российской империи в 1899 году достиг 1 500 000 000 (полтора миллиардов) рублей.

А стоимость имущества царской семьи — по максимальному подсчету — 125 миллионов. Тоже не по-детски — 8%... Но с французами не сравнить.

Мораль: русские цари были намного беднее возглавляемого ими государства. Хорошо известно, что во время первой переписи 1897 года Николай II написал в графе «род занятий»: «Хозяин земли русской»^[67].

М-м-да... Сомнительно, Ваше Величество! Какой же Вы хозяин, когда на все Ваше многочисленное семейство совокупного состояния — лишь максимум 8% приходится, а по другим источникам — 2-3% годового государственного бюджета.

Сразу внесу ясность. Государь император, конечно, РАСПОРЯЖАЛСЯ в России по закону, и с учетом некоторых ограничений, установленных законами, практически всем имуществом Государства. Но именно — распоряжался. Не владел. Члены императорского дома были богатейшими людьми, и их содержание обходилось российскому бюджету в копеечку, но государственная казна — это одно», а личный карман — совсем другое. Право распоряжения императором госсобственностью — это отчасти то же самое право, которым и сегодня, только с большими ограничениями по закону, имеет, например, Президент России. Разница лишь в том, что у Президента это право ограничено по времени, на срок полномочий, и не получено по наследству, а делегировано путем выборов.

Но не придет же никому в голову сегодня сказать о Президенте России — «хозяин земли русской хоть он и является отчасти тем же

распорядителем государственной собственности, кем и был, скажем, Николай Александрович Романов.

Странные они были, наши цари.

И сановники у них тоже были странные.

Брали ли взятки высшие русские сановники? Как правило, нет. Крали ли они казну? Скорее, некоторые из них пользовались казной, да и то в основном умеренно и осторожно. В каждую эпоху и для каждого слоя и ранга существовали свои мерки того, что можно и что нельзя. Эти «понятия» не имели ничего общего с писанным законом, но как раз его сановники не нарушали никогда. Они знали — иначе конец. С ними будет как со Шванвичем — наступит гражданская смерть. Даже без ссылки или конфискации, без исключения из дворянского сословия и без лишения чинов... Они просто перестанут существовать для своего сословия. Для них исчезнет все, что было их миром.

Европейское воровство как придворная светская традиция

Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь необходимое для себя. Когда же они награбили достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего более бояться.

Цицерон, древнеримский оратор

Мне могут возразить: ведь кодекс рыцарской чести действовал не в одной России. Несомненно! Но в Европе его, этот кодекс, давно, века с XV, начал разъедать капитализм. Известно, что в Британии практически официально действовал принцип: «Джентльменом является тот, у кого достаточно средств, чтобы быть джентльменом»^[68]

Есть у тебя 40 фунтов стерлингов дохода? Тогда ты дворянин. А если у тебя «всего» 39 фунтов, ты не джентльмен, даже если твои предки помогали вылезать с борта корабля на берег еще Вильгельму Завоевателю.

Вильгельм Завоеватель с войском вторгся из Нормандии в 1066 г. и завоевал саксонские королевства Британии, государства англов и саксов. Происходить от знати, пришедшей с ним, значило и значит в Британии быть САМЫМ родовитым и знатным дворянином. Примерно как в России быть Рюриковичем.

В Европе только старший сын наследовал имение и становился лендлордом. Второй сын еще обычно наследовал движимое имущество, а третий уж точно не получал ничего. Кто плохо знает из курса школьной истории сей европейский принцип единонаследия, освежу на более наглядном примере: вспомните замечательную сказку про лучшего PR-щика всех времен и народов Кота в сапогах. Первому сыну отец завещает все свое мельничное хозяйство, второму — еще что-то по мелочам, третьему же достается лишь хозяйский кот. Пример очень наглядный и, главное, полностью соответствует исторической реальности того времени. (Кстати, практически аналогичная народная сказка имеется и в русском фольклоре, называется «Волшебное кольцо». Роль Кота в сапогах там выполняют дуэтом хозяйские пес и кот, только вот герой — Иван не был обижен при разделе наследства. Ибо наследовать ему в принципе было нечего: безотцовщина.) Попытка ввести такую систему в России была

предпринята Петром I, но у него ничего не получилось. Так по Европе уже века с XV-XVI бродили буквально толпы неприкаянных дворян — с гонором и шпагами, но без средств к существованию.

Невежливая княжна Гагарина так объясняла упорное стремление немецкой знати породниться с русским императорским двором: «Потому что они сидят на престолах голыми жопами!» Не похвальный способ объясняться для юной девы, но по смыслу довольно справедливо. (Володихин Д., Елисеева О., Олейник Д. История России в мелкий горошек. М., 1998).

Когда русский дворянин делал карьеру, он повышал свою значимость в корпорации под названием «Россия». Выше ранг — больше и причитается.

А когда делал карьеру европеец, он изменял лишь свое частное положение, не более. Конан Дойль описывает в своих знаменитых «Записках о Шерлоке Холмсе» такое явление, как покупка практики. Врач практикует, это приносит доход, и практика что-то стоит. Практику в таком-то районе можно купить за такую-то сумму. Вкладываешь деньги и получаешь на них прибыль. Так купил практику доктор Ватсон, бессменный друг Шерлока Холмса. Если врач заболел, постарел, не так интенсивно работает, теряет постоянную клиентуру, стоимость практики понижается. Купить подешевевшую практику — выгодное дельце! Это как покупка подешевевшего поместья, которое можно, потрудившись, опять сделать рентабельным.

Точно так же, как практики врачей и адвокатов, могли продаваться и должности. Начиная с Римской империи должности чиновников и даже военачальников нередко попросту «выставлялись на рынке», где стоили определенных денег.

В духе бессмысленных попыток нашей власти покончить с коррупцией путем принятия по западной кальке нелепых законодательных норм, например ограничивающих тремя, тысячами рублей стоимость подарка, который позволено принимать чиновнику, хочу напомнить один из древних способов пополнения бюджета, придуманный еще римским императором Веспасианом.

Основатель династии Флавиев делал все, чтобы наполнить казну: сам продавал должности за деньги направо и налево, выносил за деньги оправдательные приговоры виновным, но это все не оригинально. Нас этим не удивишь.

А вот одна его идея кажется мне особенно плодотворной. Веспасиан назначал на самые хлебные места, например сборщиками налогов, людей, про которых заранее было известно, что они глубоко и неисправимо

коррупцированы. Назначал, провоцируя, чтобы они брали, брали и брали. А потом, спустя буквально несколько месяцев, он их арестовывал и тут же конфисковывал все их имущество. И то, что они награбили на новой должности. И то, что было у них до этого. В пользу государства.

Таким образом Веспасиан убивал сразу трех зайцев: справедливость торжествовала, общественность ликовала, бюджет пополнялся.

В Византийской империи X века был даже случай, когда суд счел стоящей денег... саму протекцию. Чиновник выдал замуж свою дочь и «по благу» пристроил на должность зятя. Ну как не порадеть родному человечку! Увы, зять оказался пьяницей и бездельником, его со срамом прогнали с должности, и тогда тесть начал судиться с родственником, требуя оплатить его услуги. И суд признал право истца на оплату его рекомендации!^[69]

Во Франции до самого конца королевского периода в 1789 году действовала система откупов. Некий купец вносил государству налог за целую провинцию, а потом собирал налог сам. Естественно, не обижая себя. Дело было выгодное, откупа рвали друг у друга, и существовала стройная система — кому, когда и сколько давать, чтобы получить откуп.

Любому придворному и вообще любому дворянину король мог также назначить ренту — пожизненную или наследственную пенсию. То есть дать не землю, а именно фиксированный доход. Или должность, на которой не надо совершенно ничего делать. У такой должности было официальное название — синекура. Слово происходит от латинского *sine cura animarum* — без попечения о душе^[70].

У французских королей раздача синекур была таким же обычным делом, как раздача рент или отдача провинций собственного государства на откуп.

Уточним, что понятие синекуры было куда как своеобразным. Скажем, ночной горшок короля должны были выносить шесть человек, вооруженные шпагами и одетые в бархат. Эти должности синекурой не считались. Что вы! Ведь эти дворяне работали! Без особого риска для жизни, но в тяжелых экологических, можно сказать, условиях. Синекура — это другое. Это, например, когда человек живет в Версале, что общеизвестно, а «зарплату» получает за должность королевского наместника на островах Вест-Индии... Которые он и в глаза; никогда не видал.

Почему же в таких условиях «экономический человек» Адама Смита не мог относиться к занятию государственной должности просто как к

бизнесу?

Особенно если он эту должность благополучно покупал? Он к ней относился просто как к инвестиции.

Собственно, приблизительно это и происходит нередко в современной России. Но не надо думать, что так было всегда, испокон веков, и никак иначе у нас априори быть не может.

Не надо, повторяю, путать современные болезни общества и историческую предрасположенность.

И в старые добрые времена офицеры, ясное дело, могли отправить солдат косить сено в своем имении. Злоупотребление, несомненно, но ведь не в ходе же военных действий такое совершалось. Зато случаи казнокрадства офицеров и присвоения ими сумм, отпущенных на фураж или на пропитание солдат, редки и не типичны даже в XVIII веке.

Кстати, не забудем: в русской армии всегда нервно относились к должности армейского интенданта. А. В. Суворов говаривал: «Полгода интендантства, и можно расстреливать без суда»^[71].

О назначении Александра Александровича Вяземского генерал-прокурором А. Румянцев сказал: «Ваше величество делает чудеса: из обыкновенного квартирмейстера вышел государственный человек»^[72]. Интендант в армии... а не воровал! Это приятно удивляло. Заметим, однако: для Румянцева очевидно, что государственный человек не ворует. Воровать — это уровень «обыкновенного квартирмейстера»...

Но в России, при всей ее нелюбви к интендантам, не было случая, чтобы солдаты пошли в бой вовсе разутыми, без сапог или были лишены пропитания.

А в Европе бывало, и не раз. Вот вам маленький пример из жизни известного человека.

Знаменитый военный инженер, военачальник, классик фортификации маршал Франции Вобан прожил жизнь военного человека. Он построил новых 33 крепости и усовершенствовал до 300 старых, участвовал в 53 осадах и 104 стычках и сражениях, принудил капитулировать множество вражеских «неприступных» фортеций. В 1677 году был назначен руководителем всех инженерных работ Франции. За пять лет разработал систему укреплений границ и окружил королевство продуманным кольцом укреплений.

Но в конце жизни Вобан навлек на себя неудовольствие короля и даже был уволен со службы. Дело в том, что он издал книгу «La dome royale» («Десятина короля»); В ней Вобан красноречиво описывает бедность

народа, жалкое состояние армии, казнокрадство и стяжательство...

Не менее мрачный колорит повального воровства присутствует в трудах Монтескье или Дидро. Право же, стоит почитать тем, кто любит порассуждать о пользе протестантской этики и генетической предрасположенности русских к воровству и мздоимству^[73].

Строительство Большого Версальского дворца обошлось в десятки миллионов ливров.

По мнению историков, строительство велось очень экономно, потому что сэкономили на всем, все пересчитывали, все заказы шли по конкурсу, — *поэтому украли необычайно мало — то есть не более половины отпущенных казной средств.*

Версаль, кстати, «построен на костях» гораздо в большей степени, чем наш Санкт-Петербург: на его строительстве умерло до 6 тысяч человек — от скверной пищи, дурной воды, отсутствия медицинской помощи. Зато придворные, распределявшие заказы, и получившие их подрядчики не бедствовали. Увы, увы, об этом вы никогда не прочтаете ни во французских школьных учебниках, ни в путеводителях по версальским дворцам. В отличие от нас, легкомысленные французы не выставляют напоказ всем и вся не самые веселые страницы своей истории.

Кстати, еще пару слов о солнечной Франции. Как-то генерального контролера французского министерства финансов Калонна спросили: «Как вы решились взять на себя управление королевскими финансами, когда вы и свои личные дела совсем расстроили»? Тот ответил не без юмора: *«Потому-то я и взялся заведовать королевскими финансами, что личные мои финансы уж очень оказались расстроены»*^[74].

Что называется — коротко и ясно.

Шарль Морис Талейран.

Абсолютный чемпион мира, Европы и Олимпийских игр по количеству и качеству переходов из одного политического лагеря в другой. Итак, вкратце: дворянин-роялист, священник, ярый депутат-республиканец, бонапартист, глава дипломатии Наполеона, тайный агент Александра I, опять монархист, один из тех, кто привел на трон Бурбонов... Его самое знаменитое изречение: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка»

Но воплощением, своего рода идеальной моделью «экономического человека» при должности стал Шарль Морис Талейран.

«Это человек подлый, жадный, низкий интриган, ему нужна грязь и нужны деньги. За деньги он продал свою честь и своего друга. За деньги он бы продал свою душу, — и он при этом был бы прав, ибо променял бы навозную кучу на золото», — так отзывался о нем за два года до революции, в 1787 году, Мирабо^[75].

«Талейран предал и продал сначала католическую церковь в пользу революции, потом революцию в пользу Наполеона, потом Наполеона в пользу Александра I, потом Александра I в пользу Меттерниха и Кэстльри; способствовал больше всех реставрации Бурбонов, изменив Наполеону, а после их свержения помогал больше всех скорейшему признанию "короля баррикад" Луи-Филиппа английским правительством и остальной Европой, и так далее без конца. Вся его жизнь была нескончаемым рядом измен и предательств, и эти деяния... объяснялись всегда (без исключений) до такой степени явно своекорыстными мотивами и сопровождались так непосредственно материальными выгодами для него лично, что Талейран никогда и не рассчитывал... кого-нибудь в самом деле надолго обмануть»^[76].

Историй про Талейрана можно рассказать много. Вот одна из них: «...В 1798 году произошла следующая неприятная история. В Париже (еще с осени 1797 г.) сидели специальные американские уполномоченные, прибывшие для исходатайствования законно причитающихся американским судовладельцам денежных сумм. Талейран тянул дело, подсылая своих агентов, которые, объясняясь по-английски, заявили туго соображавшим американцам, что министр хотел бы предварительно получить от них "сладенькое", the sweetness, так они перевели "les douceurs". Сладенькое потребовалось в таких несоответственно огромных размерах, что терпение американское лопнуло. Не только делегаты обратились с формальной жалобой к президенту Соединенных Штатов, своему прямому начальнику, но и сам президент Адаме (в послании к конгрессу) повторил эти обвинения. Американские представители укоризненно вспомнили по этому случаю недавнюю эмиграцию Талейрана: "Этот человек, по отношению к которому мы проявили самое благожелательное гостеприимство, он и есть тот министр французского правительства, к которому мы явились, прося только справедливости. И этот неблагодарный наш гость, этот епископ, отрекшийся от своего Бога, не поколебался вымогать у нас пятьдесят тысяч фунтов стерлингов на сладенькое, the sweetness, пятьдесят тысяч фунтов стерлингов на удовлетворение своих пороков". Скандал получился невероятный. Все это было напечатано. Талейран ответил, небрежно и свысока, сославшись на каких-то неведомых обманщиков и на "неопытность" американских уполномоченных. Затем поспешил удовлетворить их требования, уже махнув рукою на "сладенькое". Но эти неприятности у него были только с такими дикарями от Миссисипи и Скалистых гор. Европейцы были гораздо терпеливее и избегали скандалов. Да и положение их было опаснее:

их не охранял Атлантический океан»[\[77\]](#).

Вот так.

Как говорят вышеупомянутые американцы, «по comment».

Как канцлер Бестужев оказался «продажным»

Чтоб ты жил на одну зарплату!

Из фильма «Бриллиантовая рука»

Сколько раз всем, кто интересуется русской историей или просто любит исторические романы, приходилось читать о том, что знаменитый канцлер и генерал-фельдмаршал времен Елизаветы и Екатерины Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был бесстыжим мздоимцем: сначала брал деньги у англичан, потом был подкуплен Фридрихом Прусским. Фигурируют и конкретные суммы: якобы официального жалованья получал Бестужев 7 тысяч рублей, а пенсия от англичан — 12 тысяч.

Грустно это. Потому что получается — прошло двести лет, а все еще живы сплетни, распространяемые агентами врага России, прусского короля Фридриха.

Так вот: Бестужев последовательно выступал за оборонительный и торговый союз с Англией. В конце концов в 1742 году был подписан англо-русский договор о признании за Елизаветой императорского титула, о взаимной поддержке в случае войны и о возобновлении торгового соглашения на 15 лет. Для Англии это был выгодный договор. В ходе переговоров посланник Вейч просил у английского правительства короля Георга «осязательных доказательств милостивого расположения Его Величества». Король предложил братьям Алексею и Михаилу Бестужевым пенсии из английской казны. Были они по 12 тысяч рублей, или меньше или больше, я не знаю.

Замечу, таковы были дипломатические обычаи в XVIII веке: при заключении трактатов, при мирных переговорах участников этих дел всегда одаривали заинтересованные стороны. Но вот что выясняется: Вейч получил деньги от королевского правительства... Но Бестужев-то их не получил! Его дружба с англичанами и постоянная поддержка их политики в Петербурге обуславливались исключительно сознанием встречных выгод для России.

Так, простите, кто здесь вор-то? Алексей Бестужев? Или англичанин Вейч?

А. П. Бестужев-Рюмин.

Канцлер Бестужев - действительно честный человек. Помните, Чубайс

говорил: «Кох — честный человек»? От честности Бестужева Чубайс вообще пришел бы в смятение

А о Фридрихе Прусском? У этого короля была самая лучшая в тогдашней Европе разведка. Действовала она несколько прямолинейно, но эффективно: покупала услуги всех необходимых лиц. Сам Фридрих лично составил подробнейшие инструкции для своих вербовщиков и уверял, что ни при одном дворе европейских монархов никогда не сталкивался с неподкупностью. Своих шпионов методичный Фридрих делил на 4 категории: 1) мелкие доносчики из простонародья; 2) профессиональные шпионы, в том числе двойные и тройные агенты; 3) подкупленные царедворцы и чиновники; 4) запуганные люди, ставшие шпионами поневоле; потому, что их близкие взяты в заложники или их шантажируют^[78].

Естественно, в Петербурге у Фридриха тоже была богатейшая агентура. Правда, фамилии известных агентов почему-то — Левенвольде и Фабрициус... Но не будем мелочны — раз Петербург, значит, там живут русские. В числе «агентов влияния», кстати, была и мама будущей царицы Екатерины II Иоганна Ангальт-Цербстская. Одно хорошо: по причине крайней глупости эта дама если бы и хотела нанести ущерб России, это было бы не в ее силах.

Так вот, Фридрих мечтал купить Бестужева. Однако Бестужев всякий раз Посылал его агентов далеко и не в очень дипломатических выражениях. На трех языках сразу: французским и немецким он владел совершенно свободно.

И в конце концов Фридрих захотел отомстить негодному канцлеру! С этой целью он начал распространять слухи... о продажности Бестужева. Делал вид, что Бестужев за свои услуги заламывал столько, что бедному Фридриху стало не по карману содержать такого дорогого агента.

Чистой воды «черный PR», как сказали бы сегодня.

Так Бестужев и оказался взяточником, состоявшим на содержании и англичан, и, «конечно же», Фридриха. Современники-то посмеивались, потому что знали правду. А потомки, получается, ПОВЕРИЛИ...

Мало того что мы беспамятны, мы еще и не любим своих выдающихся исторических деятелей. Не уважаем. Какую гадость о них ни скажи — со всем мы согласны.

Глава 8

Нищие русские революционеры

Наживать состояния можно на возвышении государства и на его распаде. На распаде это делается быстрее.

Миталл Уилсон, американский писатель

Дантон, Мирабо и Ленин

Нигде и никогда революционеры не составляют самой здоровой части общества. Но давайте сравним...

Может ли читатель представить себе, как Ленин или Троцкий принимают подношения от Николая II или от великих князей? Ведут с ними Тайные переговоры, обещают спасти и хапают за оказанные или обещанные услуги? Невероятная картина, верно?

Но во времена не менее Великой, чем наша Октябрьская, Французской революции именно такая картина имела место быть. Вскоре после смерти одного из лидеров французской революции, Мирабо, обнаружилось, что он брал взятки от короля. Обещал помочь королю бежать из Парижа, спасти и его, и его семью от казни. Когда дело открылось, тело умершего Мирабо с позором выбросили из пантеона, в котором хоронили «героев» революции.

Но не один пламенный революционер Мирабо оказался ворюгой. Сказочно обогатился и другой известный герой революции, Дантон. Он обещал спасение приговоренным к смерти аристократам. Он брал у этих несчастных деньги, драгоценности, чеки иностранных банков, а потом все равно отправлял их на гильотину. И их самих, и их родителей, жен и детей. Дантон умудрился получить 30 тысяч экю даже от королевы Марии-Антуанетты — негодяй пообещал спасти каких-то ее друзей. Спас? Нет, конечно!

Не поверите, но он даже начал переговоры со свергнутым и находившимся под домашним арестом королем...

От короля «посланцы Дантона» сначала требовали 3 миллиона ливров, и не за что-нибудь, не за банальную организацию побега (для этого «смета» выглядела явно завышенной), а за то, чтобы ни много ни мало поднять восстание и восстановить монархию. Не получилось. И тогда возник заговор с целью... продать Людовика британскому правительству за 2 миллиона фунтов. Тоже не получилось, потому что, как оказалось, судьба короля Франции Британию совершенно не волновала.

Когда Дантона обвинили в коррупции — уже официально — он очень красиво оправдывался, художественно: «Я продавался не фактически. Люди моего покроя неоценимы, их нельзя купить». Или он говорил: «Я беру деньги, но это не значит, что я куплен». За время нахождения на посту министра юстиции Дантон обогатился чудовищно, приобрел множество замков, домов и другой недвижимости.

Вообще же за взятки, в том числе от аристократов и королевского двора, было осуждено 47 членов Конвента из 720. Вы скажете, что 7% депутатов-взяточников это не много? Давайте, мол, еще поговорим о Государственной Думе... или более практично — об отстраненных «по этическим соображениям» от исполнения полномочий членов Совета Федерации.

Но, во-первых, 7% — это те, кто попались с поличным и были осуждены. Сколько еще не попались? Сколько пошли на гильотину и каторгу по другим, «политическим» статьям? Факты коррупции еще надо было доказывать. А если обвинение было «политическим» — коленкор другой, тут главное — пламенно озвученные в нужный момент подозрения.

Во-вторых, мы ведь говорим не о депутатах-бюрократах — косных представителях неторопливой чиновной жизни, изнеженных, умиротворенных и потому подверженных многим соблазнам, а о «пламенных революционерах», народных трибунах, истовых проповедниках разных там «Эгалите, либертэ и фратерните».

Разве в этом свете масштабы мздоимства в революционном Конvente не удивляют? Это же феерия! Хотя, опять же, есть в истории прекрасной Франции примеры и более масштабные, например история с той же Панамой, когда во взятках был уличен практически весь французский парламент.^[79]

Хотите знать мнение «других экспертов»? Пожалуйста: почитайте, что пишет классик литературы Стефан Цвейг о государственных деятелях Франции эпохи великой революции. Министр внутренних дел и глава полиции Фуше получал взятки практически от всех королевских дворов Европы, желавших заручиться благосклонностью Наполеона. Британская разведка накануне морского сражения при Трафальгаре получала секретные сведения напрямую от самых высоких сановников французского государства.^[80]

На совести русских большевиков много преступлений и крови. Однако представить себе Ленина, берущего деньги от Николая II, чтобы спасти его от казни? Троцкого и Дзержинского, которые пытаются продать Николая и его семью в Британию? Как-то не хватает для этого решительно никакой антикоммунистической профессорской фантазии.

Конечно, наши герои 1917 года тоже были не фунт изюма: фанатики идеи, среди которых — и кровожадные маньяки, и беспощадные убийцы,

Но по крайней мере в одном они оказались приличнее — политическим врагам туда-обратно не перепродавались, да и, придя к

власти, по— началу «собственное» «государство диктатуры пролетариата» не обворовывали. Вот уж чего не было — того не было. «Патриотизм — последнее прибежище негодяев» — как-то сказал в конце XIX века кто-то из английских политиков, характеризуя британских чиновников, занимавшихся в колониях вещами, мягко творя, неприличествующими джентльмену. Неумное воровство, обирание местного населения, жестокость и неуважение к обычаям туземцев и так далее — одним словом, мерзавцы они по сути и негодяи. Единственное, что их хоть как-то извиняет, — по крайней мере, они все же в критической ситуации остаются истыми патриотами Британии и Ее Величества. Patriotism is the last retreat of a scoundrel. Такой был изначально смысл этого выражения. Отметим, в этом контексте в эту фразу вкладывался совершенно другой смысл, чем мы понимаем ее сегодня.

А правильный перевод сего заезженного афоризма должен звучать так: «Патриотизм — последнее прибежище даже негодяев».

Посему, немного перефразируя, скажем: Бескорыстие — последнее прибежище большевиков.

Почему Деникин умер в бедности?

Такая же удивительная закономерность и в другом лагере, у белых. Еще в июле 1918 года один из самых талантливых военачальников белых, Владимир Оскарович Каппель, захватил в Казани золотой запас Российской империи (650 млн золотых руб.). В Казань золотой запас вывезли большевики во время февральского наступления немцев: боялись, что немцы захватят Москву и Петроград.

Некоторые из деятелей белого движения распорядились колоссальными суммами из этого запаса. Колчак давал многим из своих соратников громадные деньги — под расписку, но не требуя никакой строгой отчетности. И что? Много мы знаем белогвардейцев, которые позже, за рубежом, шикавали, швыряли золото и купали яхты? Назовите хоть одного.

Из всех лидеров белых не оказался в эмиграции в нищете лишь Николай Николаевич Юденич. Он купил в Ницце виллу — не роскошную, правда, по нынешним олигархическим меркам просто «бедненько, но чистенько», но все же виллу. И жил в ней до самой смерти в 1933 году^[81]. Отметим, правда, что Юденич и до 1917 года человеком бедным не был, так что подозревать его в нечестности тоже никаких оснований нет.

Абсолютное же большинство тех, кто имел отношение к этим деньгам, не присвоили буквально ничего. Даже в отчаянных условиях поражения, бегства, необходимости как-то устроиться за границей, где их никто особо не ждал^[82].

В бедности умер Антон Иванович Деникин. Он до конца своих дней считал своей большой заслугой, говорiti «Никогда за все время моего правления и командования на юге России я не давал державам Согласия ни устно, ни письменно, никаких политических, территориальных и экономических обязательств за счет России... Это обстоятельство должно быть учтено в тот день, когда новая Россия будет сводить старые счета со своими кредиторами...»^[83]

Здесь надо сказать, что возможности «заработков» у Деникина и его генералов были громадные. Все два года власти Деникина на русском юге активно трудились торговые миссии западных стран и крупных фирм. Англичане скупали ряд сахарных заводов и собирались приобрести чугунолитейные.

Деникину не раз предлагали проекты совершенно кабальных

концессий. Чтобы подписал, совали деньги, и немалые. Брезгливого отказа Деникина западные дельцы не могли понять. Они же ничего дурного не имели в виду! Вот давеча в Западной Африке...

Итак, если мы такой вороватый народ, кто мешал наживаться на Гражданской войне? И белым, и красным? А ведь наживалась разве что кучка уголовников, не сыгравших в истории совершенно никакой роли.

Патологически честные советские люди

Вор должен сидеть в тюрьме!

*В. Высоцкий, он же Глеб Жеглов, из фильма
«Место встречи изменить нельзя»*

Советская власть изначально стремилась поставить под контроль государства все стороны жизни общества. В том числе и такие, которые в отсталой царской России никому и в голову бы не пришло контролировать.

Для того чтобы распределять продукты, мыло, спички и квартиры, организовывать чистку уборных и поставлять веники в бани, потребовалось невероятное количество чиновников.

Управленческий аппарат советской власти уже в годы Гражданской войны в несколько раз превысил число чиновников царской России. К концу 1920 года в России было два с половиной миллиона «совслужащих». В 10 раз больше всего «аппарата» царских времен.

Чиновничье правление — одно из самых худших, какие только возможны. Но вот что тем не менее удивляет в советское время, так это поразительно низкий уровень коррупции. Возможно, дело в том, что в СССР деньги сами по себе вообще не играли большой роли. Подворовывали по мелочам многие, взаимные услуги по принципу «блата» оказывали, но спереть сразу и много не только не было возможности, но и не имело смысла.

В СССР «обналичить» казенные деньги было невозможно, вкладывать было некуда, тратить — негде^[84].

Остап Бендер мог бегать по Москве с чемоданом, в котором лежит миллион. И что? Номер в гостинице дадут не ему, а участнику слета передовиков производства...

Контрабандист «теневик» может заработать немислимые для советского работяги деньги... Но чтобы легализовать машину — и не иномарку, не «мерседес», а простенький «Москвич», герою «Бриллиантовой руки» приходится якобы «найти клад» и сдать его государству (!), получив в качестве вознаграждения лишь 25% его стоимости!

Вниманию современных предпринимателей! Представьте на мгновение: «легализация дохода» за 75% от декларируемой суммы.

Вам уже плохо? Таковы были жесткие реалии социалистической плановой экономики. ☺

Иначе он мог так и сидеть на своих сокровищах, не имея возможности ими хоть как-то пользоваться.

Да и любые похождения чиновников в СССР смотрятся как-то бледно. На фоне даже деяний их коллег времен Гоголя.

В эпоху «перестройки» очень много говорили, а чаще истерически вопили о «патологической коррупции» советских вождей.

Сколько было крику о воровстве Брежнева! А что получилось в реальности? Ну, было у него несколько красивых автомобилей и ружей... Главе государства делали дорогие подарки. Причем, в общем-то, не подкупали его таким способом. Выражали уважение в надежде на некоторое ответное личное благорасположение — и только. Шум шумом, а кончилось-то фарсом, когда наследники Леонида Ильича вернули «присвоенные» Брежневым подарки. Не было у Брежнева ничего, кроме этих подарков, преподнесенных ему как главе государства.

Н. А. Щелоков.

Всесильный министр внутренних дел СССР и главный советский

коррупционер наворовал на 100-150 тыс. долларов. По нынешним меркам — просто смешно. Не смешно то, что Щелоков застрелился, когда об этом стало известно

Были, конечно, в советские времена случаи масштабного воровства. Были! После смерти Брежнева возникло пресловутое «дело Николая Щелокова». Сам министр внутренних дел Щелоков 13 декабря 1984 года покончил с собой. Как выяснилось, он присвоил 560 тысяч рублей, (это \$ 100 000-150 000 по тогдашнему «рыночному» — в буквальном смысле слова ☺ — курсу). А шуму-то было по всей Руси Великой! Но вы видите сами: масштаб истерии совершенно не соответствует масштабам дела. И доказывает это все только одно: не привыкли. Любое крупное хищение казалось таким невероятным, таким фантастическим, что сразу — и во все колокола!

Было «Елисеевское дело» о хищениях директора в государственном Елисеевском гастрономе. Размер, правда, оказался скромнее — десятки тысяч рублей, а больше так: баночки с икрой да шпротами, финская колбаса, ветчинка, дорогие конфеты. Да-а-а... Далеко советским торгашам не то что до Панамы, а даже до самого чахлого подрядчика царских времен;

Помасштабнее было «узбекское дело», которое расследовали прокуроры Тельман Гдлян и Николай Иванов. Дело, откровенно говоря, политическое от начала до конца. Если брать уголовную суть, то была она вот в чем: в годы Брежнева от Узбекистана все время требовали увеличивать сбор хлопка. Верные сыны партии из узбекской элиты докладывали наверх все более и более высокие цифры по ирригации полей и показателям важного для отечественной текстильной промышленности сырья. (Молодежь не поверит — но в СССР 100% этой промышленности обеспечивалось собственным сырьем. И рубашки хлопковые носили мы не китайские, а свои. Фасон, правда, был отстой, не итальянский, но это уже другой вопрос). В ход шли все более масштабные приписки, то есть завышение масштабов производства.

Сегодня называют разные цифры приписок, то есть указанного в отчетах, но не существовавшего в реальности хлопка: вплоть до миллиона тонн сырца. В результате узбекское руководство получало огромные дополнительные бюджетные средства из центра, часть их каким-то образом шла на ханские дворцы, покупку драгоценностей, картин, валюты и, конечно, на подкуп верхушки в самой Москве. Только после смерти Рашидова союзный центр начал так называемое узбекское дело, отправив оперативную группу Гдляна-Иванова в Ташкент. В ходе последовавшей

чистки была осуждена почти вся правящая верхушка УзССР. Именно в связи с этим делом посадили и зятя Брежнева Юрия Чурбанова.

Сами Гдлян и Иванов были, кстати, убеждены, о чем прямо заявляли на XIX партконференции, что Узбекистан просто попал под раздачу. Сравнимый размах коррупции был, мол, по всему Союзу.

Другое мнение — все же Ташкент получил «по заслугам», выделяясь невиданным уровнем коррупции на более-менее благостном советском пространстве. Поэтому в конце концов центральная власть этого не потерпела. Есть и «альтернативная» версия, особенно популярная в последние годы. Об этом сейчас говорят все больше, я даже видел пару документальных фильмов по центральному ТВ. Мол, раздули из мухи слона. Карьеристы Гдлян и Иванов, почувствовав конъюнктурную перестроечную волну, сделали из заурядных и вполне обыденных для социалистического планового хозяйства приписок скандал союзного масштаба. Пользуясь огромными полномочиями, данными Москвой (отметим, ТОГДА политическая воля в стремлении вырвать с корнем взяточничество в высшем руководстве страны как раз присутствовали), следователи пересажали множество совершенно невинных, не причастных к делу людей, сломали сотни судеб, опорочили честные имена узбекских тружеников. То есть по сути занялись теми же «приписками» — только не ради денег, а ради собственного прокурорского тщеславия, а может, и в силу политических амбиций.

Я не берусь ставить оценки — какая из вышеперечисленных версий ближе к истине. Но говоря между нами... Вся эта история — ведь не русское взяточничество. И не русские приписки. В «узбекском деле» очень чувствуется другой масштаб, другой «специфический» колорит — восточный!^[85]

Сравним с «цивилизованным» миром?

Человек, владеющий европейскими языками, может узнать много интересного из повседневной печати и телевидения Запада.

Вот, пожалуйста, свежие примеры.

В июле 2008 года CNN сообщила, что стоимость государственной помощи пострадавшим от урагана «Катрина» была завышена в 5 раз: имущество на рыночную сумму 18,5 миллиона долларов оценили в 85 миллионов. Что за имущество? Речь идет о туалетной бумаге, бумажных полотенцах, одноразовой посуде и других составляющих наборов выживания. Стоимость каждого предмета приравнивали к стоимости упаковки (перевожу сие сообщение на понятный русский язык: из бюджетных \$ 85 000 000, выделенных на закупку помощи пострадавшим, реально приобретено товара на пятую часть суммы, а 80% — украли, «откатали», растащили, «раздербанили», обналичили и пр. Теперь понятно? Вот так... И где! В гибнущем Новом Орлеане...).

В том же году в печати появились материалы, сколько платил бывший мэр Нью-Йорка за вызов в гостиницу «суперэлитных» проституток во время своих регулярных командировок в Вашингтон. В среднем \$ 10 000 (!) за визит. Думаю, не бьется как-то баланс с мэрской зарплатой...

Как-то попала на глаза серия скандальных разоблачений о системе подрядов в том же Нью-Йорке на вывоз мусора. Замешаны были все: и власти, и профсоюзы, и естественно, итальянская мафия.

Кстати, об Италии. Напомню лишь один из эпизодов. К концу 1980-х годов борьбу с итальянской мафией возглавили двое судей из административного центра Сицилии — Палермо. Они сумели провести первые серьезные процессы против мафии и выиграть их. В 1992 году оба были убиты. Погибшие судьи стали прообразом того самого знаменитого комиссара Каттани из популярнейшего итальянского телесериала «Спрут».

После их гибели и началась знаменитая общенациональная антикоррупционная операция, получившая название «Чистые руки». В ходе нее под следствием оказалось 20 000 (!) человек. 2600 было арестовано. В том числе были два бывших итальянских премьера, десятки депутатов парламента. Выявились связи с мафией практически всех партий, правивших почти пятьдесят лет страной.

Италия, конечно, классическая страна мафии... Но разве нет ничего похожего в других странах Европы? Например, дело канцлера ФРГ

Гельмута Коля, обвиненного в незаконном финансировании своей партии?

А премьер-министр Франции и друг Миттерана Пьер Береговуа, покончивший жизнь самоубийством после обвинений в коррупции? Он застрелился на берегу реки, и это обстоятельство пресса многократно обыграла, так как все сразу вспомнили славянский корень фамилии Beregovoy. Потомок русских белоэмигрантов, кстати — единственный французский политик такого уровня, который свел счеты с жизнью, хотя финансовые скандалы довели над многими (если не над каждым).

Рудиментарные понятия о чести русского офицера?

В общем, уровень коррупции в СССР — это какой-то детский лепет в сравнении с обычным уровнем воровства в самых «цивилизованных» странах в те годы.

Кстати, есть в новейшей европейской истории даже некие аналогии с нашей чудовищной «приватизацией» 1990-х. Одна из причин последних поражений английских консерваторов на выборах — недоверие избирателей. Очень уж они много «прихватизировали» в годы правления «железной леди» Маргарет Тэтчер. История была далеко не чистая, впоследствии многих «приватизаторов» заставили выплатить так называемый компенсационный налог.

Именно этого у нас давно и безуспешно требуют многие известные политики. Только, боюсь, шансов пойти по цивилизованному «британскому пути» в данном вопросе у России в рамках действующей политической системы, увы, никаких. Надо объяснять почему?

Правда, при Тэтчер в год приватизировали не более 1% экономики. А при Ельцине-Чубайсе-Кохе & К° сразу, считайте, почти всю!

Сравним со странами Востока?

Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем.

Чжуан-цзы, китайский философ, IV-III вв. до н. э.

Считается, что уровень коррупции в Китае намного выше, чем в соседней Индии. Дело в том, что в Индии весьма качественная судебная система, доставшаяся в наследство от англичан. Коли в ее лапы попался, дело наверняка дойдет до суда. А в Китае всегда возможен звонок из парткома: следствие в отношении такого-то отменить! — Знакомое нам «телефонное право» в действии.

Но и в Индии уровень коррупции по оценкам разных Transparency International и ей подобных неправительственных организаций на порядок выше того, к чему привыкли европейцы. На порядок это по мнению, видимо, итальянцев, с их «чистыми руками», «спрутами», «омертами» и всяческими коза нострами.

Корея... Да просто наберите в любой поисковой системе в строке «поиск»: Корея — госкорпорации — коррупция. Бессчетные тысячи ссылок.

Скажем, в 1995 году Южную Корею потрясло «дело президентов». Главными обвиняемыми были бывший президент страны Ро Дэ У, а также его предшественник президент Чон Ду Хван. Первый получил непосредственно в качестве взяток более 500 миллиардов вон (\$650 млн) (четырьмя основными донорами «секретного фонда» Ро Дэ У были «Hyundai», «Samsung», «Daewoo» и «Gold Star» — ныне «LG»).

Расследование было начато и в отношении 36 ведущих южнокорейских бизнесменов. Президенты компаний «Daewoo» и «Samsung» были приговорены к тюремному заключению.

Краткий экскурс по странам Востока можно продолжать до бесконечности. Комментарии нужны?

Конечно, скажет скептический читатель, аргументация в споре на уровне «А у вас негров вешают!» — убеждает не очень. А вы лучше объясните, господин Мединский, почему современная Россия, так называемая Россия «нулевых» годов, столь стремительно обошла по

уровню коррупции и США, и Европу, щ наверное, уже и Индию с Китаем. Что у нас с этим-то делать?

Вопрос резонный.

Что делать? Постараюсь ответить чуть позже.

А примеры из жизни современного Запада и Востока я привел лишь с одной целью: чтобы не сложилось впечатления, что мы в чем-то уникальны, что вокруг нас нет ни взяточничества, ни коррумпированных властей на самом высоком уровне. Увы, это болезнь общемировая. И нет места на Земле, где бы ее вылечили окончательно и бесповоротно. Что нас, конечно, не должно ни успокаивать, ни оправдывать.

Глава 9

Репутация чиновников, или Поразительная закономерность

Пароходы?! Ну нет... Пароход — это уголь, железо, бронза, подряды... Нельзя! Никак нельзя! Наши чиновники все украдут!

*Князь Меншиков (правнук «того самого»),
министр флота при Николае I*

Вот российские чиновники, похоже, и правда во все времена заслуженно имели печальную репутацию.

В России чиновников традиционно не любили, ругали «крапивным семенем» и «кувшинными рылами». Обижали «бедняжек», одним словом. Вопрос: почему? Потому что чиновники на Руси были особенно зловредными или потому, что отношение к ним было другое, более требовательное?

«Шемякин суд» — это вошедший в поговорку символ «неправды» и мздоимства. Так народ увековечил имя Шемяки — личности исторической, претендента на трон в XV веке...

В те стародавние времена после смерти великого князя Василия I в Москве началась жестокая борьба за великое княжение между его сыном Василием II Васильевичем и его двоюродными братьями: Дмитрием Шемякой и Василием Косым.

Косой попал в плен к Василию II, и тот приказал его ослепить (потому он и Косой). Дмитрий Шемяка стал мстить за брата. Внезапно напав, он захватил в плен самого Василия II и тоже ослепил его.

По традиции, шедшей еще из Византии, слепой не мог занимать престол.

В итоге единственным зрячим в компании претендентов оказался Шемяка, он и сел на трон. Но с точки зрения современников, был он князем «неправым» и «немилостивым».

Подчинялись ему неохотно. Придя к власти, Шемяка и его двор остро нуждались в деньгах. Для их добычи они устраивали «неправый» суд, в котором решение выносилось в зависимости от толщины кошелька тяжущихся. Точь-в-точь как вышеописанный император Веспасиан в Риме.

Это не делало Шемяку популярнее. В конце концов войска Василия II

в открытом бою его победили, а проигравший Шемяка бежал в Новгород, где и был отравлен.

Василий II, несмотря на слепоту, в нарушение византийской традиции сел на престол и вошел в историю как Василий Темный.

А выражение «Шемякин суд» стало нарицательным, означая судпродажный и неправый. Но вот в чем опять же вопрос: все суды на Руси были, куда ни кинь, «Шемякины»? Или просто на Руси жестче, нетерпимее относились к «неправде», потому Шемяка и «врезался намертво» в народную память?

«Птенцы гнезда Петрова», или Доподражались

Чтоб тебе жить в эпоху перемен!

Китайское проклятие

Приведенных фактов, надеюсь, достаточно, чтобы обосновать главное: Россия — никогда не была патологически вороватой, бесчестной страной. Немного обобщим: что, собственно, понимается под воровством? Ответим: речь идет о трех, разных, хотя и родственных понятиях, а именно:

1. *Воровство как уровень преступности в обществе.*
2. *Воровство как нечестность в делах, бизнесе.*
3. *Воровство как казнокрадство, расхищение национальных богатств.*

Во всех трех значениях большую часть нашей истории в России воровали не больше, чем в Европе. Скорее — меньше.

Но будем справедливы: из всякого правила обязательно есть исключения. И в нашей истории бывали периоды, когда у нас воровали намного больше, чем на Западе.

Причем во всех трех смыслах. И преступность резко возрастала, и честности в делах становилось намного меньше, и масштабы казнокрадства стремительно шли вверх.

Эти «воровские периоды» всегда совпадают в России с периодами глобальных реформ. Удивительная закономерность: стоило России начать политику активной европеизации — и новые выдвиженцы неизменно оказывались главными жуликами.

Рыба гниет с головы. Когда верхи общества теряют интерес к общественным делам и используют свое положение для самообогащения, то и низы становятся эгоистичнее, циничнее, наглее. Стяжательство и эгоизм превращаются в норму общественной морали.

Начнем с того, что при Петре I в России взяточничество и воровство приобрели широчайший размах. Как ни боролся с этим Петр Алексеевич, а все без толку. Справедливости ради: ЛИЧНО сам Петр, при всех своих непривлекательных чертах, порой отдающих психической патологией, не был ни жаден, ни склонен к роскоши и расточительству.

Домик Петра в Петербурге очень скромн.

В Летнем саду у Петра был известный двухэтажный Летний дворец (хотя слово «дворец» ему Тоже никак не подходит, скорее — «дача»), а

Домик находится на Петровской набережной. Вот он — «очень скромн». И в Петербурге, и в Архангельске (теперь в Коломенском в Москве), и в Переславле-Залесском, и в Вологде, и в Нижнем Новгороде...

Сам Петр не любил ни пышной парадной одежды, ни драгоценностей, ни дорогих экипажей. На свой собственный быт тратил исключительно мало. Его пиршества могли быть грубы и по сути вообще безобразны. Но они больше походили на попойки ремесленников или младших офицеров, чем на торжественные приемы и сказочные пиры коронованных особ с множеством перемен блюд, торжественным церемониалом и драгоценной посудой.

Сохранилась история о розыгрыше, который устроил Петр в первый год существования Петербурга одному голландскому капитану. Тот капитан привел свой корабль к Петербургу, и Петр лично выполнил работу лоцмана — ввел корабль в устье Невы. Представился он «лоцманом Петером», и пока вел корабль, болтал с капитаном, выпил рому, а потом пригласил его к себе домой «обсушиться». Поужинали, познакомил с женой. Расчувствовавшийся капитан подарил Екатерине полотна «на рубашки». И Петр прокомментировал: «В рубашках из такого полотна ты, Катя, будешь прямо Императрица!» Тут нежданно явился Меншиков, наряженный как всегда придворным франтом, и начал докладывать Петру. Капитан смутился. Но Петр сумел его убедить, что Петербург город маленький, и очень часто лоцманы и капитаны могут быть накоротке с придворными. Розыгрыш, уже с участием Меншикова, продолжался, пока не явился еще некий офицер и не начал по всей форме докладывать Петру.

Только тогда голландец окончательно понял, что его «надули», испугался, стал просить прощения и забирать подарки. Не тут-то было! Петр подарки не отдал, серебряный рубль, данный ему капитаном «на водку», просверлил и повесил на шею как талисман. А голландца щедро отдал. Так, чтобы он на всю жизнь запомнил не только свое приключение, но и как выгодно плавать в Петербург.

Уверен, что Петру лично совершенно отвратительны были воровство и мздоимство своих подчиненных. Уверен, он изо всех сил пытался остановить поток того, что мы сейчас называем коррупцией.

Но только как он ни старался, ничего не получалось. Такими уж людьми Петр себя окружил, и таковы уж были правила игры. Порой один из его приближенных уличал в мздоимстве другого, но и сам оказывался не лучше.

А. Д. Меншиков. Современники говорили, что он брал взятки со взяточников и относил деньги Петру, который возвращал их в казну. Существовала якобы такая схема пополнения бюджета. Странно, конечно, но при Петре все могло быть

Характерен эпизод, когда после многолетнего следствия был изобличен и повешен сибирский губернатор Гагарин. Разоблачил его и довел дело до виселицы обер-фискал Нестеров. А через три года казнили за взяточничество уже самого обер-фискала Нестерова.

К казнокрадству князя Гагарина прямое отношение имел всемогущий Меншиков. Как бы сказали сотрудники Следственного комитета Генпрокуратуры сейчас, «в рамках расследуемого уголовного дела Гагарина было выделено» отдельное производство — по злоупотреблениям самого Светлейшего, и поручено оно было Государем другому «птенцу» — князю Григорию Волконскому. Только вот беда: Волконский, вместо того чтобы собирать на Меншикова улики и компромат — суетливо выгораживал и прикрывал своего подследственного как мог.

Эта явно небескорыстная суетливость дорого обошлась Волконскому: обвиненный в потакании «организованной преступной группе», «гособвинитель и следователь» Волконский был казнен за компанию с обвиняемым по делу — князем Гагариным. Забавно, правда? Это как если бы в рамках «узбекского дела» заодно расстреляли за соучастие Гдляна и Иванова.

Однако что любопытно, сам Меншиков, соучастник всех преступлений — и казнокрадства, и его сокрытия, — как всегда, вышел сухим из воды.

Вообще же почти все из первых и самых известных «птенцов гнезда Петрова» окончили жизнь не особенно хорошо: под следствием, в казематах, на плахе.

Проворовался и Шафиров, тоже ближайший к Петру человек, возглавлявший многие коллегии, ведавший всей внешней политикой. В конце концов Шафирова помиловали, правда, весьма жестоким образом. Его вывели на эшафот, сняв с него парик и шубу. Шафиров встал на колени и положил голову на плаху, но толстый живот мешал ему. Прислужники палача вытянули Шафирову ноги, и он теперь просто лежал на собственном толстом животе. Палач размахнулся и со всего маху ударил топором... по плахе, в дюйме от головы Шафирова^[86].

И только после этого от имени императора объявили, что преступника прощают в ознаменование его прежних заслуг. Много таких эпизодов вспоминают и описывают историки.

Что же до масштабов воровства... Повторюсь, широко известно, что конфискованное состояние А. Д. Меншикова составило 14 миллионов рублей. Но это — только наличность, 5 миллионов рублей золотом, 9 миллионов рублей в голландских и английских банках. Суммы по тем временам фантастические. А драгоценности? Дома? Фабрики? Крепостные?

Для ориентира приведу несколько цифр. Весь годовой бюджет Российской империи в те годы не превышал 15 миллионов рублей. Чиновник и офицер получали в месяц от 2 до 14 рублей... Вернее, должны были получать: казна почти никогда не выплачивала денег вовремя. Деревянный крестьянский дом стоил от 3 до 10 рублей. Двухэтажный каменный дом в городе — 100 рублей.

Что касается цен на продовольствие, то «четверик (26 кг) гречневых круп стоил 34-40 копеек, гороха 40-55 копеек, овса 15 копеек, пуд (16 кг) ржаной муки 26-27 копеек, крупчатой 75-80 копеек, гусь с печенкой 12 копеек, солонина 3 копейки, баранина 2 и 3 копейки за фунт и т. д.»^[87]

Один из Ротшильдов как-то сказал, что богатый человек — не тот, кто может жить на привычном уровне на проценты со своего капитала, а тот, кто может жить на проценты с процентов.

Бывший пирожник Алексашка Меншиков даже по меркам Ротшильдов был очень богат. На одни лишь проценты с процентов с 14 миллионов рублей можно было вести в Петербурге образ жизни владетельного князя, а состояние при том все росло бы. Была кроме наличности и драгоценностей у светлейшего и кое-какая недвижимость и, так сказать, «персонал»: всего отобрали у князя 90 тысяч крепостных, 6 городов (частных!), многие имения и деревни в России, Польше, Австрии, Пруссии^[88].

В некое оправдание Меншикову говорят порой, что он за свой счет содержал и ремонтировал здания в Петербурге. Что его дворец в отличие от дворца Петра постоянно использовался для дипломатических приемов и собраний. Причем сами ассамблеи и балы тоже оплачивал он из личного кармана. Похоже, просто под конец жизни он окончательно перестал понимать, где кончается его собственный кошелек и начинается государственная казна.

Чудовищно воровали вплоть до царствия Анны Ивановны (1730-40). Но, словно назло стереотипам, главные воры эпохи Анны — кто? Бирон с двумя братьями и сыном, трое братьев Левенвольды, Шемберг, Менгден — все остальные фамилии будут такими же... не очень русскими. Много тут кого прикормилось.

При этом Бирон «не был развращенным чудовищем, любившим зло для зла; но достаточно было того, что он был чужой для России, был человек, не умерявший своих корыстных устремлений другими, высшими. Он хотел воспользоваться своим случаем, своим временем, своим фавором для того, чтобы пожить хорошо за счет России. Ему нужны были деньги, а до того, как они собирались, не было никакого дела»^[89].

В общем, продолжение петровского феерического воровства велось уже не совсем русским «контингентом»...

Что же до русских, то в годы царствования Елизаветы поднялся канцлер Бестужев, при Екатерине II властвовали Орловы и Потемкин... Все они получали огромные имения и были далеко не бескорыстными людьми. Но вот только какой же дурак ворует у самого себя? Государство Российское было ИХ государством, в нем они жили и его собирались оставить своим детям и внукам.

Действительно: а кто ворует во всех трех вышеуказанных смыслах? Кто без зазрения совести обкрадывает «сам себя»? В первую очередь тот, кто совершенно не связывает себя ни с окружающим обществом, ни с государством. Временщик, видящий в России — не Родину, но колониальную плантацию. Зрящий свое будущее не здесь, а на Лазурном берегу или в престижном районе Лондона, готовящий своих детей к жизни не на русском Черноземье, а где-нибудь в Итоне или закрытом швейцарском пансионе. Это объединяет и Бирона, и Абрамовича, и немецких временщиков XVIII века, и большинство олигархов XXI века.

Чтобы казнокрадствовать «с чистой совестью», без всяких моральных тормозов, нужно четко отделить себя от государства, от страны, от народа. Так было раньше, так обстоит дело и сейчас. Классическая история: одному петербургскому чиновнику предложили очень полезный для «его» города проект. Чиновник отказался проводить его в жизнь. Пусть ему заплатят, тогда он сделает.

- Но это же очень полезно для города!

— А я не город.

Такие вот «я-не-город» и разворовывали Государство Российское. И сегодня они его разворовывают, ничего за три столетия не изменилось.

Нечестен, неконструктивен тот, кто живет одним днем. Если нет планов на будущее, если неважно, как будут смотреть на тебя спустя год... десять лет... Как будут оценивать твоих потомков? Будет ли в глазах общества законно владение перешедшим от тебя по наследству имуществом? Если я строю планы только на сутки, почему бы мне не убить и не украсть? Меня ведь не интересует, что будет на 25-м часу моей жизни.

Если я спланирую на месяц, то какая мне разница, что будет на 32-й день?

Богатство пролетело мимо Меншикова, мазнуло по губам... И пропало без следа. Какой урок для воругов всех времен и народов!

В. И. Суриков «Меншиков в Березове 1883 г.

Всю жизнь проходил под «расстрельными» статьями, а закончил ее ссылкой

Бестужев планировал на поколения и века. Королевских капиталов не обрел, но и не особо нуждался. А его упорная, повседневная работа на благо России обернулась не только деньгами и землями, но и возможностью пользоваться ими на протяжении всей своей долгой жизни, честью, уважением современников, благодарной памятью потомков.

Но и после Петра было в истории России несколько периодов, когда уровень коррупции максимально приближался к уровню «птенцов гнезда

Петрова». Это периоды, когда сильнее всего укрепляется очередная «вертикаль власти» и главными людьми в стране делаются чиновники.

Действительно: чиновник распоряжается не своим, а государственным или общественным. Он отделяет себя от общества, потому что он — «государев человек», он — «служивый». И от государства чиновник себя отделяет, потому что сегодня он при должности, а завтра — государство останется, а чиновник быть его винтиком, его «служивым» перестанет. Чиновник поневоле временщик. Такова его сущность, тут ничего не поделаешь.

Но давайте вспомним, как изначально мало чиновников было на Руси, и как много — в те же времена в

Европе. Чиновничье правление разрослось на Руси с начала XVIII века, вступая в жесточайшее противоречие с традициями народного самоуправления.

За время правления Петра число чиновников возросло в четыре раза (при том, что население в целом сократилось на 25%). Никак иначе чем через чиновников правительство не могло проводить свою политику: непонятную и непопулярную^[90].

Ко временам Екатерины II число чиновников выросло еще минимум в три раза при росте населения, правда, все же вдвое^[91].

С момента смерти Екатерины II в 1796 году по конец правления Николая Палкина число чиновников выросло еще в шесть раз (при росте числа населения за те же годы в 2 раза).

Итого в 1847 году чиновников с классными чинами стало 61 548 человек. А было еще внетабельное чиновничество — низшие канцелярские служащие, не включенные в табель и не получающие чинов: копиисты, рассыльные, курьеры и прочие самые мелкие служащие. Их число было плюс еще, скажем, треть, итого порядка 80-90 тысяч.

При Николае I люди впервые не просто ругают чиновников. По-прежнему не любя их, они всерьез пугаются масштабов творящегося бюрократического безобразия. Чиновники ни за что не отвечают, не зависят от результата своей деятельности, управляют чужим имуществом и чужими деньгами. Воруя, естественно.

Число их и дальше росло, но уже не так быстро, как раньше: реформы Александра II открыли путь к самоуправлению. В таком изобилии чиновников Россия уже не нуждалась.

По переписи 1897 года интеллигенция в Российской империи насчитывала 870 тысяч человек. Из них 4 тысячи инженеров, 3 тысячи

ветеринаров, 23 тысячи служащих в правлениях дорог и парходных обществ, 13 тысяч телеграфных и почтовых чиновников, 3 тысячи ученых и литераторов, 79,5 тысячи учителей, 68 тысяч частных преподавателей, 11 тысяч гувернеров и гувернанток, 18,8 тысячи врачей, 49 тысяч фельдшеров, фармацевтов и акушеров, 18 тысяч художников, актеров и музыкантов.

В аппарате управления промышленностью и помещичьими хозяйствами трудилась 421 тысяча человек. На государственной службе насчитывалась 151 тысяча служащих государственной гражданской администрации, 43,7 тысячи генералов и офицеров^[92].

В других источниках я видел чуть большую цифру — 170 000 чиновников насчитывал аппарат госуправления имперской России конца XIX века. Эта цифра казалась современникам несуразной, огромной, бессмысленной. Чиновников не любили, их мздоимство было государственной проблемой, с которой мучительно и безуспешно боролись все правители России.

Но давайте опять же задумаемся о масштабе проблемы.

И не будем опять сравнивать с Западом: там, кстати, госаппарат был по численности больше. Сравним с современной Россией.

Сегодня чиновников в Российской Федерации ПО САМЫМ МИНИМАЛЬНЫМ ПОДСЧЕТАМ более 1 700 000.

Население России — те же 140 000 000 человек, что и 100 лет назад. Вот так...

Территория — меньше раза в полтора.

Тогда — бюрократов было, ну пусть максимум 170 000. И никаких, кстати, факсов, ксероксов, компьютеров, мобильных, электронной почты и машин с мигалками.

Сегодня — их вдесятеро больше!!!

Уважаемый читатель, мне сделать выводы за вас или додумаете сию мысль до конца сами?

Вертикаль власти «честного Ника»

Взятка — самая действенная русская конституция на все времена.

Николай Бердяев

Судя по всему, император Николай I был вполне порядочным и приличным человеком. Потому в семье Романовых его и прозвали, не без иронии, «честным Ником».

Стремясь опираться на исполнительных посредственностей, «честный Ник» старательно строил вертикаль власти, в которой главными стали чиновники.

Ф. Крюгер «Портрет императора Николая Первого».

Исторический анекдот. Первый шеф жандармов Бенкендорф неоднократно просил Николая I дать инструкцию, как работать и чем

руководствоваться. В конце концов император подал ему платок и сказал: «Вот тебе моя инструкция; чем больше слез ты утрешь, тем точнее исполнишь мою волю»

Самоуправление городов и сословий при Николае I Павловиче пришло в полный упадок, аристократический принцип дворянского самоуправления тоже ослаб, зато восторжествовала чиновничья бюрократия.

Сам император к концу жизни с горестью признавал, что Россией правит не царь, а сто столоначальников.

Интересен непредвзятый взгляд британского офицера, в 1829 году колесившего по России. Конечно, Джеймс Александер критикует систему, считает, что в России победить это зло невозможно, и в доказательство приводит пример, связанный с очередной попыткой Николая I бороться с коррупцией. В ответ, по его словам, чиновники объявили саботаж: *«Во всех департаментах начались проволочки и задержки»*, так что правительству постепенно пришлось отказаться от своей антикоррупционной политики.

И каков же результат построения бюрократической вертикали власти? Первые же серьезные трудности в годы Крымской войны — и система не выдержала напряжения. Государственная машина сопела, пыхла, дымила и пожирала невероятное количество топлива, но двигаться категорически не хотела. Система госуправления, особенно в части принятия оперативных инициативных решений была парализована, никто не стремился взять на себя ответственность, неделями согласуя каждую мелочь с Зимним дворцом. Армия в Крыму вроде не голодала, в атаки без сапог не ходила — но и положенного постоянно недополучала. Вооружение было смертельно устаревшим, на гигантские средства, отпускаемые государством на войну, сколачивались состояния вроде поминаемого выше «Андрея Аристовича» Шлимана.

Впрочем, и задолго до Крымской войны коррупция достигала непристойных масштабов. Например, при строительстве Храма Христа Спасителя. История это настолько неприличная, настолько роняющая престиж власти, что ее постарались забыть как страшный сон.

Но я напомню.

Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах

В ком есть и совесть и закон, Тот не украдет, не обманет, В какой бы нужде ни был он; Л вору дай хоть миллион — Он воровать не перестанет.

*Иван Крылов басни «Крестьянин и лисица»,
1811*

В первый раз идея сооружения в Москве храма в честь победы в Отечественной войне 1812 года была заявлена еще 25 декабря 1812 года в Вильне (ныне Вильнюс). В своем манифесте император Александр I провозглашал: «*В сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, в верности и любви к Вере и Отечеству, какими в сии трудные времена превознес себя народ Российский, и в ознаменование благодарности Нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы в первопрестольном граде Нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа... Да простоят сей Храм многие века...*»

Объявили конкурс. Рассмотрели до 20 проектов, из которых победил проект Александра Витберга.

Витберг предложил соорудить храм между Смоленской и Калужской дорогами, на Воробьевых горах, которые Александр I поэтично назвал «короною Москвы».

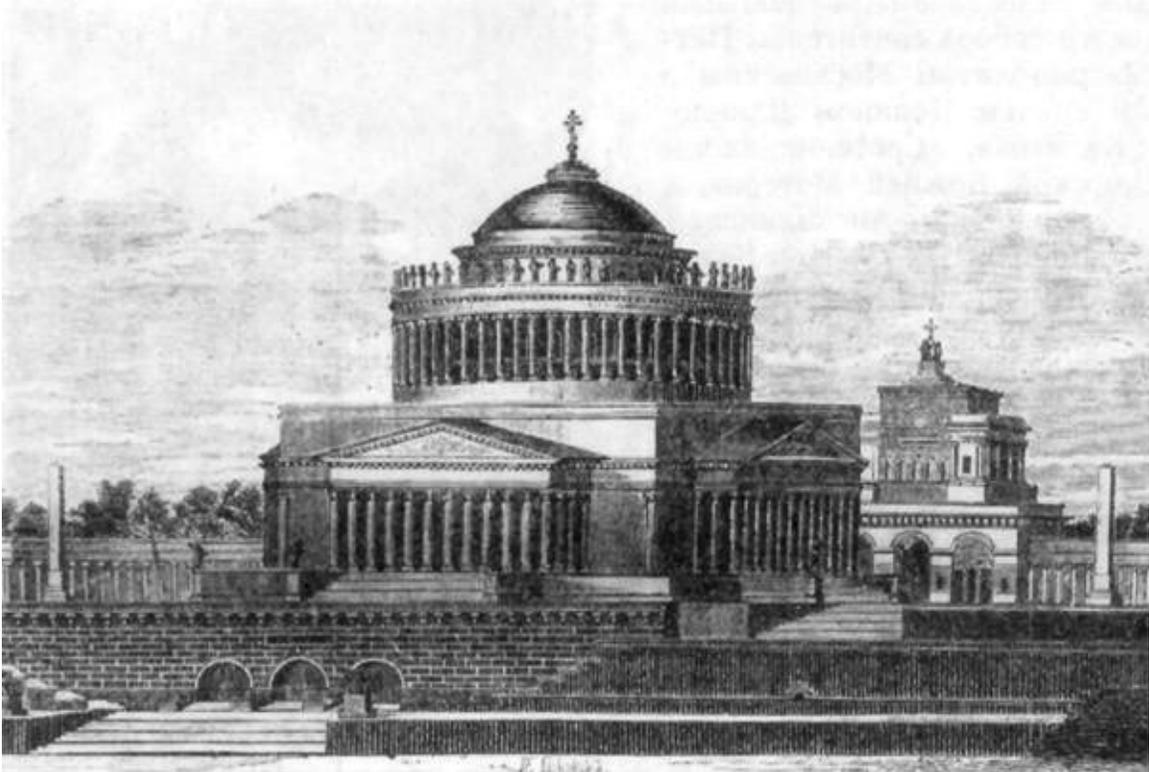
Вот несколько доводов, придавших вес предложению построить храм на Воробьевых горах:

1. Желание Императора соорудить храм за городом, поскольку в Москве «нет достаточно места, потребного для изящного здания».

2. Ссылки на расположенный за городом собор св. Петра в Риме и удаленный собор св. Павла в Лондоне (теперь оба — уже оказались в центре города).

3. Удачное географическое расположение (расстилающееся у подножия Воробьевых гор Девичье поле позволило бы видеть храм издали целиком).

4. И последний довод — исторический — Воробьевы горы находятся между путями неприятеля, вошедшего в Москву по Смоленской дороге и отступившего по Калужской.

Проект Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах архитектора А. Витберга.

Сколько бы ни критиковали любители седой старины Ю. М. Лужкова, но лично мне очень нравится Храм на Волхонке, даже в его «Новомосковском» виде. Но этот несостоявшийся проект еще более грандиозен, не так ли?

Храм должен был стать самым высоким в мире — 237 метров от подошвы горы до креста. Высота наземной части храма 170 метров, диаметр главного купола более 50 метров (для сравнения: высота храма св. Петра в Риме — 141,5 м, колокольни Ивана Великого — 80 м). Проектом предусматривалось строительство двух громадных триумфальных колонн высотой в 30-этажный дом каждая. Материалом для одной из колонн должны были стать пушки, отбитые у неприятеля на территории России, для другой — за рубежом.

В 1817 году состоялась торжественная закладка храма на Воробьевых горах. Началось строительство. И быстро выяснилось два любопытнейших обстоятельства.

Во-первых, грунты Воробьевых гор мягкие, водянистые, склоны изобилуют оврагами и всхолмлениями. Вообще-то место для громадного здания надо было еще тщательно искать и изучать, фундамент для него требовался колоссальный. Удивительно, но строительство не заморозили, подрядчики продолжали втихую благополучно осваивать средства, и все сооружение вскоре «поплыло»...

Только уже при Николае I специальным рескриптом 1826 года был создан Комитет, чтобы выяснить — а возможно ли вообще соорудить подобное строение на склонах Воробьевых гор? В Комитет вошли все ведущие архитекторы Российской империи. В итоге выяснилось: строить на самих склонах невозможно, но наверху есть отличная площадка. (Как раз там сейчас и стоит высотное здание МГУ). Но это только полбеды.

Главной проблемой оказались колоссальные масштабы хищений и приписок.

Казне нанесен был ущерб в 300 тысяч рублей — огромная по тем временам сумма в рамках одного строительного проекта.

Сам Витберг был человеком кристальной честности, хорошим архитектором, но, видимо, никудышным администратором и финансовым контролером.

В 1829 году объявили новый конкурс. В итоге Николай I утвердил новый, гораздо более скромный проект архитектора К. А. Тона. По этому проекту и воздвигли Храм Христа Спасителя на Волхонке.

Что в этой истории кажется просто невероятным, так это масштаб воровства. Все-таки впустую растрачено и разворовано практически ВСЕ отпущенные средства и вообще ничего не построить, только разворотить землю^[93] — это своего рода рекорд. Такого даже при Ельцине не делали!

Виноват, делали. Вспомним еще раз проект ВСМ — Высокоскоростные магистрали, которые должны были проложить между Москвой и Санкт-Петербургом.

Не менее невероятно и то, КАКУЮ стройку разворовали. Все-таки Храм... Храм, которому предстояло стать воплощенной памятью о героизме и о жертвах 1812 года. Даже самый циничный, самый уголовный элемент сто раз подумает перед тем, как Сорвать церковную кружку для милостыни или украсть золотой оклад с иконы.

Кстати, та самая знаменитая фраза «Воруют-с как считается — на уровне исторического анекдота, — была сказана именно в связи со строительством Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Афера с непостроенным храмом вдохновила Гоголя на написание «Ревизора». Там как раз городничий говорит о церкви, которую строили— строили, да сгорела.

А ведь планировалось возвести самый большой храм в мире, потрясающий по замыслу, сопоставимый, наверное, только со сталинским Дворцом Советов, тоже так и не построенном на месте уже нынешнего Храма Христа Спасителя. Это должен был быть единый храм трех религий — православной, католической и протестантской — и одновременно

символ доминирования России в объединенной Европе.

Официальная версия, которую публично объявил Николай I, свернувший строительство, что, мол, почвы на Воробьевых горах плохие, оказалась столь живучей, что когда сто с лишним лет спустя при Сталине стали строить здание МГУ, ее даже не стали перепроверять. Сталин просто приказал в 1949 году отодвинуть здание МГУ подальше от Москвы-реки, чтобы оно не сползло туда, как якобы сполз недостроенный Храм Христа Спасителя.

А в целом все типично: где государственные подряды — там всегда и воровство.

Это не русская особенность. Так было, вспомним, например, и при строительстве Версаля. Странно выглядит, но это факт: обмануть государство для очень многих — вроде бы и не так зазорно^[94], не так стыдно, как конкретное частное лицо. Вроде берешь не чужое, а какое-то ничейное имущество. «Общее — значит и немножко мое».

В России же еще одна закономерность: чем жестче «вертикаль власти» и больше отдано во власть чиновников, тем выше уровень коррупции.

На взятки не существует официальной таксы, отмечает путешествовавший по николаевской России Александер, но при желании каждый может узнать, какую сумму следует уплатить чиновнику за необходимую услугу. Например, если полицейский найдет пропавшие или украденные 50 рублей, ему полагается заплатить 1 процент — 50 копеек^[95].

При этом британец дает еще и очень оригинальное объяснение, даже оправдание русской системы взяточничества. Слово Александеру: «Иностранцы спрашивают, почему нельзя ввести дополнительные налоги, чтобы император мог увеличить жалованье чиновникам, и те не вводились бы в искушение», — пишет Александер. По его мнению, это слишком сложно для России. Кроме того, большая часть населения не обращается в госучреждения вообще ни с какими просьбами. «Почему же кто-то должен платить за то, чем он не пользуется? — вопрошает Александер. — Естественно, самый простой выход из положения таков; тот, жому нужно что-то получить, платит за это, остальные — нет. Когда русский приезжает сегодня в Англию, его облагают кучей налогов — на собак, лошадей, экипажи итак далее. В России англичанин ни за что это не платит, налогов гораздо меньше.

Резюме его таково: «К России нельзя подходить с мерками для других стран. Это — молодая империя» и все госучреждения находятся в ней в младенческом состоянии, способ же правления самый простой: в лице царя

видят отца нации. Злоупотребления же существуют во всех, особенно в азиатских, странах»^[96].

Интересная и важная деталь: даже подряды на строительство железных дорог при Александре II не приводили к Воровству в таких масштабах. Далеко не все подрядчики были кристально честны, но масштаб все же был иной. Причина этого вовсе не в тайнах «загадочной русской души» и не в «нордической ментальности Александра». Все просто и прозаично. Дело в том, что во времена Александра, в ходе его знаменитых реформ, появилось то, что называют общественным мнением. Возникла свободная пресса, и при всех своих дурных качествах она все же отражала это мнение. Появилась и оппозиционная пресса, которая всегда страстно-мечтает разузнать что-то плохое о властях и о связанных с ними предпринимателях.

Не все теперь решалась по-николаевски: тихо, кулуарно, в «своей» чиновничьей среде. Все больше вопросов широко обсуждалось, вызывало полемику и споры. Украсть становилось труднее, если за строительством следили выборные от земств. Вор сразу же попадался и на зуб прессе. А огласка? А репутация? Круг был узок. Прослойка тонка.

Судил вора суд присяжных. А присяжным «дать на лапу» не так просто. Легче одному — судье. Даже очень хорошему, берущему исключительно «борзыми щенками», но одинокому судье.

В общем, не было при Александре II ничего похожего на николаевское воровство — что на Воробьевых горах, что в Крыму.

Военные заказы... И не только

Новая волна казнокрадства и прочих коррупционных безобразий приходится на конец XIX — начало XX века и особенно на время Первой мировой войны. Верхушка государства так «европеизировалась» и «цивилизировалась», что окончательно перестала осознавать судьбу государства как свою собственную. К тому же во время войны всегда и прессу прижимают.. И общественность знает свое место — до мирных времен. Все решают чиновники и притом эдак сурово, нахмутив брови: «Время военное, господа... Никакой крамолы! Отечество в опасности!»

Убийцы Гришки Распутина были уверены, что «поганый старец» пробивает военные заказы для тех, кто ему хорошо откатывает. Трудно сейчас утверждать, так ли это было, или Распутина просто оговорили...^[97]

Но руки Пуришкевича и князя Юсупова не дошли до многих других «околовоенных дельцов» того времени. Например, Матильды Кшесинской и великого князя Алексея Михайловича. Эта «сладкая парочка» за огромные взятки помогали фабрикантам получать военные заказы^[98].

Удивительная все же закономерность... Как приблизимся к Европе, так пожинаяем новую волну «воруют-с...» Удивительно? Но закономерность — железная! Может, дело в том, что европеизация России протекает всегда сверху? Чтобы европеизировать Россию против ее воли, «приходится» подавлять волю страны. Государство усиливается, гражданское общество чахнет.

А когда все большее решается чиновниками, то... Эта закономерность нам уже известна.

Выводы

Да не буду я понят так, что в России никогда и ничего не воровали. Воровали. В точности как и во всех других странах — и цивилизованных, и не очень.

В нашей истории было много такого, что вызывает и негодование, и чувство неловкости и стыда. Но несправедливо считать Россию какой-то исключительной в этом отношении страной.

Скорее можно сказать, что казнокрадства, воровства и особенно — уголовного криминалитета в отечественной истории было не больше, а может, и меньше, чем в истории любой страны Европы. А если сравнивать Россию со странами Востока, то здесь уже сравнение окажется определено в нашу пользу.

В истории России было несколько периодов, когда коррупция становилась национальной проблемой. Так было в начале XVIII века. Так было в эпоху Николая I. Так было в начале XX века. К сожалению, так есть и сегодня. Сейчас коррупция в России чудовищный, страшный бич общества, она пропитала Россию насквозь и является колоссальной общегосударственной проблемой.

Зато на современном Западе за последние 100 лет смогли пройти огромный путь по искоренению коррупции, и теперь в этом отношении, увы, там на порядок лучше, чем в России. Это горький факт, но отрицать его возьмется только безумец или идиот.

Но это произошло не по причине того, что Запад генетически хороший, а Россия всю свою историю — изначально плохая. На Западе положение дел лучше потому, что там развита система общественного и оппозиционного контроля, демократических выборов и перевыборов, сдержек, независимых СМИ и судов. А самое главное — от чиновника там меньше зависит, чем у нас.

Меньше сфера регулирования государством всего и вся.

В России всегда воровали? Это ее неотъемлемое свойство? Ничего подобного. Воруют-с — это такой миф-с. Не более,

Были и в отечественной истории периоды, когда «наша» коррупция была заметно слабее западной: и в советскую эпоху» и большую часть XIX веками весь XVII век. Ранее судить не буду, просто не знаю.

Если принять за аксиому тезис, что вороватость — генетическое свойство россиянина, то коррупция и преступность в нашей стране

неизлечимы, ничего поделать нельзя, короче — все пропало.

Такой уж мы порочный народ. Такое уж у нас отвратительное государство: по Сеньке и шапка.

Если периоды обострения коррупции и преступности в стране объяснимы, если причины их наступления историчны, то значит, еще не «конец всему». Еще не все потеряно, и Россия отнюдь не сгинула и не обречена.

Болезнь тяжелая, но излечимая. Позволю себе уверенно предложить способы ее лечения.

Во-первых, это самоуправление. В первую очередь — местное самоуправление.

Во-вторых, это участие общественности в принятии государственных решений, в контроле над проектами национального масштаба.

В-третьих, это свободная пресса и сильная политическая оппозиция.

В-четвертых, это независимый суд.

В-пятых, это независимость бизнеса и профессиональных сообществ от государства.

В-шестых, показательные процессы над мздоимцами. Они сами по себе ничего не решают, но хороши для острастки: по крайней мере страшно, а это повышает «цену вопроса», делая мелкое взяточничество слишком опасным и невыгодным.

И главное, номер «0» — это уменьшение роли государства и соответственно чиновничества в регулировании всех сторон нашей жизни: экономической, социальной, общественной, культурной, в конце концов.

И наконец, самое-самое главное.

Нужна действительная политическая воля в стремлении побороть коррупцию. Истинная, а не декларативная решительность и беспощадная требовательность власти самой к себе.

Кому-то предлагаемые лекарства могут показаться слишком горькими... Но история свидетельствует: иначе не вылечишься, иначе болезнь коррупции приведет страну к гибели.

notes

Примечания

1

Оканчивать слова или фразы этим «с» сделалось сначала обычаем «простых людей». «С» — это обращение, т. е. «сударь» или «сударыня». Впоследствии и дворяне, кокетничая, стали подражать этому народному обычаю.

Островский А. Н. Доходное место. Полн. собр. соч. в 16 т. Т. 2. М., 1950.

Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. Часть III, № 7.1842.

Герберштейн С. Московия.М., 2007.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Ульфельд Я. Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI в. М., 1889.

Фан-Кленк К. Посольство Кунрада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, СПб., 1900.

Ақунин Б. Алтын-толобас. М., 2003.

Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 2007.

Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

Смолицкие В. и Г. История одного песенного сюжета // Народное творчество. — 2003. — № 6.

Пушкин А. С. Собр. соч. в X т. Т. III. М., 1949.

Здесь и далее приводятся именно песни про Степана Разина. Они несколько отличаются от исходных текстов, но сути это не меняет.

Опять же, если верить ставшему в России вдруг безумно популярным «воровскому» фольклору.

Большая Советская Энциклопедия. Вып. 2. Т. 29. М., 1954.

Навроцкий А. А. Утес Стеньки Разина // Любимые песни и романсы.
СПб., 2002.

Горький М. Челкаш // Горький М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы, М., 1975.

Солженицын А. И. Малое собрание сочинений (в 8 тт). М., 1990-91.

Шалимов В. Т. Колымские рассказы. М., 2007.

Герман Ю. Один год. Л., 1965.

Рыдзевский Е. А. Русь и Скандинавия. IX-XIV вв. М., Наука, 1978;

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб.: Сытин, 1870.

В Норвегии по сей день живы мрачные легенды о том, как жители берега истребляли поголовно всех спасшихся после кораблекрушения: именно для того, чтобы Ганза ничего не узнала. Так закон оборачивался против тех, кого он должен был защищать.

Кстати, в те суровые времена прибрежное пиратство европейцы тоже не считали преступлением. Эстонский остров Сааремаа немцы называли Осел (Эзель). На этом острове в метельные штормовые ночи на некоторых башнях специально зажигали фонари, чтобы торговые корабли в море принимали огни пиратских башен за маяки и шли прямо к ним, в руки пиратов.

Известный деятель белого движения барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг любил рассказывать о своем предке, который таким способом заманивал корабли (*Демиденко М. Барон Унгерн — белый рыцарь Тибета. М., 2004. (Прим. науч. ред.)*)

Раффенфельштадтское таможенное установление 906 г. содержит упоминание о русских купцах. *(Прим. науч. ред.)*

Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. Сборник документов, подготовленных к печати Г. Е. Кочиным. Л., Изд-во АН СССР, 1936.

Достоверный факт: германский архитектор, построивший один из храмов Кракова, не смог вовремя отдать ссуду. Он не отказывался от долга, только просил отсрочки. И тогда по приговору суда мастер, построивший прекрасный храм, был ослеплен. Рукой палача ему на базарной площади выжгли оба глаза раскаленным прутом. Естественно, после этого заимодавец уж точно не получил обратно своих денег. *(Прим, науч. ред.)*

Сенкевич Г. Огнем и мечом. М., 1993.

Сенкевич Г. Потоп. Собр. соч. в 9 т. Т. 3. М., 1984.

Там же.

Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2003. *Репин Н. Н.* Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1973.

Сандровский К. К. Таможенное право. Киев, 1974. *Соловьев С. М.* Соч. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М., 1988, Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. Вып. 1. М., 1952.

Nasb G. B. Red, White, and Black: The Peoples of Early America. Englewood Cliffs, 1979. *Болхобитинов Н. Н.* История США. Т. 1. М., 1983. *Аптекер Г.* История американского народа. Т. 1-2. М., 1961-1962.

Бунин И. А. Жизнь Арсеньева. М., 2004.

На пьяную голову о многом и не договоришься, там уже не до сделок.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. М., 1909-1912.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 2004.

Выражусь как профессор, некогда даже изучавший диалектический и исторический материализм: по Посошкову, не базис (экономические отношения) определяет надстройку (общественные отношения), а наоборот — НАДСТРОЙКА ОПРЕДЕЛЯЕТ БАЗИС.

Недавно Президент РФ вынужден был начать заседание правительства с вопроса о том, когда же, наконец, у нас будет организована переработка древесины, что уменьшит объем поставляемого на экспорт леса-кругляка... Так многое ли изменилось со времен Посошкова? *(Прим. науч. ред.)*

Смит А, Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1963.

Послушаешь, бывает, в Думе некоторых современных «левых» политиков-экономистов и диву даешься: ну точно — Посошков. Только вот, как будто в:«ib на вооружение его забавную и по-детски наивную теорию справедливого «государственного регулирования розничных цен», они почему-то упускают из виду все остальное.

Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. М., 1998.

Шмелев И. С. Лето Господне. М., 1996.

Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. Полн. собр. соч. и писем в 15 т, Т. 5. М., 1982.

Шишков В. Я. Угрюм-река. М., 2006.

Островский А. Н. Бесприданница. Поли. собр. соч. в 16 т. Т. 8. М., 1950.

Шмелев И. С. Лето Господне. М., 1994.

Куприн А. И. Яма. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 1958.

Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М., 1977.

С тех пор убедительно доказано, что Троя Гомера находилась совершенно в другом месте. См., напр.: *Клейн Л. С. Бесплотные герои.* М.,1994.

Лучше бы он этого не делал! В те времена, увы, для ведения раскопок вообще не нужно было никаких официальных документов. В наше время считается, что для организации раскопок нужно все-таки специальное образование и подготовка. Если бы Шлиман, не имевший никакого образования и нигде никогда не копавший, приступил бы к раскопкам сейчас, то его действия были бы ту же пресечены властями. И не зря... Качество раскопок Шлимана — совершенно кошмарное. Истинное варварство. Мне доводилось обсуждать раскопки Шлимана с германскими коллегами и минут пять слушать почти непрерывный немецкий мат. Редкое удовольствие! (Прим. науч. ред.)

Археологи по-разному датируют эти изделия. Полагают, что они старше событий Илиады на 1000-1500 лет. Во всякоммного старше. И не имеют вообще никакого отношения к Грекам. (Прим. науч. ред.)

Шлиман Г. Дневник 1866 года. Путешествие по Волге. СПб., 1998; *Вузескул Г.* О раскопках Шлимана в Трое. М., 1891; *Егоров Д. Н.* Генрик Шлиман. Пг., 1923; *Мейерович М. А.* Шлиман. 1822-1890. М., 1966; *Стоун И.* Греческое сокровище: биографический роман о Генри и Софье Шлиманах. М., 1979; *Ванденберг Ф.* Золото Шлимана. Смоленск, 1996.

Репутация Лессепсов была не только как людей достойных, богатых и в высшей степени порядочных, но и как «везунчиков». Считалось, что Лессепсам всегда и во всем везет. Читателю может быть известен еще один де Лессепс — Бартоломей. Он был назначен послом в Россию, и, чтобы ознакомиться со страной, поплыл «кружным путем» на корабле знаменитого мореплавателя Лаперуза. После плавания вокруг Африки и Азии Лаперуз высадил Б. де Лессепса в Китае, и тот сухопутным путем (!) отправился в Петербург через всю Россию. Экспедиция Лаперуза вышла в Тихий океан... и бесследно пропала. Много позже удалось найти место ее гибели. Корабль разбился на рифах во время бури. Так Бартоломей де Лессепс оказался единственным из спасшихся спутников великого мореплавателя Лаперуза. Он долго служил в Петербурге, прославившись веселым характером и удачей во всех делах. У него и кличка была «Господин Удача». (Чуковский Н. К. Водители фрегатов. М., 1968.)

Этот Бартоломей де Лессепс — родной дядя героя нашего повествования Фердинанда де Лессепса. Семейная репутация Лессепсов была такова, что любой Лессепс, хоть Бартоломей, хоть Фердинанд, мог попросить в долг половину французской казны, и ему дали бы. (Прим. науч. ред.)

Иногда все же торжествовала справедливость. Генералу, который столь стремительно капитулировал, дали еще \$ 75 тыс. сверх его доли. (*Прим. науч. ред.*)

Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе / Журнал Министерства народного просвещения. — 1908. — Февраль-Март.

Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI-XV вв. М.-Л.; Изд-во АН СССР, 1947.

Буровский А. М. Отец городов Русских. М., 2007.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Во время своих первых экспедиций в конце 1960-х — 1970-х гг. я видел деревни, где хозяин мог уехать на неделю или две, а дверь в доме подпереть шваброй. *(Прим. науч. ред.)*

Слово «карьер» в XVIII в. было мужского рода, тогда как табель — женского. Табель о рангах — она.

Пушкин А. С. О дворянстве. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М.-Л., 1949.

В качестве примера сошлюсь на две книги: Жизнь и приключения А. Болотова, описанные им самим для своих потомков. М.-Л., 1931; *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1986. *Кот Ф. А.* История Фридриха Великого. М., 1997. *Фрэйзер Д.* Фридрих Великий. М., 2003. *Сухарева О. В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. М., 2003.

Если не помните, кто такой, найдете о нем ниже.

Как и сейчас, не бесплатно обходится содержание монарших семей бюджетам Великобритании, Испании, Голландии, Норвегии и т. д. — список можно продолжить.

Локк Дж. Воспитание Джентльмена. М., 1967.

Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. Л., 1974.

Согласно толковому словарю Ожегова, синекура — хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда (первонач. в средневековой Европе: церковная должность, не связанная ни с какими обязанностями). *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1949.

Суворов А. В. Наука побеждать. М., 1987.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М., 1984.

Монтескье Ш. Л. Персидские письма; *Дидро Д.* Нескромные сокровища. Любые изд.

Барг М. А., Черняк Е. Б. Великие социальные революции XVII-XVIII веков. М., 1990.

Манфред Л. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.

Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991.

Тарле Е. В. Талейран. М., 1993.

Фрэйзер Д. Фридрих Великий. М., 2003.

Матъез А. Новое о Дантоне. М., 1935.

Цвейг С. Жозеф Фуше. Портрет политического деятеля. Собр. соч. в 9 т. Т. 9. М., 1931.

Рутыч Н. Н. Белый фронт генерала Юденича. М., 2002

Клavin В. Гражданская война в России: Белые армии. Военно-ист. б-ка. М., 2003.

Деникин А. И. Очерки русской Смуты. Париж, 1922 (репринтное воспроизведение издания — М., 1991).

Отсюда Райкинское: «Что охраняешь — то имеешь. Ничего не охраняешь — ничего не имеешь». Грубо говоря: работаешь на колбасной фабрике — ешь колбасу, делаешь телевизоры — в доме есть телевизор. И как исковерканное в перестройку: зарплату выдавали продукцией той фабрики, на которой работаешь: хрусталем, теми же телевизорами... (Прим. ред.)

Наверное, Андропов вполне честно хотел призвать к порядку самых зарвавшихся коррупционеров СССР. Но и Гдлян с Ивановым попытались сыграть роль политических фигур. Использовалось тогда «узбекское дело», к сожалению, не для укрепления, а для разрушения Советского Союза; разоблачения партийно-хозяйственной мафии в Узбекистане произвели на общество сильное впечатление. Все ждали продолжения детективного сюжета и все сильнее убеждались: таков весь СССР, так прогнила вся система!

Зато в самом Узбекистане это «дело» воспринималось как совершенно несправедливое. И подтолкнуло оно очень многих жителей республики к националистическому движению, которое находилось на подъеме в последние годы «перестройки». Сегодня главный фигурант этого дела Шараф Рашидов занял место героя узбекского народа. Ведь он использовал свои качества сильного лидера и умного дипломата для того, чтобы воспользоваться слабостями советской системы... Т. е. слабостями России. И тем самым «принес благо» узбекскому народу. *(Прим. науч. ред.)*

Масси Р. Петр Великий. Т. 1-3. Смоленск, 1996.

Авсеенко И. Г. История города С.-Петербурга в лицах и картинках. 1703-1903. Исторический очерк. СПб., 1998.

Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1991.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963.

Анисимов Е. В. Петр Первый; рождение империи // История отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991.

Эйдельман И. Я. Грань веков. СПб., 1992.

Бразол Б. А. Царствование императора Николая II в 1894— 1917 гг. в цифрах и фактах. Минск, 1991.

Остатки фундамента и сейчас можно еще увидеть. *(Прим. ред.)*

Часто оправдываются отговоркой: «А само государство как нас обворовывает!!!» (*Прим. ред.*)

Очень разумно, я бы сказал: в нынешние-то времена вообще не отдадут, даже если найдут.

Александр Дж. Россия глазами иностранца. М., 2008.

Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. М., 1990; Святой черт. Тайна Григория. Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1990.

Кирпичников А. Я. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997.